

Г 1962
14867
42

Описание
Западной Сибири
т. II

1865 г.

96 1886

МБ

Листок возврата

170 983

714

На дом №

ТО

ИЗДАНИЕ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ.

А. Анохин
14137.

О П И С А Н И Е

ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ТОМСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

Соч. ИПОЛИТА ЗАВАЛИШИНА.

Цена 60 коп.

966

МОСКВА.

1865.

Г67

14867

v2

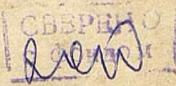
Дозволено цензурою. Москва, 15 іюля 1864 года.

972 24
64

Типографія Грачева и К. у Пречистенскихъ воротъ, въ д. Милыкова.

1) 11111, стр. 202.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ 1862 году, Московское Общество Распространенія Полезныхъ Книгъ издало 1-й томъ этаго «полнаго Описанія Сибири», заключающій въ себѣ Общее Вступленіе, изображающее всю Западную Сибирь во всѣхъ проявленіяхъ ея многосторонней жизни и подробное описаніе (по округамъ) всей Тобольской губерніи. Предлагаемый нынѣ 2-ой томъ, объемлетъ «Томскую губернію» и «Сибирско-Киргизскую степь», то есть области: Семипалатинскую и Сибирскихъ Киргизовъ.

Если вышеупомянутый 1-ый томъ, возбудилъ такое участіе и такія одобренія просвѣщеннѣйшей части русскаго общества, не смотря на всѣ его несовершенства (чего впрочемъ нельзя по совѣсти и требовать въ описаніи здѣшняго громаднаго и далекаго еще не обследованнаго края, цѣлаго «царства въ царствѣ!»), возбудилъ отъ того, что есть первый опытъ въ нашей литературѣ систематическаго и популярнаго разказа о Сибири, еще вовсе неизвѣстной для Европы и столь даже мало извѣстной и у насъ въ Россіи — то нѣтъ никакого сомнѣнія, что 2-ой томъ можетъ и долженъ по праву обратить на себя еще болѣе вниманіе читателя. Тобольская губернія, кромѣ разумѣется ея историческаго значенія (какъ начала русской осѣдлости въ Сибири и какъ исходной точки поступательнаго движенія русскаго племени въ глубь Средней Азіи и къ границамъ крайняго Востока), не представляетъ ничего живописнаго, никакой пищи для увлеченій взоромъ и мыслью. Конечно — есть въ ней

неизмѣримые контрасты между шумнымъ воинскимъ станомъ Россіи у дверей Средней Азіи, Омскомъ, гдѣ уже живительные лучи солнца говорятъ о близости золотого Востока и заброшеннымъ въ льдистыя тундры Сѣвернаго Океана полутемнымъ городкомъ Березовымъ; между богатою и кипящею торговой дѣятельностью Тюменью и глухимъ Пелымомъ въ избыткахъ да дремучихъ тайгахъ приуральскихъ; но Тобольская губерніа, во всей ея общности, не имѣетъ очень многого, что оживляетъ и разнообразитъ картины природы, невольно вѣзываетъ ихъ надолго въ память, освѣжаетъ мышленіе и чувство. Это огромная равнина. У окраины Киргизской стѣпи — теплая, сухая и плодородная, съ сытымъ и трудолюбивымъ населеніемъ, за ничтожными исключениями чисто русскимъ; въ срединѣ дремуче-лѣсистая и болотная; а наконецъ — ближе къ Ледовитому Океану безжизненно-тундренная, преддверіе «царства смерти» сѣвернаго полюса. Недостаетъ ей: горъ — красоты творенія, жаркихъ степей — съ ихъ оазисами роскошной растительности благословеннаго юга; недостаетъ ей, однимъ словомъ, того, о чѣмъ вздыхаетъ всегда житель угрюмага сѣвера: солнца и красокъ!

Совсѣмъ не то встрѣтимъ мы теперь въ этомъ 2-омъ томѣ, обозрѣвая Томскую губернію и Сибирско-Киргизскую степь. Томская губерніа, только небольшою окраиной своей прилежащей къ Березовскому и Енисейскому округамъ губерній Тобольской и Енисейской, напомнитъ намъ однообразіе, утомительно-безконечные дремучіе лѣса, пустынные и хладныя рѣки, цѣпѣющія отъ лютыхъ морозовъ тундры побережья Ледовитаго Океана. Это собственно дикій Нарымскій край (однако, какъ увидимъ, гораздо болѣе оживленный и удобный къ жизни нежели Березовъ и Туруханскі). Но всѣ верховья ея (ибо ошибочно называютъ «верховьемъ» полярныя страны, такъ какъ вся Сибирь есть напротивъ сего громадный склонъ къ Океану), то есть вся полоса прилегающая къ Китайской границѣ и къ Сибирско-Киргизской степи — сокровищница не только матеріальная но и душевная, вѣчное и

эстетическое наслажденіе зора да мысли. Южныя округа губерніи: Бійскій, Кузнецкій, частью Томскій и Барнаульскій — это Сибирская Швейцарія. Алтай съ его вѣчными «гольцами» и «бѣлками» то есть пиками (острокопечными вершинами) всегда покрытыми снѣгомъ и льдомъ; съ страшными каменистыми обрывами, дремучими лѣсами, зіяющими пещерами, глубокими долинами покрытыми чудною Алтайской флорой, съ шумящими всюду водопадами и кристальными озерами, обрамленными скалистымъ берегомъ какъ бы чашей — это картины Монъ-Сениса, Монъ-блана, Шамуни, всего, что восхищаетъ туриста въ Швейцарскихъ Альпахъ. Чарующихъ взоръ долинъ, ревущихъ водопадовъ, безчисленныхъ озёръ, дикихъ и ослѣпительной бѣлизны ледниковъ, пиковъ теряющихся коническими иглами своими въ облакахъ, Державинскихъ «алмазныхъ горъ», низвергающихся съ страшныхъ скалистыхъ высотъ, горныхъ рѣчекъ съ рѣвомъ пробивающихся грудью между утесами въ долины образуя глубокія ущелья; яркихъ цвѣтовъ, пахучихъ и живительно-сочныхъ горныхъ травъ; рошъ съ бальзамическимъ дыханіемъ тополя, липы и китайской яблони; обилія дичи, рыбы и нѣжныхъ плодовъ юга (чѣмъ глубже въ степь, тѣмъ разнообразнѣе) однимъ словомъ — такой чудной мѣстности, каково всё огромное пространство отъ Кузнецкой дремучей «черни» (такъ называютъ почти непроходимыя тайги у подошвы Алтая) до Алматъ (въ Алатавскомъ округѣ Семипалатинской области), этой сибирской Италіи, гдѣ климатъ и растительность Флоренціи, — ничего подобнаго нѣтъ не только въ Тобольской губерніи но и въ цѣлой Сибири, кромѣ развѣ недавно пріобрѣтеннаго нами вправо отъ Амура и еще почти неизвѣстнаго Уссурийскаго края, къ границамъ Корей и уже на крайнемъ почти Востокѣ, въ виду береговъ Японскихъ. Киргизская степь — обширнѣйшее изъ степныхъ пространствъ всей Азіи — простирающаяся отъ Каспійскаго моря на Востокъ до меридіана Телецкаго озера и отъ Коканда на югъ до Омской Линіи, съ громадною площадью въ 40,000

квадратныхъ миль и почти съ миллиономъ населенія (184,275 д. о. п. въ Семипалатинской области, 290,332 души въ области Сибирскихъ Киргизовъ, да 400,000 д. въ области Оренбургскихъ Киргизовъ, включая сюда и Букеевскую орду) обитаемая кочевыми Киргизами, а частью въ Сибирскомъ вѣдомствѣ русскими (въ областяхъ: Семипалатинской 35,000 д. о. п. а Сибирскихъ Киргизовъ 18,000) не соединяетъ тоже съ собой общепринятаго понятія о степи. Ея за-Илійская часть — это страна южныхъ плодовъ, винограда и бальзамическихъ лѣсовъ; такъ называемая «голодная степь» (Бедпакъ-Дала) — это каменистая Аравія и пожалуй Сахара съ удушливымъ и горячимъ симумомъ при жаркой атмосферѣ до 55° по Реомюру; Копасъ — это полоса умѣренная, схожая съ нашей Малороссіей и Подоліей; прилинейскій же край — отъ Бухтармы до Сибирскаго редута на границѣ Оренбургской губерніи — это наша черноземно-степная Россія, пожалуй Пенза и Тамбовъ. Въ суммѣ сихъ данныхъ — разнообразіе природы въ Томской губерніи и Сибирско-Киргизской степи удивительное и вовсе не подходитъ подъ мѣрку всего, что мы видѣли и описывали въ 1-омъ томѣ, проходя шагъ за шагомъ по Тобольской губерніи.

Подобное разнообразіе тутъ и во всѣхъ царствахъ природы. Въ Томской губерніи, добыча золота годъ отъ году замѣтно усиливается, а еще можно сказать, что сокровищница Алтая и горъ Киргизской степи почти нетронута. Не говоря уже о районѣ Алтайскихъ горныхъ заводовъ (вѣденія кабинета Его Величества) даже въ степи: въ хребтахъ Колбинскомъ и Кокчетавскомъ, въ горахъ Чингисъ и Мурджикъ, Джусалинскихъ и Ичкеульмесь — золото есть въ большомъ обиліи. Тобольскія и Томскія губернскія вѣдомости ежедѣльно заявляютъ о разрѣшеніи генераль-губернаторомъ Западной Сибири частнымъ лицамъ искать въ Киргизской степи золота, всякіе металлы и цвѣтные камни. Нынѣ казна открыла для вольной добычи даже нѣкоторыя мѣстности самаго Алтайскаго горнаго округа,

бывшаго дотолѣ заповѣднымъ во всемъ его районѣ, исключительною принадлежностью кабинета. Алтайскіе казенные мѣдные рудники извѣстны своимъ богатствомъ. Мѣдь найдена теперь и въ степи. Чугунъ и желѣзо уже давно разрабатываются въ Алтайскихъ заводахъ, но найдены обильно и въ Банинъ-Аульскомъ округѣ (въ области Сибирскихъ Киргизовъ). Серебро, какъ сіе всемъ извѣстно, добываютъ вотъ уже слишкомъ 100 лѣтъ (съ 1723 года, когда Демидовъ прислалъ на Алтай въ первый разъ рабочихъ изъ своихъ Уральскихъ заводовъ) въ Алтайскомъ горномъ вѣдомствѣ и въ пропорціи свыше 1000 пудовъ ежегодно (въ 1861 году, добыто его 1046 пуд. 33 фунт. 4 золотник. и оно заключало въ себѣ 34 пуд. 14 ф. 39 зол. 8 доль чистаго золота, официального отчета за 1862 годъ еще не опубликовано); но и въ Киргизской степи здѣшняго отъѣла, а именно: на прискахъ серебро-свинцовыхъ рудъ въ Банинъ-Аулъ и Каркарасахъ (области Сибирскихъ Киргизовъ) рудное содержаніе такъ богато что въ пудѣ руды заключается отъ 2 до 5 золотниковъ серебра и отъ 16 до 25 чистаго свинцу! Почетные граждане Поповы, внуки знаменитаго Томскаго миллионера Федота Попова — открыли въ 1857 году въ горахъ Каркаралинскихъ самородокъ мѣди въ 400 пуд. вѣсу, находка вѣроятно единственная въ мірѣ. Часть этой чудовищной глыбы, въ 50 пудовъ, была ими поднесена Государю Императору и находится теперь на одномъ изъ входовъ въ зимній дворецъ какъ представительница удивительнаго руднаго богатства Сибири! Въ 1858 г. уже считалось въ сибирско-киргизскомъ степномъ вѣдомствѣ до 274 присковъ, изъ коихъ: золотосодержащихъ 60, мѣдныхъ 106, магнито-желѣзныхъ 3, каменнаго угля 23, графита (для выдѣлки карандашей) 2, цвѣтныхъ камней 6. Уже и тогда было добыто: золота 2 п. 15 фунт., серебра 9 п. 20 ф., мѣди 169 пуд., свинцу 7415 п. и каменнаго угля до 552,200 пудовъ. Сія послѣдняя добыча очень замѣчательна, ибо плавка металовъ каменнымъ углемъ при безлѣсьи большей части степи обезпечить тутъ навѣч-

но сильное развитіе горнаго промысла. О соли уже и говорить нечего! Самосадочныя озера Томскія и степныя просто безчисленны. Между тѣмъ — Тобольская губернія, кромѣ находки не очень богатаго содержаніемъ золота въ Березовскомъ округѣ да признаковъ розыщей въ Пелымскомъ краѣ (въ чѣмъ мы сами удостоуверились въ 1859 году, при изслѣдованіи геологическихъ формаций верховья рѣкъ Лозвы и Сосвы, у подошвы Уральскихъ предгорій) и кромѣ богатаго солянаго озера Коряковского — не заключаетъ въ себѣ никакихъ горныхъ богатствъ. Она вѣроятно предназначена природой исключительно къ сильному развитію земледѣлія въ южныхъ округахъ, фабричной производительности въ среднихъ (Ялуторовскѣ, Тюмени, частью Туринскѣ по соседству Ирбита); къ надолго еще важной отрасли торговли пушнымъ товаромъ на сѣверѣ, кедровымъ орѣхомъ, къ сильному тоже развитію рыболовства съ рыбосоленьемъ не иначе однако какъ при непремѣнномъ условіи европейскихъ пріемовъ и на началахъ науки.

Лучшій пушной звѣрь, то есть: соболю, лисица и бѣлка (бобры вообще въ западной Сибири рѣдкѣютъ) опять таки въ Томской губерніи, гдѣ лучшая въ цѣломъ дѣшнимъ краѣ бѣлка Алтайская, а въ степи лисица. Томскія обозныя лошади и Киргизскія скаковыя — лучшія въ цѣлой Сибири. Мы уже видѣли въ 1-омъ томѣ, что за неистощимая сокровищница скотоводства Киргизская степь. Громадные пригоны къ Омской линіи быковъ и барановъ степной закупки сіе подтверждаютъ. Съ подобными итогами ничто не можетъ сравниться не только въ цѣлой Сибири, но и во всѣмъ государствѣ. Сверхъ сего — киргизское мясо вкуснѣе и сочнѣе русскаго, а киргизскій баранъ дастъ до 30 фунтовъ сала. Роскошь гастрономіи: драхва и фазанъ, водятся только въ степи. Бѣлуга, осѣтръ и стерлядь (гораздо икрянѣе и выше на вкусъ нежели въ громадной рыбной сокровищницѣ Березовскаго округа Тобольской губерніи) находится въ изумительномъ обиліи въ верховьяхъ Иртыша и Оби, въ огромныхъ озерахъ Телецкомъ и Норъ-Зай-

санъ. Медомъ (лучше всего что есть въ Россіи по аромату и вкусу) славятся Бійскій и Кузнецкій округа Томской губерніи. Ульевъ насчитываютъ тутъ нынѣ до 400,000. Полагая съ 100 ульевъ 50 пудовъ мѣду и 8 пудовъ воску, вотъ уже по теперешнимъ цѣнамъ свыше мильона цѣлковыхъ доходу. Растительность Киргизской степи, въ мѣстностяхъ не солончаковыхъ и обильно орошаемыхъ проточными водами, изумительна; и съ пышной Алтайской флорой познакомилъ учѣный міръ извѣстный профессоръ Ледебуръ. За-Илійскій и Семирѣченскій края, на югъ степи въ Семипалатинской области не даромъ называются козаками «Сибирскимъ раемъ». Яблоко, барбарисъ, вишня, персикъ, абрикось, виноградъ — тутъ всё есть, даже хлопчатникъ и миндальное дерево. Опыты разведенія сорго, марены и гаванскаго табаку удаются. Кипецъ — самая лучшая и пригоднѣйшая для корму скота трава — есть всюду въ степи; а ковыль, который лошади и скотъ отгребаютъ зимой изъ подъ неглубокихъ степныхъ снѣговъ копытомъ, очень питателенъ.

Торговля Томской губерніи и Сибирско-Киргизской степи принимаетъ годъ отъ году всё большіе размѣры. Верблюды, это неоцѣненное вьючное животное для мѣстностей подобныхъ дѣшнымъ степямъ и для караванной среднеазіяской торговли, перевозить къ Омской Линіи и обратно въ глубь степи до среднеазіяскихъ земель на мильоны разнаго товару. Въ 1820 г. вымѣнено у Киргизовъ всякихъ степныхъ произведеній только на 115,000 р. с. а нынѣ уже вымѣнивается на 6,000,000! Въ томъ же году (по таможеннымъ вѣдомостямъ) пригнано на линію только 70,000 головъ разнаго скота; а теперь вымѣнивается до 100,000 головъ одного рога-таго и до 800,000 барановъ! Даже степныя ярмарки быстро развиваются. На Акмолинскую привезено было въ 1857 г. на 100,000 р. с. товару. Въ 1858 г. привезено на сибирскую линію изъ степи товару на 3,457,917 р. с. вывезено на 2,453,527. Между тѣмъ какъ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, въ междоусобной

борьбѣ своей истощая свои колоссальныя средства, порвали отсутствіемъ ихъ хлопка на европейскихъ рынкахъ мануфактуры всей Европы — самые благопріятные виды открываются на вывозъ хлопчатой бумаги изъ Средней Азіи, намъ сподручной и изъ которой было вывезено на линію чрезъ Киргизскую степь въ 1861 году до 50,000 пудовъ хлопка, а это только починъ. И нѣтъ сомнѣнія, что при завоевательно-поступательномъ движеніи нашемъ въ глубь Азіи, въ Хиву, Бухару, Ташкентъ, Кокандъ, можетъ даже въ Западный Китай (что нынѣ сдѣлается по видимому неизбѣжнымъ для Сибири) мы чрезъ нѣсколько лѣтъ сами будемъ снабжать европейскіе рынки среднеазійскою хлопчатой бумагой; ибо съ нами ни Сѣверная Америка, ни Индія соперничать не могутъ, когда съѣтъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ придвинется наконецъ къ Омску.

Стало бытъ мѣстность, описываемая въ подлежащемъ 2-мъ томѣ, заслуживаетъ еще большаго вниманія читателя, нежели Тобольская губернія. Какъ ни блестящи виды правительства и народа нашего на такъ величаемый «богодарованный» Амуръ (хотя бы и съ его при-Уссурийскимъ краемъ, гдѣ теплѣе и привольнѣе жить нежели на Амурѣ), всё это страшно далеко отъ Россіи и даже отъ Сибири. Пройдетъ можетъ быть столѣтіе, прежде нежели это пріобрѣтеніе принесетъ намъ очевидную пользу государственную. Но Средняя Азія дѣлается нынѣ предметомъ Нижняго Новгорода. Съ придвиженіемъ съѣтъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ хотя бы къ Оренбургу (не говоря уже объ Омскѣ) облегчится завоеваніе Хивы и Бухары, а по спопутности пожалуй и Ташкента съ Кокандомъ. Кто что ни говори (а говорить противное можетъ одна лишь политическая недоброжелательность, либо близорукость), Россіи, какъ и Англіи, расширеніе есть *sine qua non* ея существованія! Уже и теперь придвинулась она чрезъ Уссурийскій край (вправо отъ Амура) къ Корей, значить — къ воротамъ Японіи, Китая, даже Индіи. Киргизская жъ степь сибирскаго вѣдомства быстро заселяется русскими. Аванпо-

сты наши всё подвигаются въ глубь степи. Давно ли созданъ Копасъ, а ужъ Русскіе въ Алматахъ. Теперь новыя станицы проникли еще далѣе, почти къ границѣ Коканда. Да и пора серьезно приступить къ дѣлу. Намъ нѣкогда и опасно возиться съ Средней Азіей. Англія вооружила по европейски свою Индію, вооружаетъ теперь и Китай. Время же пришло стать твердой ногой на крайнемъ Востокѣ, ибо Англійская политика не дремлетъ.....

И въ этомъ 2-омъ томѣ, предпринятаго нами «полнаго описанія» Сибири — мы должны оговорить заранѣе: недостаточность положительныхъ свѣдѣній, громадность картины, малоизвѣстность самаго края, препятствія научныя, а можетъ статься и матеріальныя.... Но и сей 2-ой томъ принесетъ очевидную пользу читателю. Распространяя здравыя и по возможности точныя свѣдѣнія о Сибири, онъ возбудитъ охоту приступить наконецъ къ систематическому изученію и описанію здѣшняго исполненнаго блестящихъ надеждъ государственныхъ края. Стало бытъ — цѣль наша достигнется и это надѣмся не мало важная услуга Россіи. Чтожъ касается критикъ и разнородныхъ сужденій, которымъ подвергся въ нашихъ журналахъ и газетахъ 1-ый томъ этого труда — признаемся откровенно: мы не нашли въ нихъ ничего резоннаго. Одни — придирались къ мелкимъ ошибкамъ (забывая, что такое наша официальная статистика!) и даже къ личнымъ воззрѣніямъ нашимъ, (что есть дѣло совѣсти и убѣжденій каждаго); другіе упрекали Общество Распространенія Полезныхъ Книгъ что оно беретъ будто не за свое дѣло, издавая популярное сочиненіе написанное не для мужиковъ, упуская изъ виду, что простому народу нужна сперва азбука, а не тотъ *quasi* популярный хламъ, который теперь предлагаютъ подъ громкимъ прозвищемъ «народнаго чтенія». Иные зашли еще дальше, заявляя что мы не знаемъ Сибири и вводимъ въ заблужденіе крещеный людъ, описывая ему здѣшний край такимъ сытымъ и такъ далеко оставившимъ за собой внутреннія губерніи въ отношеніи не только ма-

теріяльнаго благосостоянія но и умственнаго развитія простаго народа. На это отвѣтимъ слѣдующее: мы знаемъ Сибирь лично отъ Урала до Амура, изучаемъ ее вотъ уже 35 лѣтъ на мѣстѣ. Вдѣть и живутъ здѣсь мужики такъ, какъ дай Богъ жить тысячамъ господъ въ Россіи, соломой избъ не кроютъ, лаптей не носятъ, крѣпостнаго права не знали никогда, новое поколѣніе въ городахъ поголовно грамотно; грамотность сильно развивается тоже и въ деревняхъ въ домашней наукѣ, а не въ официальныхъ школахъ; земледѣліе и скотоводство несравненно лучше русскаго, бобыльства и тунеядства нѣтъ (кромѣ разумѣется части ссыльныхъ да и то не въполнѣ по ихъ винѣ); наконецъ — I томъ «Описанія Сибири» быстро здѣсь раскупленъ, прочитанъ всякаго рода людьми: духовными, чиновниками, купцами, мѣщанами; въ нынѣшній объѣздъ мой, по многимъ мѣстностямъ здѣшняго края, не возбудилъ никакихъ мнѣ возраженій а тѣмъ болѣе нарѣканій — а вѣдь надо жъ соизнаться, чти сибиряки лучшіе судьи въ своемъ дѣлѣ, видѣть все мною описанное на мѣстѣ сами и ежедневно. Стало быть Общество Распространенія Полезныхъ Книгъ не уклонилось отъ цѣли своего учрежденія и лучше сказать ему искреннее «спасибо» нежели судить и рядить не зная.....

Продолжаемъ.

1 марта 1864 года.

Ипполитъ Завалишинъ.

ТОМСКАЯ ГУБЕРНІЯ.

ГЛАВА XI.

ВСТУПЛЕНІЕ. КАИНСКЪ.

Томская губернія находится между 93° и 108° восточ. долготы и между 49° и 62° сѣверн. широты и граничитъ: на сѣверо-западѣ и юго-западѣ съ Тобольской, на сѣверо-востокѣ и юго-востокѣ съ Енисейской губерніями, на сѣверо-западѣ, западѣ и юго-западѣ съ Семипалатинской Областью, а на югѣ съ Китайской границей. Она состоитъ изъ 6 округовъ: Каинскаго, Томскаго, Мариинскаго, Кузнецкаго, Бійскаго и Барнаульскаго. Приблизительно же (ибо здѣсь, какъ въ Тобольской губерніи межевая съемка далеко не кончена да и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ какъ то: въ Нарымскомъ край и у подошвы Алтая просто невозможна) вычисляется нынѣ, по отчету Томскаго гражданскаго губернатора за 1861 г., въ 733,027 квадратныхъ верстѣ или 76,256,977 десятинъ; изъ этого числа принадлежитъ Алтайскимъ горнымъ заводамъ 33,315,474 десятины. Впрочемъ нынѣ, по докладу министра удѣловъ и управляющаго кабинетомъ Его Величества, состоялось Высочайшее повѣленіе о производствѣ топографической съемки всего Алтайскаго горнаго округа (земли котораго разбросаны на огромномъ пространствѣ въ округахъ: Томскомъ и части Мариинскаго, Кузнецкомъ, Барнаульскомъ и Бій-

скомъ) инженерами Межеваго Корпуса. Число жителей простирается до 710,029 душъ обоого пола, изъ числа которыхъ государственныхъ крестьянъ 165,472 д., а причисленныхъ до 1863 года къ Алтайскимъ горнымъ заводамъ и нынѣ освобожденныхъ отъ заводской зависимости 311,533; а именно, въ 1862 году въ округахъ:

Томскомъ. . .	на 234,000 к. в.	147,135 д. о. п.
Каинскомъ. . .	159,154 . .	83,157 . . .
Маринскомъ. .	45,000 . .	54,520 . . .
Барнаульскомъ.	60,158 . .	161,221 . . .
Бійскомъ. . . .	167,650 . .	164,443 . . .
Кузнецкомъ . .	67,065 . .	99,453 . . .

А всего . . . 833,027 к. 710,023 д. о. п.

Въ Томской губерніи распределение населенія уже совсѣмъ не такое, какъ мы видѣли въ Тобольской губерніи, съ скачками отъ 200,000 д. о. п. въ Ишимскомъ округѣ на 25,000 въ глухомъ Березовѣ и лишь на 50,000 въ Туринскѣ гдѣ однако Ирбитъ подъ бокомъ. Оно тутъ гораздо равномернѣе. Но прилегая къ побережью Ледовитаго Океана (отъ котораго она замкнута Енисейскою и Тобольской губерніями) Томская губернія въ той половинѣ своей, которую можно назвать „сѣверною“ т. е. въ округахъ: Томскомъ, Каинскомъ и Маринскомъ (бывшая Кійская слобода) хотя это вовсе не лютый сѣверъ другихъ губерній сибирскихъ (ибо далѣе Нарыма, въ 470½ верстахъ отъ Томска, нѣтъ уже русскихъ заселеній по Оби и она сворачиваетъ въ Тобольскую губернію) заключаетъ въ себѣ 284,912 ж. о. п. т. е. слишкомъ треть всего населенія губерніи. Ея южными округами можно назвать: Барнаульскій, Бійскій и Кузнецкій. Это гораздо основательнѣе нежели какъ въ обычаѣ называть южными: Омскій, Ишимскій и Курганскій округа въ Тобольской губерніи —

гдѣ природа, климатъ, флора и фауна далеко не могутъ сравниться съ южной частью Томскаго края. Правда, что хлѣбопашество сильное развито на югѣ Тобольской губерніи; за то въ Томской — сокровищница металловъ, скотоводства (значительнѣйшаго на одной Барабѣ нежели на всемъ югѣ Тобольской губерніи) растительности. Ее можно назвать преддверіемъ „Сибирской Италіи“ т. е. благословеннаго юга Семипалатинской области. Изъ числа 710,029 ж. о. п. населяющихъ нынѣ Томскую губернію, значитъ по отчету губернатора за 1861 годъ: раскольниковъ 12,651 душа. Ихъ называютъ „польскими поселенцами“ и просто „семейскими“. Это Стародубскіе и Вятковскіе старообрядцы, которыхъ при Екатеринѣ II выслано сюда въ 1765 году до 40,000 д. о. п. Изъ нихъ сформировано было въ Тобольскѣ 2 пѣхотные полка: Томскій и Селенгинскій; остальные же раздѣлены на двѣ части: одна была поселена по рѣкѣ Иртышу (потомки ихъ живутъ нынѣ въ Томскомъ и Бійскомъ округахъ), а другую послали за Байкалъ, гдѣ она расселилась цѣлыми волостями въ нынѣшнемъ Верхнеудинскомъ округѣ, отъ Верхнеудинска къ Петровскому заводу и по рѣкамъ Хилку и Чикю. Это лучшіе и трудолюбивѣйшіе земледѣльцы въ цѣлой Сибири, самые зажиточные и аккуратные. Недоимокъ на нихъ никогда не числится. Хлѣба ими высѣваемые (въ особенности пшеница) всегда лучшіе по добротѣ и бѣлизнѣ. Инородцевъ: осѣдлыхъ 23,892 д. о. п. а кочевыхъ 40,625. Къ финскому племени принадлежатъ тутъ: Остяки живущіе по берегамъ Оби и Чулыма, а частью и на Васьюганѣ (цѣпи озеръ раскинутой на пространствѣ 600 верстъ между тремя губерніями: Тобольской, Томской и Енисейской) и Самоѣды Нарымскаго края (по Оби же); къ Монгольскому: Калмыки — Двояданцы (то есть кочующіе на китайской границѣ, переходящіе съ своими стадами на территоріи обоихъ государствъ и пла-

тяція обоимъ данъ) и Калмыки Алтайскіе; Сибирскіе Турки неправильно называемые здѣсь „Татарами“ живущіе по Барабинской степи и Телеуты около Телецкого озера; отчасти жъ и Киргизы Средней и Малой Орды кочующіе по Иртышу, Бухтармѣ и Нарыму. Наконецъ — ссыльныхъ 31,160 (21,824 мужчины и 9336 женщинъ), а пришедшихъ по собственной волѣ за ссыльными женъ и дѣтей ихъ: 2072 души. Вмѣстѣ же съ каторжными 27,612 мужчинъ и 16,599 женщинъ. Православныхъ жителей въ Томской губерніи считается 247,823 д. мужеск. пола, что придавши столько же душе женск. пола, дастъ до полумиліона. Остальные: раскольники, лица другихъ христіанскихъ исповѣданій, Евреи, Магометане и язычники (Остяки, Самоѣды, Калмыки, Татары). Въ 1861 году родилось 41,596 д. о. п. а умерло 18,332. Кромѣ губернскаго города Томска и окружныхъ: Каинска, Мариинска (бывшій Кійской слободы, центра золотопромышленности Мариинской системы), Барнаула, Бійска и Кузнецка, въ Томской губерніи считается нынѣ: заштатныхъ городовъ 2 (Колыванъ и Нарымъ) крѣпостей и укрѣпленій 6, форпостовъ 15, редутовъ 54, волостей 144, селеній 1783, горныхъ селеній при заводахъ и рудникахъ 28, инородныхъ управъ 67. Церквей православныхъ: каменныхъ 130, деревянныхъ 171, а иноувѣрческихъ 5 (всѣ деревянные), 2 монастыря и 35 мечетей. Во всѣхъ городахъ губерніи было зданій принадлежащихъ казнѣ, разнымъ вѣдомствамъ и частнымъ лицамъ: каменныхъ 355, а деревянныхъ 7642. Стало быть — и здѣсь прогрессъ каменныхъ построекъ очень незавидный!

Томская губернія по пространству занимаетъ седьмое мѣсто въ числѣ губерній и областей всего государства. Изъ 733,027 кв. верстъ или 76,256,977 десятинъ — считается подъ пашнями только 861,000 десятинъ (въ 1861 г. высѣяно хлѣба 774,777 четвертей, въ томъ числѣ

государственными крестьянами 304,480); подъ лѣсами же 22,495,000 дес. подъ лугами и выгонами 14,322,000, подъ болотами и вообще неудобной земли до 18 милліон. десятинъ. Неснятаго же пространства, вычисляютъ по землеѣрнымъ картамъ еще 383,141 квадр. верстъ, значить болѣе половины площади всей губерніи! Послѣ этого, всякій видитъ, что межевая съемка въ Сибири не легкое дѣло. Огромные дремучіе хвойные лѣса называемые мѣстно „тайгами“ и „черными“, множество озеръ и болотъ, рѣки пересѣкающія ее во всѣхъ направленіяхъ, Барабинская и Кулундинская степи и наконецъ Алтайскія горы — сообщаютъ, какъ мы сказали въ предисловіи къ этой томѣ, особый и оригинальный отпечатокъ природѣ Томской губерніи. Хребетъ сей опредѣляющій раздѣленіе здѣшнихъ водъ, начинается отъ Большаго или Китайскаго Алтая. Отдѣлившись отъ него нѣсколько долиною р. Бухтармы, онъ тянется непрерывной цѣпью близъ юго-восточной границы Томской губерніи до Китайскаго караула Шабилы Дибакъ, подъ именемъ „Малаго или Русскаго Алтая“ и потомъ между истоками Бухтармы и Абакана, пускаетъ во внутрь Томской губерніи двѣ главныя отрасли: хребты Халзуунъ и Алатау. Халзуунъ гранитнаго строенія и раздѣляетъ собой систему водъ изливающихся въ рѣки: Обь и Иртышъ. Самая высшая точка его, по Гумбольдту (путешествовавшему по Западной Сибири въ 1829 году) есть гора „Юнту“ или „Аласъ-Тау“ на лѣвомъ берегу Чуи и отдѣляющаяся отъ исполинскихъ „Катунскихъ столбовъ“ (то есть песковъ по рытыхъ вѣчными льдами) рѣкою Арѣута. И вершины Алатау всегда покрыты вѣчными льдами, за то ущелья и долины славятся богатой растительностью и дремучими строевыми лѣсами. Сѣверо-западная часть Томской губерніи составляетъ низменность до границъ губерній: Тобольской и Енисейской въ Нарымскомъ (Тогурскомъ) от-

дѣленіи Томскаго округа. Вообще и здѣшняя мѣстность (какъ Тобольская губернія), представляетъ огромную равнину склоняющуюся отъ предгорій Алтая къ Ледовитому Океану. Сѣверная часть Бійскаго, Барнаульскій и Маріинскій округа, имѣютъ мѣстность ровную и сухую, только около рѣкъ образуются значительныя крутизны (увалы). Округа Каинскій и частью Томскій то же ровны — но здѣсь много болотъ, озеръ и лѣсовъ. Однимъ словомъ — западная часть болѣе открыта и безлѣсна; а къ сѣверу и востоку тянутся на значительныя пространства дремучія хвойныя тайги съ примѣсю березы и осины. Средина же губерніи съ юго-западною частью Бійскаго округа, гораздо менѣе покрыта лѣсами и вовсе безъ болотъ. При великолѣпной водной сѣти ее покрывающей (главныя рѣки: Обь, которой изливается въ Сѣверный Океанъ вся почти масса водъ губерніи, Иртышъ, Омь, Катунь и Бія, Чулымъ, Кій, Тартисъ) и чрезвычайномъ плодородіи почвы — Томская губернія по хлѣбопашеству (въ особенности пшеницы высокаго качества) скотоводству и пчеловодству считается по праву лучшей мѣстностью въ цѣлой Сибири. Вся сѣверо-западная часть Бійскаго округа, восточная Барнаульскаго и Маріинскаго, да юго-западная Каинскаго — представляютъ самыя счастливыя данныя для обширнаго и улучшеннаго скотоводства. Томскій же округъ, изобилуетъ мѣстами для рыбной и звѣриной промышленности; такъ какъ черезъ него протекаетъ Обь и Нарымскій край покрытъ тутъ дремучими лѣсами. Предгорія Алтая и самый кряжъ его съ своими многочисленными отрогами суть (какъ мы и говорили выше сего) истинная „золотая чаша“ всей Сибири, по неистощимымъ руднымъ богатствамъ. Можно вообразить себѣ, что такое Алтай — если скажемъ, что съ 1745 года (времени начала правильной уже добычи металловъ, при Елисаветѣ Петровнѣ) по 1852 годъ, Алтайскіе заводы дали:

чистаго золота отдѣленнаго изъ серебра 2470 пуд. 38 ф. 21 зол. 6 дол. а съ казенныхъ розсыпей (которыя начали разрабатывать съ 1831 г.) 459 п. 18 ф. 29 з. 74 д.; серебра бликоваго рудничнаго 82,161 п. 9 ф. 52 з. 5 д. Если жъ присоединить къ сему, десятилѣтнюю сложность съ 1852 по 1862 г. дающую среднимъ числомъ по 100 п. золота (въ отдѣленіи отъ серебра и въ розсыпяхъ) да по 1000 пуд. серебра — то получится громадная цифра до 4000 п. золота и до 100,000 п. серебра, несмотря еще на все несовершенство развитія руднаго промысла вообще въ Россіи. Сибирь съ уничтоженіемъ преградъ для добычи всякаго рода благородныхъ металловъ (заповѣдныхъ районовъ казны, монополіи золотопромышленности, высокихъ податей) можетъ несомнѣнно сдѣлаться Калифорніей и Австраліей русской; несправедливо мнѣніе, что добыча золота и серебра истощается, а напротивъ лишь отсутствіе наукообразныхъ пріемовъ, административныя стѣсненія и недостатокъ ассоціаціонной предпримчивости „не на авось“ истинныя причины того, что добыча вотъ уже нѣсколько лѣтъ какъ бы держится все почти на однѣхъ и тѣхъ же цифрахъ даже и съ уменьшеніемъ. Чтожъ касается звѣроловства, то извѣстно, что Алтайская бѣлка лучшая въ Западной Сибири и только уступаетъ Якутской да Баргузинской (въ Забайкальѣ).

Отъ горы Бѣлухи, стоящей въ верховьяхъ Катуні, многочисленныя вѣтви Алтая раскинулись по округамъ: Бійскому, Кузнецкому и Томскому. Богатѣйшій своими золотonosными розсыпями хребетъ Алатау, отдѣляя притоки Томи отъ притоковъ Чулыма, идетъ подъ названіемъ кряжа Кузнецкаго почти до Томска, гдѣ и исчезаетъ сглаживаясь и сливаясь съ степью. Отъ Томска до предѣловъ Западнаго Китая, отъ Бійска и Кузнецка почти до водораздѣла Енисея (въ Енисейской губерніи, куда отроги Алтая переходятъ подъ именемъ Саянскихъ

24
972
67

горь), вся эта площадь покрыта непроходимыми тайгами прозванными „чернью“. На семъ безпредѣльномъ пространствѣ, лишь кой гдѣ возникаютъ надъ темною поверхностью лѣсовъ (какъ скалы среди моря) дикіе и неприступные ледники, упирающіеся въ облака, и надъ лѣсами носятся вѣчные туманы. По количеству и обширности своихъ лѣсовъ, Томская губернія одна изъ наиболѣе лѣсистыхъ и богатыхъ строевымъ лѣсомъ губерній въ государствѣ. Ея сплошныя лѣса, начинаясь въ юго-западной части губерніи по правую сторону Иртыша (гдѣ они извѣстны подъ именемъ Семипалатинскихъ и Шульбинскихъ урмановъ), соединившись съ Барнаульскими, Маріинскими, Кузнецкими и Томскими „чернями“, проходятъ на сѣверъ въ Нарымскій край и исчезаютъ лишь въ полосѣ тундры у поморія Ледовитаго Океана. Большая часть этой тайги принадлежать казнѣ. Великолѣпные строевые лѣса: сосна, ель, лиственница, кедръ, пихта растутъ по берегамъ Оби, частью по правому берегу Иртыша, по Оми, Тами, Чулыму, Тартасу, на протяженіи 300 верстъ вверхъ отъ форпоста Семіарскаго до окончанія Шульбинской тайги. Сплавъ строевыхъ лѣсовъ производится преимущественно по Тартасу и Оми изъ Каинскаго округа, а по Иртышу изъ Бійскаго, и составляетъ важную отрасль промышленности мѣстныхъ жителей, — тѣмъ болѣе, что отъ Керякова внизъ по Иртышу на юго-западъ губерніи и по Омской линіи лѣсъ такъ рѣдокъ, что цѣны на него всегда высоки особливо на хорошій строевой.

Бѣлкі Алтай состоятъ изъ обнаженныхъ камней, покрытыхъ всегда льдомъ и снѣгомъ. Лишь кой гдѣ пролегаютъ между спусками страшныя и опасныя тропинки, по коимъ пробираются вьючно. Но долины, среди этой дикой природы — маленькіе эдемы творенія! Таковы въ особенности: Чуйская, Уймонская, Курайская, Абайская, Бухтарминская — по обѣ стороны рѣки Чу и Бух-

тармы, у границъ Западнаго Китая и Семипалатинской области. Ледники, торчащіе на вершинахъ горъ и ослѣпительною бѣлизной своей рѣзко отдѣляющіеся отъ темнозеленаго фона густыхъ лѣсовъ покрывающихъ скаты; безчисленные водопады низвергающіеся съ страшныхъ высотъ и съ неимоверной быстротой собирающіеся вмѣстѣ, чтобы, образовавъ горныя рѣчки, пробиться въ долины; зеркальныя озера этихъ долинъ, окаймленныя живописными утесами, а по долинамъ тѣнистыя рощи; яркость цвѣтовъ, сочность зеленыхъ травъ, благоуханіе пихты, которая лѣтомъ по мѣстному выраженію (какъ и въ Пелымѣ) „курится“ точно кадильница предъ престоломъ Божиимъ; ѣдкій ароматическій запахъ другахъ хвойныхъ породъ, чистый горный воздухъ; наконецъ — тучныя земли и обиліе подножнаго корма, обширное пчеловодство и способность производить въ южной части нѣжныя плоды мягкихъ климатовъ, — таковъ этотъ чудный Алтай! Именно поэтический уголокъ Томской губерніи, еще почти неизслѣдованный и которому теперь освобожденіе горно-заводскихъ крестьянъ дастъ безъ сомнѣнія сильное развитіе; ибо, извѣстное дѣло, вольныя руки творятъ чудеса...

Барабинская степь — знаменитая и громкая въ цѣлой Сибири — простирается между Иртышемъ и Обью отъ предгорій Алтая до Томско Нарымскихъ зыбуновъ въ округахъ: Каинскомъ (преимущественно), Томскомъ, частью въ Барнаульскомъ и Бійскомъ. Собственно это не степь, какъ напримѣръ и Кулундинская (къ югу отъ нея); какъ нельзя назвать степями: Сагайскую въ Минусъ (Енисейской губерніи) и Братскую между Верхнеудинскомъ и Читой (Забайкальской области). Всѣ эти пространства не что иное какъ огромныя плоскости щедро надѣленные лѣсомъ, чистыми проточными водами, превосходною черноземной почвой и обильными кормовыми травами. Посему онѣ быстро и охотно заселя-

лись, хлѣбопашество и скотоводство развилось на нихъ сильно. Но и рыболовство стоитъ, даже на Барабинскихъ степяхъ, на первомъ планѣ. Безчисленные озера Барабинской и Кулундинской степей — изумительно обильны хотя и не красной рыбой; а за то буквально кишатъ: окунами, налимами, превосходными на вкусъ и крупными карасями (въ Каинскомъ округѣ въ особенности), щукой, язями. Озера: Чаны, въ Каинскомъ и Томскомъ округахъ; Убинское въ Каинскомъ же округѣ, близъ главнаго сибирскаго тракта у станціи Убинской (въ 63 верстахъ отъ города Каинска); Телецкое, прозванное Калмыками „золотымъ озеромъ“, Алтынъ-Куль, въ восточной части Бійскаго округа, чрезвычайно богаты рыбой. Въ Телецкомъ водятся даже: стерляди, таймень, нельма и вкусная сельдь. Соляныя озера: Боровыя и Алеускія, въ Барнаульскомъ и Бійскомъ округахъ да Бурлицкія въ Томскомъ — обильно снабжаютъ Томскую губернію хорошею поваренной солью. Качествомъ воды и свойствомъ окружающаго мѣстоположенія, всѣ эти озера во многомъ между собою сходны; берега ихъ мало возвышены, круты и имѣютъ солонцовато-глинистый грунтъ. Какъ и на Коряковскомъ (I томъ „Описанія Сибири“), садка соли начинается и здѣсь съ мая, а ломка съ іюня. Насчитываютъ до 1500 мелкихъ соляныхъ озеръ! Вообще ежегодная добыча соли какъ казной такъ и частными солемщиками простирается до милліона пудовъ ежегодно. Рѣки Томской губерніи также не мало способствуютъ ея благосостоянію. Обь (какъ мы это видѣли въ „Общемъ Вступленіи“ къ I Тому) составляется изъ рѣкъ Бии и Катуніи въ 9 верстахъ отъ города Бійска. Проходя округами: Бійскимъ, Барнаульскимъ и Томскимъ — она отъ устья Томи течетъ на сѣверо-западъ и вступаетъ за Нарымомъ въ предѣлы Тобольской губерніи. Уже при сліяніи Бии съ Катунью, Обь раскидывается на версту

ширины. Изъ второстепенныхъ рѣкъ губерніи, самая важная по приносимой ею практической пользѣ — это Томь. Она течетъ съ западной покатости хребта Ала-тау и, проходя чрезъ округа: Кузнецкій и Томскій, на протяженіи 680 верстъ, впадаетъ въ Обь; она связуетъ такимъ образомъ непрерывнымъ воднымъ путемъ все громадное пространство отъ богатой и торговой Тюмени до центра всей Сибири судоходной, почтовой, обозной, до не менѣе богатаго и торговаго Томска. Котъ, вытекающая изъ Енисейскаго округа (Енисейской губерніи), при юртахъ Урлыковыхъ вступаетъ въ Томскій округъ и впадаетъ тоже въ Обь. Съ самаго завоеванія Сибири и до нынѣшняго времени, Котъ, протекающая на 1,000 верстъ (изъ коихъ 600 по Томской губерніи), составляетъ единственно-удобный и сподручный путь водный въ Восточную Сибирь. Отъ судоходнаго верховья Коти до Енисея, такъ называемымъ „Маковскимъ волокомъ“ съ небольшимъ 60 верстъ тундристо-ровной почвы. Давно уже говорятъ о необходимости соединительнаго канала, который бы могъ вдвинуть глубь Восточной Сибири въ Западную (если расчистить Ангарскіе пороги, на рѣкѣ Ангартъ выходящей изъ Байкала); но Томскіе и Красноярскіе золотопромышленники, убившіе десятки милліоновъ рублей на мотовство и тщеславіе — не хотѣли понять, что лучше быть не благодѣтелемъ, наприм. откупа (который и безъ нихъ умѣлъ такъ наживаться!), а цѣлаго края съ хорошими водными сообщеніями, удобно-проѣзжими дорогами, Университетомъ... даже Сибирскаго Музеума не могли составить... А кричали, что желяютъ блага Сибири!

Томская губернія очень богата скотоводствомъ. Въ 1861 г. считалось въ ней 625,492 лошади, 585,073 штуки рогатаго скота, 577,408 овецъ, 158,133 свиньи, 19,798 козъ — всего до 1,963,912 головъ оффиціально извѣстныхъ, кромѣ табуновъ и стадъ кочевниковъ Калмы-

ковъ, Дзюнгаръ, Телеутовъ, коихъ разумѣется усчитать невозможно. Только въ шести русскихъ губерніяхъ процентъ выше. Звѣроловство мало уступаетъ тоже Тобольской губерніи. Кроме цѣнной Алтайской бѣлки, въ Кузнецкой „черни“ водится и соболь (но бобръ удался уже въ малодоступныя тайги крайняго сѣвера). Пушистая красная лисица водится во множествѣ въ Алтаѣ, гдѣ тоже есть дикій кабанъ, кабарга, дикій баранъ, даже не рѣдко попадаются тигры. Вообще — доколѣ не истощатся еще надолго покуда неистощимыя тайги Нарымскія и при-Алтайскія, звѣропромышленность служить и будетъ служить здѣсь важнымъ подспорьемъ благосостоянію крестьянъ и инородцевъ. Ибо всѣ инородческія племена здѣшней мѣстности (Татары, Остяки, частью Калмыки) живутъ звѣриннымъ промысломъ; небольшая только часть Татаръ обитающихъ въ южной части сѣтъ притомъ и хлѣбъ. Громадная же сѣтъ озеръ, извѣстная подъ именемъ „Висьюгонскихъ болотъ“ (I Томъ „Описанія Сибири“), простирающаяся, какъ мы видѣли, среди дремучихъ урмановъ между Иртышемъ, Обью и притоками Енисея, длиною въ 600 верстъ, проходя и по Томской губерніи (въ Нарымскомъ отдѣленіи Томскаго, а частью въ Каинскомъ округахъ), доставляетъ не только мѣстнымъ инородцамъ (Остякамъ, Самоѣдамъ и Тунгусамъ), но и русскимъ звѣровщикамъ и мелкимъ заѣзжимъ торговцамъ (преимущественно изъ Татарскихъ и Томскихъ Татаръ и Бухарцевъ) обиліе кедровыхъ орѣховъ, сушеной малины (извѣстной во всемъ краѣ своимъ вкусомъ и крупностью), бѣлки, соболя, лосины и оленины. Одинъ Нарымскій край (Томскаго округа) отправляетъ ежегодно на Нижегородскую ярмарку до 20,000 бѣлки и до 3,000 калонковъ. Томскія лошади издавна славятся въ ямщинѣ отъ Кяхты до Москвы. Онѣ рослы, сильны, съ небольшимъ пахомъ, который хотя и не даетъ большой свободы ногамъ, за то

увеличиваетъ ихъ устойчивость, а это первое качество хорошей воевой лошади. Изъ всѣхъ породъ сибирскихъ лошадей, предпочитаютъ на золотыхъ приискахъ Томской губерніи лошади Нарымскаго края, которыя и назначаются въ „песковья“, то есть для возки песковъ, что есть самая трудная работа. Онѣ немного повыше Калмыцкихъ или Алтайскихъ лошадей, отличаются крѣпостью и особенной бойкостью да поворотливостью, качествами сближающими ихъ съ обвинскою или вятскою породой въ Россіи. Объ Нарымскихъ лошадяхъ мало извѣстно, потому что этотъ уголокъ Томской губерніи къ сѣверу и въ сторонѣ отъ главнаго сибирскаго обознаго тракта. Повторимъ здѣсь выраженное уже нами въ 1-омъ томѣ сожалѣніе, что Западная Сибирь, столь тѣсно связующая нынѣ свои интересы матеріальныя съ интересами всего Каинско-Волжскаго бассейна (особливо когда осуществится Пермско-Тюменская желѣзная дорога), не имѣетъ казенной центральной случной конюшни, столь здѣсь необходимой для улучшенія мѣстныхъ лошадиныхъ породъ.

Климатъ въ Томской губерніи несравненно лучше нежели въ Тобольской. Хотя на сѣверѣ онъ еще и холоденъ, однако такъ какъ вся губернія заслоняется губерніями: Тобольскою и Енисейскою еще далеко до прибрежья Ледовитаго Океана — то лютыхъ Березовскихъ морозовъ даже и въ Нарымскомъ краѣ (400 верстъ сѣвернѣе Томска) не знаютъ. Въ среднихъ же мѣстностяхъ онъ умеренный и теплый, а на западѣ произрастаютъ и южныя растенія. Цынга на сѣверѣ почти неизвѣстна и эпидемическія болѣзни въ другихъ частяхъ губерніи очень рѣдки. Холера 1846 г. доходила только до Оби, а хотя въ 1853 г. и проникла далѣе, въ средину Томской губерніи, но дѣйствовала очень слабо. Иногда проявляется на Барабинской степи на скотѣ и лошадяхъ такъ называемая „сибирская язва“ (карбункулъ произ-

водящий антоновъ огонь), но рѣдко заражаетъ человѣка, развѣ не примутъ должныхъ мѣръ предосторожности при уходѣ за больнымъ скотомъ. Вѣсна здѣсь открывается въ апрѣлѣ, а осень въ сентябрѣ; лѣтомъ жары доходятъ до 35° по Реомюру въ тѣни. Тогда подобно Тарскому округу (Тобольской губерніи) и на Барабѣ, отъ множества озеръ и болотъ, появляются тучи комаровъ, микроскопической мошки, паута и овода, — мука людей и животныхъ. За то на югѣ Томской губерніи климатъ превосходный. Жары умѣряются прохладными вѣтрами съ сѣжныхъ вершинъ Алтая, растительность свѣжая и здоровая, долголѣтіе очень обыкновенно. При маломъ числѣ врачей, больницъ и аптекъ — процентъ смертности очень не великъ. По послѣдне-обнародованымъ свѣдѣніямъ за 1861 г., на населеніе въ 710,029 ж. о. п. было родившихся 41,596 д. о. п. умершихъ же только 18,332 души — фактъ очень утѣшительный! Въ числѣ умершихъ — дѣти до 5 лѣтъ преобладаютъ (8,961), значить небрежный уходъ за ними такой же какъ и въ Тобольской. Свыше 100 лѣтъ умерло 16 а почти до 100 лѣтъ дожило 148 (въ томъ числѣ 52 женщины). Среднее же долголѣтіе можно положить приблизительно въ 55 лѣтъ. И здѣсь, какъ въ Тобольской губерніи — образъ жизни русскихъ обитателей и коренныхъ инородцевъ края почти тотъ же: хлѣбопашество, рыболовство, скотоводство и звѣроловство (разработка металловъ не составляетъ исключительности, потому что она существуетъ и въ Восточной Сибири; хотя конечно Алтайскіе заводы съ громаднымъ населеніемъ къ нимъ до 1863 года приписаннымъ по большой проплавки серебра, мѣди и желѣза, первые въ государствѣ). Нравы сибиряковъ здѣсь впрочемъ лучше нежели въ Тобольской губерніи и это потому въ особенности, что изъ всей массы здѣшняго населенія (710,029 ж. о. п.) 311,533 д. о. п. чисто бывшихъ заводскихъ крестьянъ, къ обществамъ

которыхъ не приписывали доселѣ ссыльныхъ: да и самыхъ ссыльныхъ здѣсь очень мало (31,160 д. о. п. на слишкомъ 700,000 народу). По свѣдѣніямъ бывшего главнаго начальника Алтайскихъ заводовъ, генераль-майора А. Д. Озерскаго (кѣму мы много обязаны доставленіемъ намъ самыхъ подробныхъ данныхъ о Томской губерніи вообще и объ Алтайскихъ заводахъ въ особенности) судилось въ районѣ Алтайскаго горнаго округа въ 1861 году за разныя преступленія и проступки, слѣдующее число лицъ всякаго званія:

	мущ.	женщ.
По святотатству	н	н
Убіиству	12	н
Самоубіиству	1	н
Зажигательству	н	н
Побѣгу арестантовъ	5	н
Грабежу въ селеніяхъ	7	н
Воровству мошенничеству	97	н
Корчемству виномъ и пивомъ	4	н
Корчемству соляному	н	н
Поддѣлкѣ монеты и имѣнію фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ	6	н
Блудодѣянію	н	н
Покушенію на жизнь другихъ	7	н
Пристанодержательству	н	н
Конокрадству	49	н
Подкидыванію младенцевъ	н	н
Растлѣнію	2	н
Скотоложству	н	н
Буйству, дракѣ и нанесеніи увѣчья	31	н
Побѣгамъ	255	н
Лихоимству	4	н
Развратному поведенію и пьянству	8	н
Ложному показанію о смертоубійствахъ	2	н
Упуску арестантовъ	21	н

Неисполненію приказаній начальства . . .	11	„
Отзыву отъ казенной работы	1	„
Неявкѣ на срокъ изъ увольненія	9	„

И того мужчинъ . . . 532 (ж. неб.)

На огромное тогда заводское населеніе въ 311,533 д. о. п. (т. е. болѣе губерній: Архангельской, Енисейской, Иркутской и даже Эстляндской) приходилось стало быть въ 1861 году только 532 подсудимыхъ, или точнѣе сказать взятыхъ подъ стражу, ибо изъ этого оказалось преступниковъ только 357! Это самое лучшее доказательство доброй нравственности жителей Томской губерніи, потому что если прибавить къ 311,533 д. о. п. бывшаго заводскаго вѣдомства, осѣдлыхъ и кочевыхъ инородцевъ 64,517 ж. о. п. у которыхъ преступленія очень рѣдки — вотъ 375,050 ж. о. п., слишкомъ половина населенія всей губерніи съ такимъ неимоверно малымъ числомъ подсудимыхъ, въ сравненіи съ Тобольскою губерніей гдѣ однихъ конокрадовъ считаются сотни въ каждой тюрьмѣ южныхъ округовъ! Притомъ же замѣчательно еще и то, что подъ именемъ Алтайскаго населенія не должно принимать однихъ прежнихъ крестьянъ горнозаводскихъ, а и чиновниковъ, военно-служащихъ, горныхъ служителей (изъ которыхъ составлены всѣ заводскія и рудничныя селенія). По табели о народонаселеніи Алтайскаго горнаго округа (отчетъ главнаго начальника за 1861 г.) значится 192,008 мужчинъ и 193,949 женщинъ, т. е. всего 385,957 ж. о. п. (74,424 ж. о. п. сверхъ горнозаводскихъ крестьянъ). Если же при-даться къ нимъ 64,517 ж. о. п. инородцевъ, то получится уже 450,474 ж. о. п. изъ 710,029 всего населенія губерніи. Самый родъ преступленій тоже фактъ очень утѣшитель-ный. Первое мѣсто и наибольшая цифра принадлежитъ по-бѣгамъ (255) воровству (97) конокрадству (49) буйству и дракамъ (31) и наконецъ упуску арестантовъ (21).

Все преступленія обыденныя, естественное послѣдствіе прежнихъ обязанныхъ работъ заводскихъ. Наконецъ самое распредѣленіе преступниковъ по сословіямъ го-ворить въ пользу заводскаго населенія. Изъ нихъ было:

	мущ.	женщ.
Чиновниковъ и канцелярскихъ служи- телей	3	„
Крестьянъ	2	„
Горныхъ служителей	328	„
Солдатъ	24	„

А всего мужчинъ . . . 357 (ж. неб.)

Изъ 311,533 ж. о. п. 2 крестьянина (въ такой огром-ной массѣ крестьянъ бывшихъ заводскихъ) есть рѣдкое явленіе не только въ Россіи, но и въ Европѣ! Это до-казываетъ гуманность администраціи (не тянущей къ суду и не набивающей въ тюрьмы ради своихъ кар-манныхъ выгодъ и безъ толку), да и сытое довольство бывшихъ заводскихъ крестьянъ. Цифра служителей (328) очень понятна. Служители въ горныхъ заводахъ, тоже что мѣщане въ городахъ (болѣе испорчены нравствен-но и имѣютъ болѣе настоятельныхъ нуждъ). Солдаты же (24) явленіе обыкновенное, общее всѣмъ мѣстно-стямъ гдѣ стоятъ войска. Въ 1861 г. офицеровъ корпу-са горныхъ Инженеровъ и горнаго же вѣдомства клас-сныхъ чиновниковъ состояло на Алтай въ службѣ все-го 166 человѣкъ; а цифра подсудимыхъ, съ канцеляр-скими служителями вообще (и таковыхъ считалось тог-да на Алтайскихъ заводахъ 862 человѣка)—3 совершен-но ничтожна. Заключимъ это замѣткой: что въ тюрь-махъ гражданскаго вѣдомства Томской губерніи (гу-бернской Томской, окружныхъ и для городскихъ жите-лей: въ Каинскѣ, Мариинскѣ, Кузнецкѣ, Бійскѣ и Бар-наулѣ и сверхъ сего въ заштатныхъ городахъ Колы-вани и Нарымѣ), кромѣ проходящихъ въ ссыльныхъ партіяхъ арестантовъ (которыхъ въ расчетъ принимать

нелзя) содержится ежегодно круглымъ числомъ до 1,000 д. о. п. на населеніе (если вычесть бывшее заводское и инородцевъ) въ какихъ-нибудь 250,000 душъ, т. е. изъ 250-ти 1! Томскій попечительный о тюрьмахъ губернский комитетъ, въ отчетахъ публикуемыхъ имъ о своей ежегодной дѣятельности — выставляетъ всегда „главнѣйшимъ средствомъ, дѣйствующимъ на нравственное исправленіе арестантовъ, существованіе церковей при мѣстахъ заключенія“ (отчеты 1857—1861 гг.). Спорунтъ — что религія смягчаетъ суровость нравовъ, возбуждаетъ къ раскаянію, отрезвляетъ мысль и совѣсть; но вѣдь церковныя службы и посѣщенія священника — суть явленія краткія, скользящія по душѣ громаднаго числа арестантовъ. Личнымъ опытомъ многолѣтнихъ наблюденій во всякаго рода тюрьмахъ отъ Петербурга до Амура — убѣдились мы: что такъ называемаго „нравственнаго исправленія“ арестантовъ у насъ нѣтъ да и быть не можетъ, пока система тюремнаго содержанія вся радикально не измѣнится. Арестанты живутъ въ постоянной праздности и постоянномъ общеніи между собою. Раздѣленіе въ теоріи не существуетъ на практикѣ. Злоупотребленій, недоглядохъ всегда много. Званіе „Директора“ и „Директрисы“ (гдѣ есть дамскіе комитеты) рѣдко неоминальное. Немногіе лишь принимаютъ его къ сердцу, да и чтобы быть Говардомъ надо много нравственныхъ условій кромѣ одной лишь доброй воли. Однимъ словомъ — лишь судебная реформа въ соединеніи съ широкимъ мѣстнымъ самоуправленіемъ можетъ все измѣнить къ лучшему...

Чтожъ касается инородцевъ Томской губерніи — то они немногимъ отличаются отъ таковыхъ же въ сосѣдней Тобольской. Остяки въ Нарымѣ (какъ это мы видѣли I Томѣ, при описаніи Березовскаго края) находятся на той же степени грубости и невѣжества. Они также живутъ въ юртахъ, грязныхъ и бѣдныхъ, хотя по р. Ва-

сюгану и по Оби (въ предѣлахъ губерніи) гораздо привольнѣе жить, нежели родичамъ ихъ на крайнемъ сѣверѣ. У нихъ, кромѣ оленей, есть и рогатый скотъ. Калмыки, кочующіе на юго-востокъ Кузнецкаго и Бійскаго округовъ, болѣе склонны къ осѣдлой жизни, нежели жалкія племена гиперборейскія. Они постоянно переходятъ на одни и тѣ же мѣста не болѣе двухъ разъ въ годъ и не далѣе квадратной версты. Управляются Зайсангами и старшинами. Зайсангъ (какъ у Бурятъ Зайбайкальскихъ) передаетъ свои права наслѣдственно старшему сыну; если же сыновей нѣтъ — то брату, дядѣ или ближайшему родственнику. Калмыки хотя и грубы, но съ умомъ смѣтливымъ, гостепріимны и честны; но что всего лучше, чужды воровства столь свойственнаго всѣмъ Азіатскимъ племенамъ. Любимое ихъ занятіе ѣздить по гостямъ въ лѣтнее время, напиваться „арака“, ѣсть баранину, курить табакъ. Всѣ домашнія и полевые работы выполняютъ жены. Юрта — жердевой конусъ покрытый войлокомъ, а у бѣдныхъ и корою. Скотоводство у нихъ большое, кромѣ сего они искусные звѣровщики. Такъ какъ Калмыки Томской губерніи давно прекратили сношенія съ далекою теперь для нихъ Монголіей, даже съ Бурятами Забайкалья (не говоря уже о Тибетѣ) то имѣютъ духовенство (абызовъ или ламъ) крайнѣ невѣжественное. Телеуты же, Калмыки-двоеданцы и прочія малочисленные племена, разсѣянные у предгорій и въ самыхъ ущельяхъ Алтая, ведутъ такую же пастушескую жизнь.

Раздѣленіе жителей Томской губерніи по сословіямъ представляетъ многія рѣзкія различія съ таковымъ же въ Тобольской. Въ сей послѣдней — центръ управленія всей Западной Сибири (въ Омскѣ), много войскъ (на Омской Линіи и по крѣпостямъ: козаки, линейные батальоны, артиллерія, инженеры и проч.), очень много ссыльныхъ и 2 большихъ каторжныхъ завода; за то

купечество и мѣщане не богаты, инородцы же крайне бѣдны, а горнозаводскихъ крестьянъ и вовсе нѣтъ. Вотъ причины — что Томская губернія и живетъ сытѣе и криминальная статистика ея утѣшительнѣе. Къ 1 январю 1862 г. вотъ какъ здѣсь распредѣлялись всѣ сословія:

	мущ.	женщ.
Дворянъ: потомственныхъ	162	173
личныхъ	1950	1690
Духовенства: православнаго бѣлаго.	1553	1653
монашествующаго (правосл. же).	13	"
единовѣрческаго бѣлаго.	36	47
римско-католическаго	2	"
евангелическо-лютеранскаго	3	2
еврейскаго	1	1
магометанскаго	74	84
Почетныхъ гражданъ: потомственныхъ	40	41
личныхъ	25	25
купечества 1, 2 и 3 (нын. 2-я же) гильдій	1,149	1,082
мѣщанъ.	9,386	8,016
цѣховыхъ	370	420
Крестьянъ: государственныхъ всѣхъ наименованій.	80,887	79,650
удѣльныхъ	34	23
бывшихъ приписанныхъ къ Алтайскимъ заводамъ	147,875	158,679
временно обязанныхъ (бывшихъ помѣщ.)	137	239
бывшихъ дворовыхъ людей (до 19 февр. 1863 г.).	100	104
Военныхъ: регулярныхъ войскъ.	4,061	2,191

иррегулярныхъ.	5,478	5,512
безсрочно-отпускныхъ	699	465
отставныхъ нижнихъ чиновъ, солдатскихъ женъ и дочерей	2,562	3,212
солдатскихъ дѣтей и кантонистовъ	772	"
Инородцевъ.	33,052	31,512
Иностранныхъ подданныхъ	37	17
Непринадлежащихъ ко всѣмъ выше показаннымъ разрядамъ (въ томъ числѣ ссыльно-каторжныхъ и ссыльно-поселенцовъ 27,612 мущ. и 16,599 женщинъ)	76,244	54,488

Въ городахъ было: 25,428 мужчинъ и 20,356 женщинъ (въ Тобольской губерніи хотя ихъ и больше: однѣхъ лицъ собственно городского сословія 15,750 мущ. и 16,544 женщины; но непрерывная приписка ссыльно-поселенцевъ въ мѣщане уже совсѣмъ испортила мѣщанское сословіе). Изъ нихъ мѣщанъ 9022 д. муж. пола. Томскіе мѣщане народъ бойкій и изворотливый, кромѣ мелочной торговли въ городѣ и округѣ — они занимаются письмоводствомъ на приискахъ, въ присутственных мѣстахъ, въ волостяхъ, въ купеческихъ конторахъ, нанимаются въ обозные и параводные прикатики, такъ же хорошо развиты умственно какъ и мѣщане Тюменскіе. Мариинскіе (бывшая Кійская слобода), занимаются преимущественно перевозкой товаровъ; Бійскіе, значительными поставками табаку; Кузнецкіе, вываркой мыла и выдѣлкой воска, котораго они добываютъ ежегодно до 2000 пуд., Барнаульскіе, открыли себѣ недавно новую отрасль промышленности — разведеніемъ высшихъ сортовъ табаку и выдѣлкой изъ онаго сигаръ и папиросъ; Каинскіе (преимущественно Евреи, кото-

рыхъ здѣсь множество даже въ купцахъ) мелочной торговли, равно какъ и Колыванскіе; наконецъ — даже въ маленькомъ Нарымѣ (гдѣ всего 440 мѣщ. муж. п.) есть для нихъ хорошій кусокъ хлѣба въ рыболовствѣ и въ извозѣ до Томска мерзлой рыбы зимой.

Въ Томской губерніи не такъ развита какъ въ Тобольской — гдѣ ярмарка Ишимская (Никольская, 6 декабря) пускаетъ въ оборотъ миллионы рублей, кроме многочисленныхъ городскихъ и сельскихъ ярмарокъ даже въ глухомъ Обдорскѣ. Но Томскъ тѣмъ важнѣе, что онъ есть перевалъ Кяхтинскихъ чаевъ съ сухопутной доставки ихъ изъ Кяхты до Томска на параконную лѣтомъ до Тюмени, а обозно туда же зимой. А изъ Россіи въ Иркутскъ и Кяхту такимъ же образомъ: сплавомъ лѣтомъ до Томска изъ Тюмени, а зимой гужомъ. Торговыхъ свидѣтельствъ купеческихъ было выдано только 472, изъ коихъ по 1 гильдіи лишь 6 (тогда какъ въ Тобольской губерніи ихъ выдано 848 изъ коихъ по 1 гильдіи 18). За то Томское купечество, положительные капиталисты (между тѣмъ какъ въ Тобольской губерніи состоянія громоздятся вдругъ изъ ничего и такъ же скоро исчезаютъ)! Крестьянскихъ торговыхъ свидѣтельствъ было выдано 48, прикащескихъ 1059 (въ Тобол. губ. первыхъ 164, а послѣднихъ за то лишь 37). Значитъ при серьезной торговлѣ Томскаго купечества, ему необходимо 1000-ю прикащиками болѣе; тогда какъ въ Тобольской губерніи есть такие купцы (въ уѣздныхъ городкахъ въ особенности) что иному и самому поѣсть нечего! Самая значительная ярмарка въ Томской губерніи, это въ Сузунскомъ заводѣ (въ Барнаульскомъ округѣ) съ 6 по 20 декабря, на которую привозъ простирается до полумилліона рублей серебромъ. Въ 1861 г. (по отчету Томскаго губернатора) на 17 ярмарокъ и 2 сельскихъ торжка въ губерніи, привезено было товаровъ на 1,104,757 р. 12½

к. сер. продано на 358,195 р. 90 к.; стало быть Сузунская ярмарка притягиваетъ почти половину всего ярмарочнаго оборота. За то въ Томской губерніи (не говоря о ея металлическомъ богатствѣ, о звѣроловствѣ, рыболовствѣ, скотоводствѣ и хлѣбопашествѣ, которыя ей общи съ Тобольской губерніей), годъ отъ году усиливаются три совершенно неизвѣстныхъ сей послѣдней статьи доходу важныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ: медъ съ воскомъ, табакъ и хмѣль. Пчеловодство въ послѣдніе десять лѣтъ, чрезвычайно здѣсь усилилось. Теперь считается уже до 400,000 ульевъ. Полагая на 100 ульевъ 50 пудовъ меда и 8 пудовъ воску — вотъ ежегодный сборъ въ 200,000 пуд. меда и 32,000 пуд. воску. Цѣна меда на мѣстѣ отъ 3 р. до 3 р. 75 к. с. пудъ, а воску отъ 10 до 13 р. с. Это представляетъ ежегодный капиталъ свыше 1,000,000 р. сер.! Бійскіе, Колыванскіе, отчасти Кузнецкіе, Барнаульскіе и южной полосы Томскаго округа пчеловоды — дѣятельно занимаются этой выгодной отраслью хозяйства и распространяютъ пчелъ повсемѣстно, особливо въ южной части губерніи въ окрѣпостяхъ заштатнаго города Усть-Каменогорска (упраздненной крѣпости Омско-Иртышной линіи) и Бухтарминской крѣпости (на границѣ внутренняго округа Семипалатинской области). Здѣсь изъ 12,000 ульевъ добывается ежегодно 4000 пуд. меда и 120 пуд. воску. Медъ же отличный по вкусу и бѣлизнѣ. Онъ идетъ частью въ Омскъ (сплавомъ по Иртышу), Тобольскъ и Тюмень, но преимущественно зимой гужомъ на огромную всепоглащающую Ирбитскую февральскую ярмарку. Табаки высшихъ сортовъ разводятся, какъ мы видѣли, успѣшно въ Барнаульскомъ округѣ и даже въ Барнаулѣ есть фабрики сигарочныя и папиросныя; но и простые табаки: Малороссійскіе, Нѣжинскіе и другихъ сортовъ, воздѣлываются повсемѣстно на югѣ губерніи. Наконецъ — хмѣль въ Кузнецкомъ округѣ годъ отъ году

успѣшнѣе воздѣлывается. Онѣ высокой доброты, не уступаетъ такъ называемому „царевскому“ привозимому сюда изъ Россіи и даже знаменитому „Починковскому“ (изъ слободы Починокъ въ Егорьевской уѣздѣ Рязанской губерніи). Кипы (большіе холщевые мѣшки до 25 и 30 пуд. вѣсу каждый) этого хмѣлю отправляютъ зимнимъ путемъ въ Томскъ, откуда онѣ идетъ по многочисленнымъ ярмаркамъ и торжкамъ городскимъ и сельскимъ Тобольской губерніи и на Ирбитскую ярмарку. Чистый Кузнецкій хмѣль продается въ Томскѣ до 3 и болѣе р. сер. за пудъ.

Народное образованіе въ Томской губерніи — нельзя мѣрять числомъ учебныхъ заведеній здѣшняго края, которыхъ на населеніе въ 700,000 ж. о. п. здѣсь конечно очень мало. Томская губернская гимназія открытая лишь 10 декабря 1838 года (значитъ она существуетъ теперь четверть вѣка) и до сихъ поръ имѣетъ только 166 учениковъ и даже удобнаго помѣщенія не нашла! Средства ея очень скудны. Въ кабинетахъ: физическомъ—инструментовъ только на 1259 р. сер., въ минералогическомъ 838 штукъ (въ чисто минералогической губерніи, гдѣ горныя породы должны быть болѣе знакомы воспитанникамъ для практической пользы ихъ будущаго, нежели Цицеронъ и Горацій), а въ библіотекѣ 827 названій въ 1342 томахъ! Не разщедрились же Томскіе миллионеры! Число учащихся въ уѣздныхъ училищахъ столь же невелико. Въ семинаріи 130 учениковъ, а въ 4-хъ женскихъ училищахъ (въ Томскѣ, Каменскѣ, Війскѣ и Барнаулѣ) 373. Есть училище Военнаго Вѣдомства, Казачья Полковая школа, 8 приходскихъ училищъ—однимъ словомъ 42 учебныхъ заведенія съ 2676 учащимися (въ Тобольской губерніи 109 и 4430 учащихся). За то въ массѣ (въ училищнаго воспитанія), Томская губернія еще образованнѣе Тобольской (которая и сама въ мѣщанскомъ и крестьянскомъ сословіяхъ такъ да-

леко опередила внутреннія русскія губерніи). Въ Томскѣ общій уровень образованія несравненно выше Тобольскаго. Столкновеніе съ проѣзжими изъ Сибири (въ Россію и изъ Россіи въ Сибирь, транзитъ торговый, золото-промышленность, сосѣдство и связь съ ученымъ Алтаемъ—много улучшили Томское общество, которое, не въ обиду другимъ городскимъ сибирскимъ—можно назвать просвѣщеннѣйшимъ въ массѣ. Просвѣщеніе же на Алтаѣ дѣлаетъ видимые успѣхи, чему и удивляться нечего; ибо общество горныхъ инженеровъ и большей части горныхъ классныхъ чиновниковъ самое пріятное въ Сибири (онѣ всѣ воспитываются въ Институтѣ Горныхъ Инженеровъ въ Петербургѣ). Въ Барнаулѣ есть 1 центральное Окружное Училище (откуда дѣтей отправляютъ въ этотъ Институтъ) и 1 заводское, типографія, прекрасная библіотека (конечно отчасти специальная, что и необходимо по роду занятій служащихъ) и Музеумъ. Кромѣ сего на всѣхъ заводахъ, при всѣхъ рудникахъ, на казенныхъ золотыхъ приискахъ и при Колыванской шлифовальной фабрикѣ по 1 же училищу. Всѣхъ учащихся было 1072, стало быть почти половина числа ихъ во всей губерніи! Наконецъ—есть въ Барнаулѣ и магнитная обсерваторія. Повторимъ еще разъ, что уже мы сказали въ 1 томѣ, говоря о народномъ образованіи въ Сибири. Университетъ—теперь ей настоящая необходимость! Врачей, юристовъ, камералистовъ, технологовъ, однимъ словомъ специалистовъ по всѣмъ частямъ—здѣсь донинѣ страшный недостатокъ. Даже штатныя вакансіи въ коронной службѣ, тамъ гдѣ нужно на оныя людей специально-приготовленныхъ (врачей, аптекарей, архитекторовъ) остаются иногда по нѣскольку лѣтъ незамѣщенными. Кажись въ краѣ гдѣ такъ много миллионеровъ—золотопромышленниковъ и купцовъ тоже ворачующихъ миллионами—можно бы и самимъ (не сваливая, какъ у насъ доселѣ въ обычаѣ, всего съ своихъ плечъ

на Правительство!) учредить Коммерческое Училище и Технологическую школу, ради своих собственных выгод? Ничуть не бывало! Сами громко напимъ жалуются на немвнне подъ рукою у себя дома своих технологовъ, сами нерѣдко платятъ пустому болтуну по 2000 р. с. въ годъ жалованья, раззоряются при его экспериментахъ устроить такое то фабричное либо иное заводское производство (въ которомъ онъ самъ ничего не смыслить)—а денегъ дать на воспитаніе специальное и практичное своихъ же дѣтей, куда тебѣ! Тысячу цѣлковыхъ на карту поставятъ, не поморщатся; выпьютъ океанъ шампанскаго, а на дѣльное не скоро выпросишь! Конечно нѣтъ правила безъ исключенія, но въдъ исключенія въ дѣлѣ общей пользы—не находка!

Ремесленность въ Томской губерніи — тоже не такъ развита какъ въ Тобольской, гдѣ напимъ: Тюмень, Ялутаровскъ, Туринскъ, представляютъ центры ремесленности довольно-значительные. Здѣсь же во всѣхъ городахъ и селеніяхъ—только прядутъ лёнъ и шерсть, изъ нитокъ которыхъ ткутъ грубый холстъ и сукно употребляемые простымъ народомъ; изъ конопли же вьютъ канаты и продаютъ на рудники и заводы. Вотъ почти и всё! Алтай—металлоносная кладовая чуть ли не цѣлаго государства, а желѣзо столь необходимое особливо въ нашъ промышленный вѣкъ имѣетъ представителемъ только 2 завода, да и тѣ казенные! Металлическихъ вещей (кромѣ казенныхъ Алтайскихъ издѣлій) дѣлается не много. Нынѣ въ Томской губерніи слѣдующіе фабрики и заводы:

Казенныхъ: винокуренныхъ	2.	(упраздняются)
золотопромышленныхъ	9.	по новой акци-
среброплавильныхъ	5.	зно - питейной
шлифовальныхъ	3.	системъ).
мѣдный	1.	
желѣзныхъ	2.	

кирпичныхъ	21.
салотопныхъ	20.
стеклянныхъ	2.
канатныхъ	5.
кожевенныхъ	6.

При нихъ ма-

газиновъ: провіантскихъ	24.
матеріальныхъ	138.
соляныхъ	27.
мельницъ	2.

Частныхъ:

винокуренныхъ	2.
золотопромывальныхъ	49.
канатныхъ	4.
кирпичныхъ	39.
мыловаренныхъ	40.
салотопенныхъ	10.
стеклянный	1.
бумажный	1.
полотняныхъ	25.
кожевенныхъ	68.
пивоваренныхъ	2.
гончарныхъ	8.
воскобойныхъ	6.
мельницъ	3.433.
кузницъ	1.429.

магазиновъ: хлѣбныхъ 569.

соляныхъ 3.

Кромѣ округовъ Каинскаго и части Томскаго (къ Барабинской степи) и Нарымскаго края—во всѣхъ остальныхъ мѣстностяхъ Томской губерніи горнозаводская промышленность первенствуетъ. Заводы заслуживающіе особаго вниманія суть слѣдующіе: сребро-плавильные Павловскій, Лохтевскій, Змѣевскій и Барнаульскій. Въ Сузунѣ мѣди-плавильный заводъ съ монетнымъ дворомъ (на которомъ впрочемъ чеканится исключительно мѣдная

монета), Томскій заводъ (въ Томскомъ округѣ) желѣз-
ный—на которомъ изготовляются всѣ металлическія ма-
шины и инструменты нужные для горнаго дѣла. Колы-
ванскій (въ городѣ Барнауль) при коемъ шлифовальная
фабрика завѣдующая ломкою цвѣтныхъ камней. Въ 1861 г.
(по отчету главнаго начальника Алтайскихъ заводовъ)
Алтайскій казенный горный округъ доставилъ:

Съ казенныхъ промысловъ шлиховаго золота: 30 пуд.
1 ф. 9 з. и 36 доль.

Съ среброплавильныхъ заводовъ: зо-
лота отдѣленнаго отъ серебра 34 пуд. 14 ф. 39 з.
и 8 доль.

Бликоваго серебра съ заводовъ:

Барнаульскаго	275 пуд. 4 ф. 85 зол.
Павловскаго	223 п. 8 ф. 56 з.
Локтевскаго.	305 п. 23 ф. 26 з.
Змѣевскаго	218 п. 4 ф. 30 з.
Гавриловскаго	25 п. 36 ф. „

А всего: золота 64 п. 15 ф. 40 з.
и 12 доль.

чистаго серебра 946 п. 33 ф. 67 з.
и 26 доль.

Мѣди въ Сузунскомъ заводѣ . . . 23,682 п. 31 ф. 34 з.

Чугуна, желѣза и стали, въ заводахъ:

Томскомъ: чугуна	24,891 пуд. — „ —
желѣза	24,127 п. 25 ф. фунт.
стали.	650 п. — „ —
издѣлій: желѣзныхъ	3,256 п. 19 $\frac{1}{2}$ ф.
чугунныхъ.	9,125 п. 2 ф.
Гурьевскомъ: чугуна.	58,828 п. — „ —
желѣза	7,000 п. — „ —
издѣлій: желѣзныхъ.	2,467 п. 38 ф.
чугунныхъ.	13, 908 п. 30 ф.

Частными лицами разработано было золотосодержа-
щихъ приисковъ въ подвѣдомственномъ Горному Пра-
вленію Маріинскомъ Округѣ 76 и въ Киргизскихъ окру-
гахъ 8, всего 84 прииска; добыто ими золота: въ Ма-
ринскомъ округѣ 30 п. 76 зол. 24 доли; да въ Кир-
гизскихъ округахъ 5 пуд. 26 ф. 6 золот. Въ Барнауль-
скомъ заводѣ сплавлено золота, добытаго въ округахъ
подвѣдомственныхъ генералъ-губернаторству Восточной
Сибири 999 п. 12 ф. 61 з. 72 доли; а всего отправлено
въ Петербургъ золота 1034 п. 39 ф. 48 зол. на сумму
по передѣльнымъ цѣнамъ (на петербургскомъ монет-
номъ дворѣ) 13, 317, 749 р. 20 к. сер. Частными ли-
цами выставлено серебра только на одномъ Алексан-
дровскомъ заводѣ почетныхъ гражданъ Поповыхъ въ
Киргизской степи 3 п. 14 ф. 32 зол., на сумму 4,463
р. 15 к. с. Вообще отправлено въ Петербургъ въ 1861
г. металловъ на 15,098,806 р. 16 $\frac{3}{4}$ к. сер. Изъ этого
видно, что и Алтай не сказалъ еще своего послѣдняго
слова! Алтайскія горы состоятъ изъ огромныхъ массъ
гранита, лежащихъ слоями и изрѣдка перемѣшанныхъ
съ гнейсомъ, аспидомъ, и нѣкоторыми видами глини-
стой, известковой и кремнистой земли. Около Телецка-
го озера находится яшма и превосходный порфиръ. Въ
горахъ Алтайскихъ есть сверхъ того: болѣзнь, змѣе-
викъ, горная смола, агатъ, каменный уголь и сѣра. При
такомъ разнообразіи геогностическаго состава и при
такихъ данныхъ не только руднаго богатства но и
очень густаго населенія приалтайскихъ предгорій (150,587
д. муж. пола однихъ лишь бывшихъ приписныхъ къ
заводамъ крестьянъ, кромѣ 20,645 горныхъ работни-
ковъ!) странно бросается однако въ глаза малая цы-
фра добычи всякаго рода металловъ. Но не тоже ли
самое явленіе происходитъ и въ другихъ горныхъ рай-
онахъ: Уральскихъ, Нерчинскихъ, на всѣхъ вообще
горныхъ казенныхъ заводахъ и фабрикахъ? Извѣстно,

что само Правительство сознаетъ всю несостоятельность прежней системы, опеки руднаго промысла, либо минеральной разработки казною. Какая хозяйка казна? Въ этомъ хозяйствѣ — многое улетучивается изъ рукъ такъ, что и концовъ не найдешь! Самая частная рудопромышленность видимо страдаетъ отъ законоположений ея доселѣ стѣсняющихъ. При существующей монополіи и кустовой разработкѣ, трудно будетъ надѣяться на дальнѣйшее развитіе и увеличеніе здѣшней золотопромышленности. Новыхъ открытій мало и даже самое стремленіе къ разработкѣ годъ отъ году хладѣетъ.... Недавно открыли вольному промыслу нѣкоторыя мѣстности, бывшія доселѣ заповѣдными, Алтайскаго казеннаго горнаго округа; но конкуренція слаба и уже не „золотая лихорадка“ сибирская 1839 г., либо Забайкальская, сороковыхъ годовъ. Далеко нѣтъ! Притомъ же — прежніе прииски перерабатываются, усовершенствованія въ способахъ добычи вводятся медленно и неохотно, да и то немногими (дорогое русское „живѣтъ!“ и тутъ первенствуетъ), наконецъ самое содержаніе золотоносныхъ песковъ, видимо уменьшается и добыча по частнымъ золотымъ приискамъ нѣкогда громкой Восточной Сибири ощутительно падаетъ. Даже въ прошедшемъ 1863 году, многіе золотопромышленники, бросившіеся на Маріинскую систему (Томской губерніи), ощутили большой дефицитъ въ своихъ карманахъ, содержаніе было до того убого, что разрабатывать приходилось въ ясный себѣ убытокъ! Да и какъ можетъ быть иначе? Дороги нѣтъ, заводовъ и фабрикъ подавно (всѣ надо доставать изъ далекой Россіи), пароходство въ младенчествѣ, о томской желѣзной дорогѣ до Перми лишь начинаютъ робко поговаривать, специалистовъ ни на что нехватаетъ (недавно въ іюль 1863 г., капитанъ одного томскаго парохода посадилъ на мель свою баржу, а подчалокъ утопилъ съ потерей, приблизительно

на 50,000 р. с. подмоченнаго и испортившагося дорогого товара, потому что невѣжество и не менѣ невѣжественная скупость хотятъ дѣлать всё кое-какъ, да имѣть специалистовъ подешевле, извѣстное дѣло, дешевизна нашъ конѣкъ), наконецъ господа монополисты только и хлопочутъ что объ милліонахъ (впрочемъ часто воображаемыхъ), а о благоденствіи края, нмѣ миліоны дающаго, и не помышляютъ! Енисейская губернія, открытая по „Сибирскому учрежденію“ Графа Сперанскаго въ 1823 году, не имѣетъ до сихъ поръ въ своемъ губернскомъ городѣ Красноярскѣ даже гимназіи; а памятно всѣмъ — какія чудеса творили тутъ золотопромышленники....

Томская губернія, какъ мы это видѣли въ I томѣ („Общее вступленіе“ въ описаніи Западной Сибири) управляется по тому же „Сибирскому Учрежденію“ незабвеннаго Графа Сперанскаго и принадлежитъ къ здѣшнему генераль-губернаторству. Томскій гражданскій губернаторъ — былъ до 1 января 1864 года вмѣстѣ съ симъ и главнымъ начальникомъ Алтайскихъ заводовъ (всегда эта должность замѣщалась изъ генераловъ корпуса горныхъ инженеровъ). Но съ 1 января 1864 года, въ слѣдствіе освобожденія заводскихъ крестьянъ отъ зависимости горному вѣдомству, должность гражданского губернатора отдѣлена отъ должности главнаго начальника Алтайскихъ заводовъ. Въ здѣшней губерніи подобное соединеніе двухъ разнородныхъ властей необходимо было потому, что горно-заводскихъ крестьянъ почти вдвое противъ государственныхъ. По апелляціи гражданскихъ дѣлъ, Томская губернія подчинена 4 департаменту правительствующаго сената, а по апелляціи дѣлъ уголовныхъ отдѣленію 5-го. По рекрутскому набору состоитъ въ восточной полосѣ имперіи. По отопленію и освѣщенію въ сѣверной полосѣ. Сверхъ того подлежитъ общей системѣ земскихъ повинностей,

по 2-му разряду; а по цѣнѣ за ненаселенныя земли, принадлежить къ 5 классу. Доходы города Томска, простирались до 58,998 р. 48 $\frac{1}{4}$ к. с., а расходы до 55,966 р. 27 $\frac{1}{4}$ к.; по семи же остальнымъ городамъ было доходовъ лишь 35,286 р. 34 $\frac{1}{4}$ к. с., а расходовъ: 35,025 р. 63 $\frac{3}{4}$ к. Эти итоги достаточно показываютъ, какъ бѣдны средствами всѣ окружныя городки (исключая Барнауль, да и тотъ улучшается наружно и не на городскія суммы, коихъ въ доходѣ показано лишь около 6000 р. с., а на мѣстныя средства горнаго управленія, у котораго всѣ рабочіе силы и всякаго рода мастеровые всегда подъ рукою). Иныя статьи расходовъ чрезвычайно любопытны и ярко характеризуютъ нашу чернильную систему любящую канцелярскіи порядокъ до смѣшнаго! Такъ напримѣръ по городу Каинску (отчетъ за 1861 г.) показано „на наружное благоустройство города“ 18 р. 34 $\frac{3}{4}$ коп. сер.! Скажите по совѣсти, какой магіей украсишь городъ на 18 цѣлковыхъ, да еще на три-четверти копѣйки? Вѣйскъ щедро даетъ на свое благоустройство же 20 р. с. Маринскъ (бывшая богатая кійская слобода) 50 цѣлковыхъ; но иныя благоразумно умалчиваютъ, сколько они жертвуютъ на это микроскопическое благоустройство..... Заклучимъ этотъ общій обзоръ нынѣшняго состоянія Томской губерніи уломинаніемъ о ея почтовой части (извѣстно, что Сибирь раздѣлена нынѣ на 2 почтовыхъ округа: западный и восточный. Почтъ-Инспекторъ Западнаго округа живетъ въ Томскѣ). Къ 1862 году, по отчету начальника губерніи, всѣхъ почтовыхъ станцій было 137, на нихъ лошадей 1318, а расходы на содержаніе почтовыхъ паръ простирались до огромной цифры 244,905 р. 88 $\frac{1}{2}$ к. сер., тогда какъ въ Томскѣ дешевле овесъ и сѣно чѣмъ гдѣбы ни было! И все это лежитъ безконтрольно на плечахъ земства! Какъ не призывать послѣ этого, всѣми желаніями, общаго блага —

скорѣйшаго осуществленія на дѣлѣ уѣздныхъ и губернскихъ хозяйственныхъ совѣтовъ?

Обратимся жѣ теперь къ дальнѣйшимъ странствіямъ нашимъ по интересному краю, который по праву, въ отношеніи сытости жизни и общаго благосостоянія, мягкости климата и сильной растительности считается лучшимъ въ цѣлой Сибири. Но и здѣсь (какъ мы сіе видѣли, проходя шагъ за шагомъ по Тобольской губерніи) препятствій для удачнаго выполненія задачи, нами себѣ предположенной, но мало: матеріальныхъ, научныхъ и пожалуй нравственныхъ! Пути сообщенія еще въ младенествѣ; а въ Алтаѣ индѣ такъ и головоломны; неразвитости и пугливости еще много, сбивчивости административныхъ свѣдѣній порядочно, частной гласности на бѣду нашу ни іоты, статистика хромаетъ.... но скрѣпивъ сердце—опять въ путь! Авось и здѣсь „лучъ свѣта“ къ коему мы такъ прямодушно взывали въ I томѣ—озарить произвольную тьму и принесетъ нашимъ популярнымъ и для всѣхъ общедоступнымъ изложеніямъ пользу... А къ этому-то и надо, въ нынѣшнее время стремиться. Въ началѣ мая—мы опять отправились изъ Омска въ Каинскій округъ, находящійся съ краю, по главному сибирскому тракту, когда въѣзжаешь въ Томскую губернію.

Каинскій округъ граничитъ: на сѣверѣ съ Томскимъ, на югѣ съ Барнаульскимъ и Кузнецкимъ округами своей губерніи; на востокъ съ внутреннимъ округомъ Семипалатинской области, а на западѣ съ Омскимъ округомъ Тобольской губерніи. На пространствахъ 159,154 кв. верстъ, онъ населенъ 83,157 д. о. п. (отчетъ Томскаго губернатора за 1861 г.). Знаменитыя Васьюганскія болота (сѣтъ озеръ и болотистыхъ займищъ, о коихъ мы уже говорили въ I томѣ) покрываютъ всю его

сѣверную часть исключая небольшія полосы земли подлѣ рѣкъ и рѣчекъ, имѣющія почву черноземную и пригодную для хлѣбопашества. Двѣ трети округа заняты подобными степно-озерными пространствами такъ что изъ 159,154 кв. в. находится подъ пашнями (въ цѣломъ округѣ) лишь 1409 кв. вер., а подъ лѣсами 11,354. Здѣсь начало притокамъ: Оби, Иртыша и озера Чаны. Округъ орошается рѣками: Обью (проходящею на сѣверо-западѣ, разливающеюся тутъ на десятки верстъ весною и перерѣзывающею Московско-Иркутскую дорогу, съ мѣстностью открытой и совершенно-ровной имѣющей крутизны только къ Обской долины и къ нѣкоторымъ рѣчкамъ, принадлежащимъ къ системѣ Оби) Омью, Тарой и Каргашемъ. Изъ озеръ замѣчательны: Чаны, Убинское, Щучье, Тангово, Сартланъ. Всѣ они очень богаты рыбой, которой впрочемъ множество въ другихъ озерахъ и займищахъ, буквально усыявшихъ Барабинскую степь. Юго-восточная же часть округа волнообразна и покрыта глубокими оврагами. Нѣкоторые холмы и увалы составляютъ такъ сказать „замираніе“ Алтайскихъ предгорій при сближеніи съ сѣверными низменностями приокеанскими, однако значительной высоты. Средняя часть Каинскаго округа составляетъ собственно такъ называемую Барабинскую степь, въ простонародьи „Барабу“. Это продолженіе Ишимской и Кулундинской степей, въ треугольникѣ между верховьями Иртыша и Оби и предгоріями Алтая. Она составляетъ самую хлѣбородную полосу цѣлой, можно сказать, Сибири, потому что по существу своего тучнаго состава и всегдашней влажности почвы не боится засухъ. Залегая среди безчисленныхъ озеръ и займищъ, приподнятыми между ними „гривами“, которыя вмѣстѣ съ прирѣчными полосами твердой почвы суть истинная житница Томской губерніи, она вмѣстѣ съ симъ разсадникъ коноводства и скотоводства. Березовые лѣса

и рощицы разбросаны по всему этому пространству; но есть и сосновые боры: Каракинский, Бурлинскій, Чекскій, да посреди сосны встрѣчается кое гдѣ и лиственница. Сверхъ сего на рѣкахъ Тартасъ и Таръ у опушки Васьюганскихъ болотъ зараждается и даже порядочно развивается нынѣ пчеловодство. Соляныхъ мелкихъ озеръ тоже очень много, а отъ близости знаменитаго Караковского не бываетъ недостатка въ обилии и дешевизнѣ соли.

Если крестьяне южныхъ благодатныхъ округовъ Тобольской губерніи живутъ себѣ припѣваячи, не зная горькихъ нуждъ крестьянина внутреннихъ губерній, то жители Каинскаго округа можно выразиться: „райствуютъ!“ Здѣсь есть подъ рукой все пригодное для счастливой сельской жизни. Громадная Обь, неистощимая кладовая рыбнаго товара и при томъ самаго цѣннаго; большія прѣсныя озера, цѣлая сѣть озеръ мелкихъ съ чудовищнымъ Васьюганомъ (этимъ внутреннимъ рыбнымъ моремъ Западной Сибири), однимъ, можно сказать безъ преувеличенія, изъ чудесъ творенія, эдемомъ, который кажется до скончанія міра такъ и останется дикимъ эдемомъ, внутренней Австраліей русскаго царства. Всѣ они даютъ столько красной и пестрой рыбы—что ея (не взирая на огромный сбытъ внутри края, на всѣхъ ярмаркахъ и мелкихъ торжкахъ обѣихъ губерній: Томской и Тобольской) ни продать всю, ни съѣсть никогда не могутъ! Иногда въ такъ называемый „уловный“ годъ, цѣны спускаются здѣсь до баснословной дешевизны. Не говоря уже о связкѣ (десятокъ связанной мочалой, общая норма здѣшней мелкой рыбно-базарной торговли) карасей, окуней, щучекъ, язей и тому подобной обыденной рыбы; даже связка мелкихъ живыхъ стерлядокъ стоитъ на примѣръ 10 к. с., да и то покупать некому! Въ Каинскѣ, прошлой осенью, хлѣбъ былъ по 23 к. с. за пудъ ржаной муки; а пшеничный не

выше 35 к. с. и то привозили въ субботніе базары только какой нибудь десятокъ возовъ ржаной, а остальное всё пшеничной. Не будь, нельзя сказать, неурожая въ южныхъ округахъ Тобольской губерніи въ 1861 (ибо напротивъ сего, урожай былъ обильный, а въ Ялутаровскомъ округѣ на примѣръ самъ 17!) а плохого урожая прежнихъ лѣтъ 1858, 1859 и 1860 когда при огромныхъ, закупахъ на винокурение, войска, инородческіе магазины, запасы крестьянъ почти изсякли; не будь этой временной и рѣдкой невзгоды (при чемъ надо замѣтить, что въ западной Сибири со временъ завоеванія, почти уже 250 лѣтъ, не было ни одного общаго голода) цѣны на ржаную и пшеничную муку спустились бы (какъ онѣ и спускались напримѣръ въ Курганѣ въ 1848—1850 годахъ) до 10 к. с. пудъ ржаной и до 12 к. с. пшеничной! Барабинская степь славится своими кормовыми травами, отъ солонистости почвы очень питательными; отъ этого коноводство и скотоводство здѣсь сильно развиты и уходы за скотомъ и лошадьми, если такъ выразиться „тарскій“ т. е. разумный; ибо мы видѣли въ I томѣ, какъ ведутъ свое хозяйство Тарскіе мужики — фермеры, эти сибирскіе Сѣверо-Американцы. Однимъ словомъ: кони, скотъ, овцы, рыба, хлѣбъ всякаго рода; и само собою разумѣется грибы, ягоды, овощъ, всего этого изумительное обиліе и иной Петербургскій прогрессистъ, пересоздающій русскую землю, прихлебывая „демидовскій супъ“ по 4 к. с. порція, радъ бы былъ пожалуй поѣсть и въ Христовъ-день такъ, какъ плотно обѣдаетъ Каинскій мужикъ ежедневно: щи съ мясомъ, жареныхъ карасей съ сметаной (карась въ добрую сковороду величиной и изжаренный на маслѣ стоитъ 1 к. с.), пшеничную булку съ молокомъ, и все это разумѣется свое, некупленное.

Кромѣ русскихъ крестьянъ (частію добровольныхъ переселенцевъ на Барабу, при началѣ устройства это-

го и доселѣ почти пустынного края, а частію и потомковъ людей сосланныхъ), живутъ по Барабѣ Татары. Они дѣлятся теперь на 7 волостей: Барабинскую, Туражскую, Тунусскую, Любейскую, Теренинскую и Чойскую. Всѣхъ ихъ считается 2509 д. муж. пола, обрабатывающихъ 530 десятинъ земли. Они обложены нынѣ полнымъ крестьянскимъ окладомъ. И здѣсь какъ въ Пелымскомъ краѣ Тобольской губерніи, не слѣдовало бы на такое ничтожное населеніе имѣть особня управленія; тѣмъ болѣе, что они разсѣяны между русскими деревнями. Къ чему жъ давать имъ деньги на волостныя отдѣльныя свои начальства, когда въ иной такъ называемой волости не насчитывается теперь (по X ревизіи) и 100 ревизскихъ душъ, въ маленькомъ глухомъ Березовскомъ округѣ столько же чиновниковъ, на населеніе въ какихъ нибудь 20,000 душъ сколько въ Ишимѣ, гдѣ почти 200,000. Это весьма отяготительно, особенно для безгласныхъ и непонятливыхъ инородцевъ, которыхъ земскіе чиновники въ стачкѣ съ волостными писарями систематически обираютъ. Здѣсь же какъ мы видимъ, хлѣбопашество Барабинскихъ Татаръ ничтожно и весьма немногіе сѣютъ хлѣбъ для продажи. Скотоводство у нихъ тоже незначительно, даромъ что обиліе покосовъ и выгодность сбыта доставляютъ полную возможность къ большому его развитію. Лѣсъ и сѣнокосныя мѣста продаютъ они русскимъ крестьянамъ за безцѣнокъ. Единственный, нѣсколько болѣе развитой у нихъ промыселъ, состоитъ въ ловлѣ горностаевъ. Между тѣмъ производительныя силы инородческихъ властей Каинскаго округа довольно значительны. Но смотря на маленькую цифру обрабатываемой ими земли 530 десят.) у нихъ много ея способной къ хлѣбопашеству, сѣнокосы тоже. У нихъ есть принадлежащіе имъ дровяные лѣса, которые у окрестныхъ русскихъ волостей уже истощились, лучшіе въ Сибири горностаи со-

ставляютъ исключительную принадлежность обитаемой барабинскими татарами мѣстности. Наконецъ въ сѣверной части округа они могли бы имѣть хорошій звѣриный промыслъ, которымъ занимаются нынѣ ежегодно заходящіе сюда Остяки изъ Тогурскаго отдѣленія; въ верховьяхъ рѣки Тартаса—гдѣ живутъ Тунгузскіе, Каргалинскіе и отчасти Карабинскіе инородцы, растетъ кедровый лѣсъ, рубка и сплавъ котораго доставляютъ порядочную выгоду русскимъ крестьянамъ, неговоря уже объ сборѣ кедровыхъ орѣховъ. Нѣкоторые озера изобилуютъ пѣявками, а живущіе близъ главнаго сибирскаго тракта могли бы заниматься ямщиной, какъ занимаются ею почти всѣ русскіе барабинцы. Отсюда накопленіе казенныхъ недоимокъ, не взирая на то, что край благодатный и средствъ къ заработкѣ очень много, такъ что въ 1855 году производилось удостовѣреніе о причинахъ сихъ недоимокъ. Это удостовѣреніе показало: что барабинскіе татары находятся въ такой нуждѣ и такомъ заголѣ (при полномъ безсиліи инородческихъ обществъ), что не могутъ вносить даже годоваго оклада подлежащихъ съ нихъ сборовъ и тѣмъ болѣе не въ силахъ уплатить нынѣ недоимки, которыя должны еще ежегодно увеличиваться недоборами текущихъ платежей. При томъ (какъ это замѣчено въ Березовскомъ округѣ и въ Пелымскомъ краѣ Тобольской губерніи) мелкіе купцы, мѣщане и сытые мѣстные крестьяне высасываютъ и здѣсь потовую копѣйку у безпечнаго и довѣрчиваго инородца! Барабинскіе татары (какъ это открыло и самое удостовѣреніе 1855 г.) впали и здѣсь въ неоплатные долги у русскихъ крестьянъ, которые ежегодно задаютъ имъ впередъ товаромъ и деньгами какъ для собственныхъ нуждъ, такъ и на подати. За это инородцы обязаны платить личной работой, кожами, саломъ, горностаемъ, отчасти хлѣбомъ, а пуще всего правомъ пользоваться ихъ покосами и рубкой лѣсу въ ихъ дачахъ.

Все это уступается разумѣется за половинную цѣну съ набавкой порядочно-жидовскаго процента (иной мужикъ, въ наукѣ ростовщика и лихоимнаго процентщика, заткнетъ за поясъ любого жида!). Напримѣръ, за лѣтнее время, при уборкѣ хлѣбовъ русскому работнику даетъ хозяинъ 3 и 4 цѣлковыхъ за десятину, а бѣднаго инородца рассчитываетъ по 1½ и даже по цѣлковому! Сверхъ сего—и спойка ихъ виномъ (до котораго и они падки, даромъ что татары и мусульмане) вездѣ въ ходу. Понятно, что не выполнивъ прежнихъ обязательствъ и встрѣчая новую нужду въ деньгахъ, они дѣлаютъ новые долги съ еще болѣе тягостными условіями и такимъ образомъ постепенно доходятъ до состоянія неоплатныхъ должниковъ у русскихъ крестьянъ и у сборщиковъ казенныхъ податей. Мы уже говорили въ I томѣ, что „Сибирское Учрежденіе“ графа Сперанскаго отжило свое время и что въ особенности „Инородческій уставъ“ требуетъ коренныхъ измѣненій. Нельзя не пожелать, чтобъ Барабинскіе татары, при ихъ малочисленности и окруженные отвсюду русскими заселками, не составляли особыхъ волостей и управъ, а были бы включены въ составъ русскихъ волостей. Тогда распределеніе повинностей земскихъ (ибо подушныя капля въ морѣ въ цифрѣ поборовъ съ крестьянъ) самыхъ тяжкихъ и ускользающихъ отъ контроля наиблагонамѣреннѣйшей администраціи, падало бы на нихъ ро- плодотворнѣе.

внѣ, да и общественный духъ дѣйствовалъ бы на нихъ

Совсѣмъ не въ томъ положеніи русскіе крестьяне Каинскаго округа. Они имѣютъ обширное хлѣбопашество, сильно развитое коноводство и скотоводство; подражаются доставлять хлѣбъ въ военные магазины на Омской линіи, соль и дрова въ Омскъ; наконецъ Бараба (и не собственно 'селенія' по главному Сибирскому тракту лежащія, а и въ окружности на полтора-два верста)

славится издавна ямщиной „на дужкахъ“ т. е. на вольнонаемныхъ перемѣнныхъ отъ станціи до станціи лошадей (у нихъ есть свои прямые тракты, по которымъ они возятъ не только купцовъ и прикащиковъ, но и лицъ другихъ сословій) и ямщиной обозной, постоянными дворами, кормежомъ людей и лошадей. Съ пріобрѣтеніемъ Амура, развитіемъ золотопромышленности, усиленіемъ дѣятельности дальней Сибири — Барабинская степь сильно тоже развила свое благосостояніе. Едва сто лѣтъ прошло, какъ знаменитый въ свое время Денисъ Ивановичъ Чичеринъ (намѣстникъ сибирскій при Екатеринѣ II) началъ заселять русскими ямщиками пустынную тогда барабинскую степь по главному сибирскому тракту, и вотъ уже тянутся непрерывной вереницей людныя слободы и села, часто на двѣ и на три версты широкою улицей обставленной хорошими избами и богатыми постоянными дворами. Вмѣстѣ съ симъ—заселилась и степь обѣ-онѣ-поль тракта. Можно сказать безъ преувеличенія что уму, энергіи и распорядительности—генерала Чичерина Западная Сибирь обязана въ особенности своею быстро-развившейся гражданственностью. Усматривая, что между Тюменью, только что возникшимъ тогда Омскомъ и далекимъ Иркутскомъ существующая пустыня съ едва проѣзжей дорогой и кое гдѣ зимовьями (а ужъ объ путевыхъ удобствахъ и думать было нечего въ тѣ полудикія времена полудикой еще Россіи, когда ихъ и теперь, не только по Сибири, но и по дорогамъ внутреннихъ губерній немного), онъ началъ заселять Барабинскую степь вызванными изъ Россіи ямщиками какъ заселялись до него пустынные пространства Верхотурскія и Туринскія, гдѣ издревле пролегалъ путь изъ Москвы въ Сибирь. Дѣло ведено было настойчиво, принудительно, съ строгимъ надзоромъ за тунеядствомъ и лѣнью. Такъ въ послѣдствіи, на другой оконечности здѣшняго края но уже въ началѣ царство-

ванія Александра I (съ 1804 по 1809 годъ) населилъ пустыни же отъ рѣки Бирюсы до Иркутска другой столь же экспедитивный и недремлющій администраторъ, Иркутскій губернаторъ Трескинъ съ своей правой рукой и грозой новосельцевъ, Исправникомъ Иркутскаго округа досель памятнымъ крестьянамъ, Лоскутовымъ. Такъ наконецъ заселилъ въ наше время (1854—1860 г.) Графъ Муравьевъ-Амурскій Бурятскую степь между Верхнеудинскимъ и Читой (за Байкаломъ), гдѣ бывало одинъ только станціонный домъ (и ужъ какой непріютный!) торчитъ на пустынномъ безбрежьи степи.

Барабинскіе ямщики, не только въ селеніяхъ на главномъ Иркутско-Московскомъ трактѣ (чрезъ Тюмень, Омскъ, Томскъ, и Красноярскъ) но въ сторонѣ отъ онаго гоняють троякаго роду гоньбу: почтовую, прогонную по почтовой дорогѣ, сдаточную своей прямой дорогой во избѣжаніе извилинъ главнаго тракта и наконецъ обозную, въ чемъ успѣшно соперничаютъ съ громкими въ Сибири и Россіи Тюменскими ямщиками. Между Кяхтой съ одной стороны и Тюменью съ другой (на двухъ оконечностяхъ Сибири, у Восточнаго Китая на границѣ Пермской губерніи) они какъ и Тюменцы ходятъ обозно день и ночь безъ усталости съ краснымъ товаромъ изъ Москвы, а съ чаями изъ Кяхты. Рослые, широкоплечіе, коренастые, одаренные богатырской силой и гомерическимъ аппетитомъ—они презирають погоду всякаго роду и для нихъ „реомюры“ ничто иное какъ господская затѣя! Надо на нихъ поглядѣть и полюбоваться въ лютый морозъ сибирскій, либо что еще хуже въ распутицу осеннюю и весеннюю—истинное божеское наказаніе Сибири, гдѣ хорошая дорога баснословный вымыселъ досужаго поэта! Отдываются они отъ мороза, пыхтя какъ пароходная труба. Либо шагаютъ въ своихъ огромныхъ сапожищахъ по океану грязи. Притомъ же, Барабинскіе ямщики—не только лучшіе въ цѣлой Си-

бири (по честности и нравственности далеко-превосходящие Тюменских); но и страстно любят свое ремесло, любят его разумно, ухаживают отечески за лошадьми, гордятся хорошей упряжью (по ихнему „снастью“), телегами исправными и крепко окованными. Это хотя тяжелое, но прибыльное занятие—оживляет весь Каинский округ. Тѣ, кто не занимается ямщиной, получают тоже выгоды отъ хлѣбопашества и скотоводства, отъ сѣнокошенія, сбора грибовъ и ягодъ, отъ орѣха кедроваго и всякаго рода рыбы. Овесъ и сѣно требуются здѣсь въ огромныхъ пропорціяхъ, да и сѣбствое не менѣе. Впрочемъ часть выстѣваемаго здѣсь хлѣба сбывается на Васьюганскую пристань, откуда и развозится (системой Оби и ея притоковъ) по сѣверной части Тобольской губерніи, преимущественно въ Березовскій край.

Барабу нельзя назвать степью, въ настоящемъ значеніи этого слова. Подобно Ишимской и Кулундинской (въ Тобольской губерніи) она есть лишь продолженіе степей Киргизскихъ. Рощъ березовыхъ и даже богатыхъ сосновыхъ боровъ не мало тутъ, какъ мы видѣли. Хотя скотскіе падежи и такъ называемая „сибирская язва“ посѣщаютъ Каинскій округъ почти ежегодно; но всё жъ не въ такой мѣрѣ, какъ на югѣ Тобольской губерніи и въ особенности въ Тарѣ. Однако весной испаренія многочисленныхъ займищъ (болотъ поросшихъ тростникомъ и осокой) иногда развиваютъ на Барабѣ и сибирскую язву поражающую преимущественно скотъ; людей же рѣдко, развѣ при неосторожномъ обращеніи съ чумовымъ либо палымъ скотомъ, особливо при невѣжественной жадности нашего простолюдыя, которое по поговоркѣ: „не пропадай мое добро!“ частенько тайкомъ сдираетъ кожу съ чумной палой скотины и находитъ такихъ же жадныхъ къ прибытку торговцевъ, которые у него эти кожи скупаютъ, а развозя ихъ распространяютъ заразу. Къ

тому жъ медицина и въ особенности ветаринарная часть въ Сибири еще плохо устроены, медиковъ и ветеринаровъ не только мало, но и нерѣдко не хватаетъ даже на штатныя мѣста; а такъ какъ притомъ градскія и земскія полиціи не только худо содѣйствуютъ врачамъ, но изъ подъ руки даже потворствуютъ скототорговцамъ въ ихъ плутовскихъ изворотахъ, то зараза легко распространяется. Счастье еще этой далекой Сибири, что скота въ ней очень много и цифра падежей не очень для жителей чувствительна.

Сибирская язва (Pestis Sibirica) появлявшаяся въ прошломъ году даже въ Петербургѣ, обыкновенно обнаруживается въ здѣшнихъ мѣстностяхъ и на югѣ Тобольской губерніи (а иногда и въ сопредѣльной Оренбургской) лѣтомъ, въ сильные жары. (Впрочемъ появляется хотя очень рѣдко, и зимой). Огневикъ (Carbunculus) преимущественно поражаетъ лицо, рѣже другіе члены, а еще рѣже туловище. Хотя причины этой страшной и быстройсходной болѣзни (имѣющей большое сходство съ чумой) еще въ точности неизслѣдованы но („Rust's Magazin и „Hufeland's Journal“) полагаютъ, что она зависитъ болѣе отъ мѣстныхъ качествъ почвы—отъ атмосферическихъ вліяній. Понятно, что на Барабѣ, при безчисленномъ множествѣ мелкихъ озеръ и болотъ, при испареніяхъ лѣтомъ съ нихъ поднимающихся, соединенно съ многими растительными и другаго рода началами проглоченными животными въ пищу и водѣ, а пуще всего при особенномъ состояніи воздуха и электричества—сибирская язва заражается легко, сообщаясь потомъ посредствомъ перелетающихъ насѣкомыхъ, скота, одежды, торговыхъ отношеній, можетъ быть вѣтровъ разносящихъ заразу при необыкновенной сухости степнаго воздуха. Барабинскіе Татары и крестьяне, Омско-Линейскіе казаки, Киргизы у себя въ степи, а Башкиры въ Оренбургской губерніи—вырѣзываютъ карбункулъ ножомъ,

присыпая рану послѣ этой операціи порошкомъ изъ нашатыря съ табакомъ. Сверхъ того Киргизы (которыхъ по ихъ степной опытности можно назвать „врожденными ветеринарами“) имѣютъ обычай осыпать язву сѣрою и выжигать ее раскаленнымъ желѣзомъ. Деревенскіе знахари лечуть появляющійся на людяхъ карбункулъ тѣми же почти средствами разрѣза, натиранья и прижиганья; сверхъ сего даютъ пить селитру, нашатырь, настой сосновыхъ шишоекъ. Впрочемъ смертность на людяхъ ни когда не бываетъ значительна.

Но истинный бичъ Барабинской степи—это ея микроскопическая мошка, та же адская мука, и жаль что она не была извѣстна Данте: онъ бы могъ помѣстить ее въ своемъ „Адѣ“ хоть для казни сибирскихъ грѣшниковъ..... Здѣсь она во ста кратъ хуже, нежели въ Тарскомъ округѣ Тобольской губерніи. Нельзя себѣ вообразить, что это за томленіе не только тѣлесное, но и душевное! На Барабѣ—безъ курева и накомарника (родъ холщеваго мѣшка или колпака, либо толстой сѣтки пропитанной дегтемъ и которая надѣвается на голову плотно завязываясь у шеи); безъ упрятанья въ такіе же мѣшки рукъ и ногъ—нѣтъ никакой возможности производить какія либо работы въ полѣ, на водѣ, въ лѣсу, даже дома въ деревнѣ, даже во дворѣ! А ночью—безъ полога и курева даже въ избѣ и въ комнатѣ (при тщательнѣ запертыхъ окнахъ и дверяхъ, хотя бы пришлось задохнуться!) не только не уснуть, но и задремать нѣтъ рѣшительно никакой возможности! Мука, адская мука—да и только! Можно жъ вообразить себѣ, какъ достается бѣднымъ животнымъ: лошадямъ и рогатому скоту! Тучи этой мошки, съ придачей комара и кровопіицъ большихъ пауковъ—сопровождаютъ табуны и стада, изнуряя ихъ въ лѣтніе жары до неимовѣрности. А потому здѣсь вообще принято за правило: загонять во время полуденнаго зноя скотъ и лошадей либо въ глухіе сарай

обложенные куревомъ, либо на село подъ общее курево. Уже не ранѣе какъ послѣ заката солнца, выгоняютъ лошадей и стадо опять на пастбище. Когда ѣдешь напрымѣрь лѣтомъ черезъ Барабу (по главному Иркутско-Московскому тракту) то вся окрестность кажется далеко застланною сизымъ дымнымъ туманомъ, отъ котораго солнце кажется какимъ-то кровавымъ шаромъ. У всѣхъ околицъ поднимаются густые столбы дыму отъ заженныхъ навозныхъ кучъ складенныхъ въ глубокихъ ямахъ и прикрытыхъ сверху дерномъ, чтобы они дымились, а не пылали. Какая однако жъ причина подобной исключительности Барабинской степи, тогда какъ есть въ Сибири много болотистыхъ мѣстностей гораздо ея хуже? Отправляясь въ первый разъ въ Пелымъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, мы вспомнивъ Барабу, запаслись было накомарникомъ, думая что мошка заѣстъ насъ въ этихъ зыбунахъ и болотахъ заживо. Ничуть! Въ Пелымѣ лѣтомъ въ сильный полденный жаръ (хотя самъ крошечный Пелымъ сидитъ по уши въ болотѣ и кругомъ его дремучая тайга) окна всегда настежь, даже по полю можно гулять съ открытымъ лицомъ, съ голыми руками. Причина жъ лѣтнихъ мукъ Барабинской степи заключается вѣроятно не въ одной ея болотистости, а въ близости къ югу, въ сравнительно большой мягкости климата. Вѣдь сидитъ же Туринскъ въ болотахъ, а мошки да комара и тамъ очень мало.

Однако нѣтъ ничего оригинальнѣе и поэтичнѣе Барабинской степи въ маѣ мѣсяцѣ и картины ея никогда не изгладятся изъ памяти того кто умѣетъ сочувствовать красотамъ природы! Ѣдешь по главному Иркутско-Московскому тракту и залюбуешься. Высоко стоитъ солнце на безоблачномъ небѣ и темныя испаренія майской земли покроютъ окрестность благоухающей легкоисзой пеленой марева — какое дивное сочетаніе красокъ, переливовъ ихъ, тѣней и оттѣнковъ! Широко раскину-

лась свѣже-зеленая степь, испещрили ее озера да озера, сверкая подъ золотистыми солнечными лучами, радостно плещутся въ искрометныхъ и свѣжихъ водахъ слетѣвшіеся сюда съ дальняго юга огромныя стаи дикихъ гусей, утокъ, лебедей. Индѣ березовая рощица устѣлась у самаго озера и шумитъ надъ нимъ своими трепещущимися молодыми листьями. Звонкая пѣснь оглашаетъ степь, это пахарь весело бороздитъ сочную землю своимъ плугомъ. Изъ за дальняго озера выглядываетъ тонущее въ свѣжей зелени шумное село съ высокой бѣлокаменной церковью; а тамъ и еще деревушка надъ быстрой рѣчкой, опять рощицы, опять озера и златокованные рѣчки.

А спустится ли красное солнце огненнымъ шаромъ за окраину этой золотой степи, разбрасывая по небу яхонтовые лучи свои; заснутъ ли сладкимъ сномъ послѣ тяжкаго дневнаго труда деревушки и села, поля и рощи, озера и рѣчки; поднимется ль полная луна надъ окрестностью и закуетъ въ серебро умиротворенныя воды: что за милая картина просится опять на душу, чтобы вызвать самыя теплыя мысли! Вотъ тамъ въ далекой дали, полуночный рыбакъ разложилъ огонекъ и закидываетъ при красноватыхъ лучахъ его, трепетно стелящихся по сонной водѣ, сѣти въ крохотное озеро, будто алмазную чашу въ изумрудѣ береговой зелени. Проржалъ конь въ табунѣ, продинадилъ гдѣ то колокольчикъ почтовой тройки, прочиликала въ спящей рощѣ невидимая птичка—а воздухъ, какъ онъ упоительно—ароматически свѣжъ! Какъ на душѣ тогда легко! Жизненные силы такъ и просятся неодолимо наружу. Хороши, спору нѣтъ, заоблачныя горы здѣшняго Алтая съ ихъ свѣжными гольцами, скалистыми уступами покрытыми дремучими лѣсами, съ ихъ державинскими алмазными горами низвергающимися съ страшныхъ высотъ въ темныя лощины, съ ихъ благоухаю-

щей флорой уже теплаго юга; но хороши, невообразимо хороши тоже и степи! Не безжизненные какъ индѣ Киргизская и приволжско-Калмыцкая; а степи, зеленымъ океаномъ сочныхъ и душистыхъ травъ безпредѣльно стелющіяся, богатые озерами и рѣчками, житницы земледѣлія и сокровищницы скотоводства. Таковы: Барабинская степь здѣсь, а Кулундинская и Ишимская въ Тобольской губерніи, Сагайская въ Минусинскомъ краѣ Енисейской губерніи у подошвы Саянскихъ горъ и Бурятская въ Верхнеудинскомъ округѣ за-Байкаля. Послѣднія, орамленные на чуть видимомъ горизонтѣ двумя стѣнами горъ—еще живописнѣе.

А вотъ и каменный столбъ съ гербомъ Томской губерніи (бѣлымъ конемъ скачущимъ по зеленому полю), вполне логичнымъ гербомъ, потому что Барабинская степь кормилица коневодства и драгоценный перлъ этого края. Съ деревни Назаровой, начинается Каинскій округъ здѣшней губерніи; но рѣзкой разницы между ею и Тобольской пока не ищите. Тѣ же шумныя села съ постройками, какихъ дай Богъ пожелать Россіи хоть во снѣ! всѣ дома и пазы крыты если не тесомъ, то ужъ всегда драньемъ (о соломенныхъ крышахъ здѣсь и понятія не имѣютъ, даромъ что лѣсовъ менѣе нежели на сѣверѣ). Сытость и довольство видимы на каждомъ шагу. Обозы тянутся непрерывно и обширные постоялыя дворы поражаютъ наблюдателя своими огромными размѣрами и широкимъ истинно гаргантюевскимъ хлѣбосольствомъ. Вотъ запрудили улицу воза съ Кяхтинской кладью, вотъ и начинаютъ они въѣзжать въ широкія тесовыя ворота на крытые и глухіе дворы гдѣ и днемъ темновато, зато безопасно. Широкоплечій хозяинъ, въ красной рубахѣ и плисовыхъ шароварахъ заткнутыхъ въ Кунгурскіе сапоги, встрѣчаетъ ямщиковъ завѣтнымъ: „милости просимъ!“ Люди вѣдь они чуть что не свои, знакомы цѣлые годы. Иные ямщики, даже ѣдутъ

въ кредитъ по цѣлому тракту отъ Кяхты до Москвы и обратно въ теченіи года; а нѣтъ примѣра недобросовѣстныхъ начетовъ со стороны содержателей постоянныхъ дворовъ либо уклоненія отъ платежа со стороны ямщиковъ. Пойдемъ внизъ этаго большаго двухъ-этажнаго дома, съ рѣзными пѣтушками и гребешками на воротахъ и тесовой крышѣ, съ балкономъ на вышкѣ. Въ огромной избѣ, въ углу которой такъ называемая „куть“ т. е. святилище большущей русской стряпущей печки и убѣжище стряпокъ, отдѣленная отъ избы чистой ситцовой занавѣсью — стоитъ длинный столъ глаголемъ съ двумя рядами скамей. На этомъ столѣ уже красуются полупудовыя ковриги ржанаго хлѣба, горообразные „папушники“ т. е. пшеничные хлѣбы, деревянные солонки, въ которыя высыпается заразъ по 5 фунтовъ соли, ложки, вилки, (ножей ямщики не употребляютъ, это для нихъ лишняя трата времени, при томъ о „порціяхъ“ они отродясь не слыхивали; имъ подается все крошеное и ѣшь сколько душа желаетъ!), жбаны съ густымъ квасомъ. И вотъ — ямщики отпрягли лошадей, поставили ихъ на выстойку, садятся обѣдать. Замѣтимъ при семъ ихъ обозный обычай. Здѣшняя лошадь проходитъ по 100 верстѣ въ день съ возомъ. Клади на возъ бываетъ (если обозъ долженъ придти въ „рокъ“ т. е. въ условленное по контракту и накладной время, на примѣръ въ 20 дней отъ Томска до Иркутска 1500 верстѣ) только 20 пудовъ, а если не на срокъ то 25. Обозы идутъ такъ быстро потому, что на выкормку лошадей не тратится особеннаго времени; на „пряжкахъ“ иначе станціяхъ (отъ извѣстнаго постояннаго до слѣдующаго и всегда у однихъ и тѣхъ же хозяевъ) лошади только пьютъ и отдыхаютъ, а кормятся они во время самаго пути. У каждаго воза „кормушка“ то есть ведро съ овсомъ и снѣгомъ (зимой) и волочушка сѣна. Лѣтомъ кормъ смачиваютъ. Лошадь, идущая сзади, ѣстъ на походѣ. Особен-

но любопытны приемы ямщика для приготовленія лошади въ походѣ. Тутъ видна глубокая практическая опытность, которой не худо бы поучиться любому спортсмену. До отхода обозася мѣста накладки, лошадь откармливается тщательно, для чего всегда достаточно 10 дней. Когда обозъ двинется въ путь, то въ первый день лошадь вовсе не кормятъ; во вторую пряжку (станцію) даютъ только одну пудовку овса на пять лошадей и каждой только по глотку воды. Умѣренность пошла уже неволью отнимаетъ у нихъ охоту къ ѣдѣ. За тѣмъ — послѣ каждой пряжки, выдача овса и число глотковъ воды постепенно увеличиваются до того количества, какое она сама захочетъ принять, и она получаетъ наконецъ свободу пить и ѣсть сколько угодно. Безъ этой предварительной выдержки, лошадь (по увѣренію ямщиковъ) въ три дни исхудаетъ и во всю дорогу не воротитъ потеряннаго жиру.

Нѣтъ сомнѣнія, что на породу лошади имѣетъ огромное вліяніе мѣстность, уходъ, даже исторія народа и его характеръ. Огненная Арабская, цивилизованная Англійская, тяжелоступная Голландская, мясистая Мекленбургская, стелющаяся Киргизская — выработаны климатомъ, людьми, природой, обычаемъ людской жизни. Нынѣшняя сибирская лошадь, только измѣнившаяся въ слѣдствіе нѣкоторыхъ условий здѣшняго теперешняго народнаго быта, древняя туземная порода. Она вѣроятно разводилась издревле по берегамъ Туры и Тобола до устья этой рѣки, потому что до сюда распространилась колонизація Татаръ начавшаяся съ Тюмени. Отъ устья Тобола вверхъ по Иртышу коневодства значительнаго не было. И во времена Ермака (по свидѣтельству лѣтописцевъ) и даже до сихъ поръ, сообщенія между Тобольскомъ и Тарой производится преимущественно водой (сплавомъ). Однакожъ и въ древніе времена было не столько Татарскихъ селеній на этомъ про-

странствѣ и самое южное находилось при устьѣ рѣки Шиша, при урочищѣ „Шишъ-Тамакъ“. Но обитатели южныхъ мѣстностей Иртышскаго побережья уже не имѣли осѣдлыхъ жилищъ и потому сѣверянамъ осталось понынѣ прозвище „Туроли“ осѣдлые. Отсюда—начинается полоса коневодства и усиленнаго разведенія лошадей. Степной характеръ части Томской губерніи заставляетъ предполагать, что лошадь появилась здѣсь прежде чѣмъ въ другихъ частяхъ Сибири. Киргизы кочевавшіе на Сагайской степи (въ нынѣшней Енисейской губерніи) дѣлали въ XVII столѣтіи набѣги на своихъ лошадяхъ даже на Томскъ; а Калмыки, распространившіеся тоже въ началѣ XVII столѣтія не только до Барабы но даже до Тюмени, стали снабжать степными лошадьми сѣверную полосу Западной Сибири, которая для коневодства не одинаково благоприятна. Именно, Сѣверъ, отъ Ледовитаго Океана до 60° сѣв. шир. имѣетъ видъ огромнаго луга, лишеннаго лѣсовъ и состоящаго изъ Wybкой тундры. Таковы округа: Березовскій, часть Томскаго въ Нарымскомъ краѣ, Енисейскаго въ Туруханскѣ, Якутской области. Южнѣе—отъ вершинъ Туры (съ Верхотурья и Пелыма) идетъ полоса дремучей тайги: кедровъ, ели, сосны, пихты, лиственны, съ группами осины и березы. Южная граница хвойныхъ лѣсовъ еще не изслѣдована въ точности: около какаго градуса приподомъ въ Урала она начинается; но извѣстно только что она пересѣкаетъ Иртышъ при селѣ Такмыцкомъ, гдѣ и выходитъ на Обь. Но здѣсь, въ Каинскомъ округѣ и по всему главному сибирскому тракту отъ Омска до Томска—мѣстность лежитъ уже въ новой полосѣ, характеристическія черты которой состоятъ въ безконечныхъ березовыхъ дубровахъ и холмахъ, въ отсутствіи хвойныхъ породъ, въ множествѣ мелкихъ и большихъ озеръ, въ болотцахъ называемыхъ тамарами и рядами и поросшихъ въ сѣверной части полосы низенькимъ сосно-

вымъ лѣсомъ, а наконецъ въ солонцахъ, которые особенно господствуютъ на югѣ. Эти полосы и на самомъ дальнемъ югѣ завершаются знаменитымъ соленымъ Коряковскимъ озеромъ („Описаніе Сибири“ томъ I. Глава X.), какъ окончательнымъ результатомъ этой черты. Барабинская степь, по перемѣжаемости болотъ съ солонцами—какъ будто есть страна, на коей враждуютъ двѣ главныя черты Сибири: южныя степи и сѣверныя тундры. Курганскій, Ишимскій и Омскій округа въ Тобольской губерніи—составляютъ Ишимскую степь, покрытую березовыми дубровами и высокой, густой и однообразной флорой средне-европейскихъ формъ. Степь эту можно сравнить съ Украинской, но только по густотѣ и высотѣ травъ (тоже самое встрѣчается и въ степныхъ пространствахъ отъ вершинъ Хилка до рѣки Энгады въ Забайкальи). Во всемъ другомъ—она имѣетъ своеобразныя черты заключающіяся въ березовыхъ рощахъ, рямахъ; особенно въ озерахъ разной величины, въ безчисленномъ множествѣ разсѣянныхъ по ея поверхности и дѣлающихъ карту южныхъ округовъ Тобольской губерніи совершенно изрѣшетченною голубыми кружками. Южная граница полосы березовыхъ лѣсовъ переходитъ черезъ Ишимъ, выше города Петропавловска, прилегаетъ къ сѣверной подошвѣ той гряды горъ, которая идетъ по правому берегу Ишима и выходитъ на Иртышъ при станицѣ Агаиръ; далѣе на востокъ—она пересѣкаетъ дорогу отъ Каинска въ Барнауль при деревнѣ Качки и выходитъ на Обь ниже заштатнаго города Колывани.

Къ югу отъ этой полосы, отъ Коряковского соленого озера и Колывани до Барнаула и Семипалатинска (между Обью и Иртышемъ) лежитъ широкая полоса песчаныхъ бугровъ поросшихъ сосновымъ лѣсомъ. Узкія полосы твердой земли между этими буграми покрыты „кипомъ“ (Stipa) растеніемъ столь же отличительнымъ для

степей Средней Азии какъ берега въ предыдущей полосѣ. За песчаной полосой поднимается Алтай, но не прямо отъ ея границы; а между его подошвой и песчаными дюнами лежитъ неширокая значительно покатая на сѣверъ полоса, совершенно безлѣсная и покрытая одними кипцами или ковылемъ. Этотъ характеръ сильнѣе развивается въ Киргизской и Монгольской степяхъ и отрывками появляется въ нѣсколькихъ мѣстахъ южной Сибири, по сѣверную сторону ея южныхъ хребтовъ. Давурия (въ Забайкальѣ) и Минуса (въ Енисейской губерніи) имѣютъ тотъ же геологическій строй, повторяющійся въ уменьшенныхъ размѣрахъ и около Кузнецка (въ здѣшней губерніи) между Томью и Иной. Къ сѣверу отъ этой Кузнецкой кипцовой полосы между Томью и Обью лежатъ черноземныя степи неровныя, изрѣзанныя падами и выдающимися гривами, покрытыя рѣдко разбросанными деревьями березы, нигдѣ впрочемъ не сгруппировавшейся въ большія дубровы. Характеръ этихъ степей сходенъ съ Ишимской степью. Онѣ покрыты разнообразной однолѣтней флорой заключающей въ себѣ виды шильника (*Abisma plantaga*), дятлины пашенной (*Trifolium agrarium*), заячьей капусты (*Sedum telephium*), гвоздички дикой (*Dianthus deltoides*), кипрея (*Opilobium angustifolium*), бѣлоголовника (*Spirca Ulmaria*), одуванчика (*Taraxacum officinale*), куколя (*agrositemma Githago*), чертополоха (*Eringium planum*) и сараны (*Lilium Mastogon*). На сѣверной же покатости Алтая повторяются тѣ же черты, только въ обратномъ порядкѣ, т. е. сначала сосновая полоса, потомъ выше хвойныя лѣса и наконецъ плоскогорья покрытыя коротко-степною растительностью отличающеюся особенной сытостью и мѣстами содержащими солонцы. Теперь понятно будетъ — что при такихъ разнообразныхъ данныхъ сибирской природы, истекаетъ изъ нихъ и разнообразіе породъ, да и самое воспитаніе здѣшней лошади. На приполярномъ сѣверѣ,

бродячіе племена (Остяки и Самоѣды) употребляютъ для перевозки тяжестей оленя; въ лѣсахъ между Омью и Иртышемъ (въ Васюганскихъ болотахъ и въ Нарымскомъ краѣ) Остяки употребляютъ для этаго собакъ (какъ употребляютъ ихъ и бродячіе инородцы Якутской области, въ Охотскѣ и Камчаткѣ); но по русскимъ селеніямъ лошадь уже доведена до Обдорска и Нарыма (66° и 64°).

Лошадь (сообразно съ законами растительности) дѣлится здѣсь на три главныхъ породы: „лѣсную“ или крестьянскую „степную“ разводимую линейными казаками и заимствованную ими отъ Киргизовъ и „горную“ породу, распространенную исключительно на Алтай. Крестьянская лошадь отличается отъ Киргизской болѣе острой мордой и болѣе тупыми ушами (первый признакъ происходитъ отъ неразвитости ноздрей). Оба эти обстоятельства: узкія ноздри и короткія уши, достаточно указываютъ тоже и на неразвитость обонянія и слуха у крестьянской лошади воспитанной подъ ближайшимъ надзоромъ и вліяніемъ ежедневнымъ челоуѣка. За то, какъ мы сказали выше—небольшой пахъ, недающій большой свободы ногамъ, но увеличивающій устойчивость ихъ, дѣлаетъ изъ здѣшней лошади сильную возовую обозную. Очень замѣчательно то обстоятельство, что когда съ сороковыхъ годовъ начали переселяться въ Сибирь по распоряженію Министерства Государственныхъ Имуществъ казенные крестьяне изъ малоземельныхъ уже русскихъ Куберній: Воронежской, Курской, Орловской, Тамбовской (отъ Кургана въ Тобольской губерніи до границы Восточной Сибири) то всѣ лошади приведенныя ими съ родины скоро обезножили и пали! Вообще слѣдуетъ повторить здѣсь высказанное нами уже въ I томѣ мнѣніе и о коемъ мы упоминали тоже въ началѣ этой главы: что слѣдовало бы обратить особенное вниманіе на улучшеніе сибирской породы лошадей, такъ какъ Си-

бирь и по этой части запасная кладовая для Россіи въ будущемъ. Сибирская порода лошадей доселѣ нисколько не улучшается приплодомъ лучшихъ породъ. Для улучшенія напимѣръ „лѣсной“ породы, полезно бы было привести сюда нѣсколько Вятскихъ обвинокъ, а для „степной“ въ родѣ Кузнецкой, нѣсколько Воронежскихъ битюковъ. Степная порода распространена не только у здѣшнихъ Линейскихъ казаковъ (по Иртышу) и въ степи Кулундинской (на югъ отъ Ишима) но и въ степяхъ Сагайскихъ и Даурскихъ (въ Енисейской губерніи и за Байкаломъ). Южно Иртышская лошадь мало отличается отъ Киргизской своими статями и такъ же ходитъ всю зиму на подножномъ корму. Кулундинская вѣроятно произошла отъ смѣси киргизской съ „лѣсной“ (крестьянской) потому что Киргизы кочуютъ цѣлыми улусами по Кулундинской степи и притомъ характеръ этой мѣстности совершенно степной. Сагайскія лошади приводятъ въ здѣшнюю губернію и начинаютъ разводиться на западной ея части. Особенныя отличія этой стати состоятъ въ значительной длинѣ туловища, широкомъ копытѣ (симъ отличительномъ свойствѣ „лѣсной“ обозной лошади, драгоцѣнный залогъ ея устойчивости) и въ горбатой мордѣ какъ у зайца. Наконецъ за исключеніемъ Кузнецкой и Кулундинской степей и самыхъ верхнихъ площадей Алтая, на которыхъ разводится прекрасная горная порода извѣстная въ Томской губерніи подъ названіемъ „Калмыцкой“, на остальномъ пространствѣ ея разводится лѣсная“ крестьянская лошадь, совершеннѣйшій типъ которой представляетъ Нарымская лошадь, столь, какъ мы уже сказали выше сего, цѣнимая сибирскими золотопромышленниками для трудной работы перевозки золотосодержащихъ песковъ, на что требуется какъ и въ обозничествѣ физическая сила и устойчивость ногъ.

Мы съ намѣреніемъ распространились о лошадяхъ,

коснувшись одной изъ важнѣйшихъ причинъ благосостоянія здѣшнихъ крестьянъ: обозничества и ямской гоньбы. Но лошадь и кромѣ этихъ двухъ промысловъ, кромѣ пособника человѣку въ хлѣбопашествѣ и всѣхъ вообще полевыхъ работахъ (которыя въ Сибири исключительно производятся на лошадяхъ), необходима сибиряку и въ каждоминутномъ быту его. Обширность разстояній въ Сибири заставляетъ крестьянъ производить большею частью сообщенія и сподручные переѣзды верхомъ, они всѣ здѣсь хорошіе наѣзники. Притомъ это качество развивается звѣропромышленностью. Наѣзничество въ особенности высоко какъ искусство у Алтайскихъ крестьянъ; но лучшими наѣзниками во всей Западной Сибири считаются ясачные крестьяне живущіе въ вершинахъ Бухтармы и Калмыки въ вершинахъ Чарыма и Катуня. Однако до сихъ поръ, при рекрускихъ наборахъ и распредѣленіи людей въ роды оружія мало обращали вниманія на это двойственное качество сибирскаго рекрута: наѣзничество и мѣткость стрѣльбы. Наконецъ—истощеніе лошадьми въ привлеченіи губерніяхъ послѣ Крымской войны (такъ что даже крестьяне внутреннихъ губерній призвали закупать ихъ на Алексѣевскую 17 марта конную ярмарку въ Курганъ Тобольской губерніи) и вѣроятно еще большее истощеніе въ случаѣ новыхъ Европейскихъ войнъ—должно подать мысль объ улучшеніи сибирской породы лошадей поощреніемъ къ тому сибиряковъ. Какъ наѣзныя пушки и блиндованные корабли суть въ наше время могущество, точно такъ-же и хорошая кавалерія..... Обратимся теперь къ сибирскимъ ямщикамъ обознымъ, этимъ героямъ съѣстной Илліады, не говоря уже о гомерическомъ кулакѣ и стальныхъ мышцахъ ворающихъ воза съ кладью какъ тростинку. Мы оставили ихъ сажающимися за столъ „поѣсть“ въ буквальныйшемъ смыслѣ этого слова.....

Когда мы вошли въ избу — всѣ ямщики сидѣли уже около стола глаголемъ, въ пестрядинныхъ а кто и въ красныхъ ситцовыхъ рубахахъ и портахъ, приготовляясь ѣсть за свои денежки. Впрочемъ—за эти денежки они не стоятъ, за то и содержатели постоянныхъ дворовъ не стоятъ за обиліе пищи. Прежде всего слѣдуетъ сказать: что у обозныхъ ямщиковъ трезвость считается первѣйшей добродѣтелью; ибо они очень хорошо понимаютъ, что вино ослабляя силы ослабитъ выѣстъ и надзоръ. Посему попиваетъ въ верхнемъ этажѣ водочку въ чистой горницѣ только „господинъ“ обозный прикащикъ. Ему же дозволяется и рас^аивать чай сколько душъ угодно, хоть на каждомъ постояломъ. Но ямщики, даже изъ Кяхты съ чаями идущіе, не жалуютъ чаепитія. Имъ дай русскую ѣду, по гуще, по плотнѣе, да и побольше.

Чревослуженіе этого дебелаго народа, истыхъ кирасировъ ямщицьяго войска—начинается неизмѣнно „тешкой“ то есть какой нибудь рыбой такого адскаго за-сола, что можетъ не переѣдать глотки только подобныхъ ѣдаковъ! Этакую рыбу (здѣсь Обскую шуку, а въ дальней Сибири омуля) ямщики возятъ всегда съ собой и она имъ замѣняетъ водку, въ мигъ возбуждая аппетитъ и жажду. Пропустивъ нѣсколько кусковъ этого зажигательнаго снаряда, „старшой“, какъ называютъ ямщики своего артельщика, обыкновенно слѣдующаго въ головѣ обоза съ возомъ украшеннымъ столбикомъ, подъ навѣсомъ котораго врѣзанъ маленькій мѣдный образокъ, а самый столбикъ обвѣшенъ множествомъ маленькихъ колокольчиковъ—кричитъ ухмыляясь „стряпки! что есть въ печи, все на столъ мечи!“ Эта стереотипная острота неизмѣнно повторяется на каждомъ постояломъ при началѣ ѣды. Стряпки (и обыкновенно не одна, а нѣсколько ибо нѣтъ человѣческой возможности справиться одной съ такими обѣдами) несутъ тогда процессіонно огромныя Ялutorовскія лакированныя деревянныя чашки шей

какъ выражаются ямщики „съ кнута“ то есть съ огня, съ пылу. Паръ валитъ изъ нихъ какъ изъ параходнаго котла, но разварное мясо становится особо на деревянныхъ блюдахъ. Артельщикъ крошитъ его мелкими кусками, броситъ въ каждую чашку щепотку соли, пріотвѣдаетъ, щелкнетъ языкомъ въ знакъ смаку и хлѣбаніе начинается молча. Быстро исчезаютъ горы ломтей ржанаго хлѣба, столь же быстро исчезаютъ и щи съ крошевомъ. При возгласѣ: „подливай!“ стряпки подливаютъ и ямщики держутся при семъ вотъ какого правила: ѣдятъ „до отвалу“ именно до тѣхъ поръ, пока брюхо само уже откажется отъ шей! Тогда стряпки ставятъ на столъ гречневую крутую кашу съ масломъ, которую ямщики также ѣдятъ до пресыщенія. Потомъ ѣдятъ молоко съ папушникомъ (пшеничнымъ хлѣбомъ) а здѣсь напримѣръ, гдѣ медъ дешевъ, то и медъ съ ломтями пшеничнаго. Все это запивается полуведерными жбанами густаго квасу. Лица краснѣютъ, потъ катится съ нихъ градомъ, опояски развязываются..... И когда брюхо уже доложить что рѣшительно „не въ мочь“, ямщики встаютъ изъ за стола и отправляются въ крытый дворъ къ выстоявшимся между тѣмъ лошадямъ, поятъ ихъ и опять возвращаются въ избу. Тогда наступаетъ въ этой пространной избѣ глубокое молчаніе, изрѣдка прерываемое только здоровымъ храпѣніемъ. Часа черезъ два, начинается запряжка, лошадямъ задаютъ корму, обозъ выступаетъ въ дальнѣйшій путь и тоже самое повторяется пожалуй до Москвы либо до Кяхты съ оговоркой въпрочемъ: что внутри нынѣшней Россіи не сибирское мѣстное раздолье! Тамъ папушники и цѣлковые уже превращаются въ миеъ... Однако и во внутреннихъ губерніяхъ, обозные ямщики не жалѣютъ денегъ на пищу, да и жалѣть не могутъ, потому что сытая и довольная ѣда необходимое условіе ихъ ломовой жизни. Наконецъ скажемъ— что финальные расчеты за сѣно, овесъ

„тепло“ (то есть за избу) вѣду, всегда производится аргѣхѣ по мѣстности и цѣнамъ ея глядя; и нѣтъ при-мѣру, чтобы содержатели постоянныхъ дворовъ умышленно запрашивали дорого, либо ямщики оказывались неисправными плательщиками. Иногда нарѣзки на биркѣ, счетъ мелкомъ на косякѣ—сохраняются годъ и болѣе, а расчетъ „на вѣру“ все таки обоюдно честенъ.

Конечно желѣзныя дороги и пароходство убьютъ со временемъ всю русскую ямщину; а сибирскую тогда когда чаи пойдутъ вмѣсто Кяхты ближнимъ путемъ изъ Западнаго Китая (Кульджи и Чугучака) на Семи-палатинскъ и Петропавловскъ, уже придвинутые теперь самой Волгой и Нижегородско-Петербургской дорогой къ Петербургскому порту и Европѣ. Здѣсь же, въ Сибири, быстро развивающееся пароходство между Томскомъ и Тюменью (Томью, Обью, Иртышемъ, Тоболомъ и Турой) уже отняло отчасти у ямщины лѣтній извозъ по этой линіи; за то зимняя у нихъ въ рукахъ и на долго! ибо когда Богъ дастъ намъ желѣзную дорогу отъ Нижняго до Иркутска? Нельзя однако не пожелать для Сибири этого великаго блага хотя бы по сѣверо-американской системѣ, то есть на дровяныхъ лежнякъ вмѣсто насыпей; тамъ гдѣ грунтъ крѣпокъ, а громадные хвойныя тайги даютъ сподручно матеріала много. Въ будущемъ, Сибирь имѣетъ всѣ данныя для огромнаго коммерческаго значенія. Въ ней все верховье отъ предгорій Урала Алтая и Саяна въ глубь Забайкалья и до усть-Амура — представляетъ возможность успѣшнаго хлѣбопашества и скотоводства, съ сотней миллионъ жителей. Климатъ же не жестче Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и Канады, а на югѣ даже не хуже Виргиніи и Мериленда при томъ — сѣтъ водныхъ путей великолѣпная, лѣсовъ хватить еще на столѣтія. Только рукъ мало, да частная предприимчивость еще въ младенчествѣ. А разовьется же эта далекая и страшная

доселѣ Сибирь, безпримѣрно въ исторіи разовьется! Въ этомъ порукой ея счастливая, полная блестящей будущности мѣстность между Европейской частью Россіи, этимъ авангардомъ Европы, и между крайнимъ Востокомъ.

На Барабинской степи, въ 200 верстахъ отъ границы Томской и Тобольской губерній по главному сибирскому тракту, добрались мы до окружнаго города Каинска, на судоходной рѣкѣ Оми, впадающей въ Иртышъ у самаго Омска. Этотъ городъ построенъ былъ подъ именемъ „Каинскаго носа“ въ 1722 г. для защиты первыхъ русскихъ здѣсь заселеній отъ хищническихъ набѣговъ при Алтайскихъ калмыковъ. При учрежденіи Тобольскаго намѣстничества въ 1782 году, онъ по выгодной его мѣстности сдѣланъ былъ уѣзднымъ городомъ; но вскорѣ потомъ обращенъ въ заштатный, а въ 1814 г. снова названъ уѣзднымъ и причисленъ къ учрежденной тогда Томской губерніи. Въ немъ нынѣ 2 каменныхъ приходскихъ церкви, 1 кладбищенская и 1 въ тюремномъ замкѣ. Уѣздное и приходское училище для мальчиковъ, 1 женская школа, до 600 домовъ и 2360 ж. о. пола, изъ коихъ окладныхъ мѣщанъ 690, при томъ въ массѣ всего населенія $\frac{1}{5}$ состоитъ изъ Евреевъ сосланныхъ сюда изъ западныхъ губерній. Въ Сибири насмѣшливо прозвали Каинскъ „жидовскимъ Іерусалимомъ“, у нихъ здѣсь есть синагога и штатный Раввинъ. Городъ самъ по себѣ очень бѣденъ (доходовъ 3355 р. 56 к. с. и столько же расходовъ), фабрикъ и заводовъ нѣтъ (всего 2 кожевенныхъ мелкихъ и 3 салотопни) а между тѣмъ мелочная торговля кипитъ въ рукахъ оборотливаго племени! Отъ глубины Забайкалья до Приуралья всѣ сибирскіе евреи подостаточно (даже и не ссыльные) въ постоянномъ сношеніи съ Каинскими, которые отправляютъ даже на Лейпцигскую ярмарку мѣха, въ особенности бѣличьи хвосты и получаютъ оттуда чрезъ сво-

ихъ единовѣрцевъ дешевенькія галантерейныя вещи развозимыя ими по городамъ и торжкамъ сибирскимъ. Само собою разумѣется, что и всѣ Каинскіе ремесленники поголовно Евреи. Отъ этого фizioномія Каинска совсѣмъ отлична отъ прочихъ городковъ края, суетливые жидки даютъ ему оживленный видъ, что поражаетъ съ перваго взгляду наблюдателя привыкшаго къ обычной сонливости здѣшней городской жизни (кромѣ Петропавловска, Омска, Тюмени и городовъ губернскихъ). И грязи здѣсь (неизбѣжной спутницы Евреевъ) довольно! Но отчего-жъ этотъ нечесаный и немытый городишко, прозвали „Каинскомъ“ и даже „Каинскимъ носомъ!“ когда окрестъ его всѣ селенія носятъ чисто-русскія прозвища (Антошкина, Покровское, Сѣдова и пр.) отъ библейскаго ли Каина, либо отъ знаменитаго Ваньки-Каина, Московскаго сыщика, мудренныя похождения котораго улаживаютъ доселѣ печатно наше простолюдые—этого мы не могли здѣсь добиться? Всего вѣроятнѣе, что здѣсь 50 или 60 лѣтъ тому назадъ была еще „дальняя Сибирь“, которая отодвинулась теперь къ Иркутску; то есть глушь да дичь и Правительство считало возможнымъ ссылатъ сюда на поселеніе Евреевъ, преимущественно контрабандистовъ (и теперь—большая часть ссылочныхъ Евреевъ идетъ въ Сибирь за контрабанду, это ихъ прирожденное занятіе!). Нынѣ же ихъ гонятъ уже дальше, а именно за Байкаль въ дикій и безлюдный Баргузинскій край, гдѣ ихъ набито биткомъ. Племя неспокойное, пролазное, оно и здѣсь отличается всѣми дурными качествами своихъ единовѣрцевъ въ Польшѣ и западныхъ губерніяхъ. Хоть шиломъ да мыломъ, и самые бѣдные бѣдняки торгуютъ! Мы помнимъ—какъ поразило насъ подобное же явленіе, въ глубинѣ Забайкалья, въ районѣ Нерчинскихъ рудниковъ. Приведутъ бывало Еврея „по канату“ то есть въ ссылочной партіи изъ Иркутска въ Нерчинскую каторгу. Кажись нищѣ

какъ Іовъ, оборванъ до нельзя. Глядишь—мѣсяца черезъ три-четыре, онъ уже нашелъ средства втерется въ урочные работники: дровосѣки, рудовозы, углеобжигатели (которые могутъ свободно нанимать за себя другихъ, а выставляя урокъ годовой хоть въ недѣлю, жить потомъ безъ употребленія въ работы все остальное время до слѣдующаго года)! Онъ уже ходитъ съ коробкой: иголокъ, булавокъ, тесьмы, наперстковъ и тому подобной мелочи, уже и капиталъ есть цѣлковыхъ въ 10! Пройдетъ годъ, другой, и еврей, пришедшій въ каторгу нагъ и босъ—открываетъ уже мелочную лавочку въ которой торгуетъ: табакомъ, мыломъ, желѣзомъ, омулями (соленой Байкальской рыбой изъ породы сельдей). Капиталъ удесетеряется, является и домикъ. А есть (и много) что подъ конецъ наживаютъ тысячи! Сверхъ сего—Евреи рѣдко бѣгаютъ, развѣ ужъ тунеедецъ и баловень ни къ чему не годный. Послѣ этого понятно, что въ Каинскѣ на такое повидимому мизерное городское общество изъ всего 690 окладныхъ мѣщанъ, съ $\frac{1}{2}$ Евреевъ на все населеніе, считалось въ 1861 году 68 купцовъ! (отчетъ Гражданскаго Губернатора). Наконецъ въ Каинскѣ есть обычныя всѣмъ здѣшнимъ городкамъ: соляные и хлѣбные магазины, винный подвалъ (отдаваемый нынѣ казною частнымъ лицамъ подъ склады вина), неказистая городская больница и тюремный замокъ.

Но что дѣлаетъ честь этому крошечному городку съ такимъ не симпатичнымъ еврейскимъ населеніемъ—это во первыхъ устройство женской школы. 29 сентября 1859 года, служащіе чиновники и канцелярскіе служители составили слѣдующій приговоръ, который справедливо поставить въ образецъ многимъ городамъ сибирскимъ и лучше Каинска; на примѣръ Туринску въ Тобольской губерніи, имѣющему нынѣ до 4000 ж. о. п. и цвѣтущую ремесленность: кожевенную, кузнечную, слесарную, хорошее иконописное и рѣзное

производства, вѣрный сбытъ своихъ издѣлій въ сосѣдней (въ 60 верстахъ) Ирбита; сытое купечество и очень достаточное мѣщанство и не думаетъ объ учрежденіи городского женскаго училища, равнодушно глядя на видимый годъ отъ году упадокъ маленькой школы для дѣвочекъ учрежденной просвѣщенной Настоятельницей Туринскаго монастыря, Игуменьей Аеинодородой и по недостатку средствъ еле еле прозябающей... равнодушно глядя, повторимъ, и не пособляя! Но Каинскіе служащіе поступили иначе и тѣмъ болѣе похвально что дали не отъ избытка а отъ насущныхъ крохъ! „(Желая по мѣрѣ силъ своихъ“ говорятъ они въ этомъ замѣчательномъ приговорѣ „содѣйствовать учрежденію въ городѣ Каинскѣ учебнаго для дѣвицъ заведенія, полагаемъ: 1. Удѣлять съ этою цѣлью, во все время служенія нашего въ Каинскѣ, по одной половинѣ процента изъ получаемаго нами какъ окладнаго такъ и прибавочнаго содержанія и по одному проценту изъ денежныхъ награды если таковыя кому либо изъ насъ будутъ назначены; деньги эти предоставляемъ начальству удерживать при самой выдачѣ намъ содержанія за полгода впередъ, въ январѣ и іюлѣ мѣсяцахъ и отсылать куда будетъ назначено по сношенію съ училищнымъ начальствомъ. 2. Приглашать къ этому взносу и тѣхъ изъ нашихъ сослуживцевъ, которыхъ въ настоящее время нѣтъ на лицо, а также тѣхъ которые поступятъ сюда на службу впослѣдствіи. 3. Представить настоящую подписку на утвержденіе Томскаго Губернскаго Правленія и просить распоряженія его о приведеніи въ дѣйствіе чрезъ подлежащія присутственныя мѣста принимаемаго нами обязательства.„ Подписали всѣ служащіе, въ томъ числѣ и разумѣется самобѣднѣйшіе какъ то: фельдшера, писцы столоначальники, квартальные; и не присоединился къ этому благородному дѣлу ни одинъ изъ 68 купцовъ! А во вторыхъ—устройство церкви въ здѣшнемъ тюрем-

номъ замкѣ. Многие богатые города, напримѣръ Ишимъ съ его знаменитой зимненикольской ярмаркой, на которой дѣлаютъ нынѣ обороту уже на нѣсколько миллионовъ цѣлковыхъ, проигрываютъ тысячи въ штосъ и выпиваютъ водопады вина, Тара съ купцами-богачами и другіе города, гдѣ средствъ несравненно больше — не имѣютъ тюремной церкви, а крошечный Каинскъ захотѣлъ и сдѣлалъ! И тоже усердіемъ чиновниковъ. Въ теченіи четырехъ лѣтъ собирали они неумоимо буквально по крохамъ и алтынамъ деньги (съ 3 января 1855 года по 15 августа 1859, въ который день освящена эта церковь), собрали до 3000 руб. сер. и имѣютъ теперь очень красивую церковь!

Отъ Каинска до границы Томскаго округа (между деревнями: Крутые Логи и Тырымкиной) насчитывается десять станцій и 266 верстъ главнымъ сибирскимъ трактомъ. Тырымкина уже въ этомъ округѣ, а изъ нея прѣзжаешь въ Колывань, нѣкогда окружный, а теперь заштатный городъ, еще хуже и бѣднѣе нежели жидовскій Каинскъ! Онъ назывался прежде „Чаусскимъ острогомъ“ и до 1783 года былъ комиссарствомъ (тоже, что нынѣшніе участковыя засѣдательства въ Сибири, а станы въ Россіи). Богъ знаетъ, по какимъ истинно мудренымъ соображеніямъ административнымъ, его вдругъ въ 1783 г. возвели нежданно негаданно въ главные города „Колыванскаго намѣстничества!“ Это дивное возвышеніе ему нисколько не пособило. Въ 1796 г. его возвели въ уѣздные (окружные) и присоединили къ Тобольской губерніи, а въ 1814 къ Томской; наконецъ въ 1854 году, онъ обращенъ въ заштатный. Правда, что онъ раскинутъ на громадной Оби по ея лѣвому берегу (въ 213 верстахъ отъ Томска) но вотъ и все! Жителей въ немъ нынѣ только 2365 о. п. (1179 муш. и 1126 женщ.) изъ коихъ 638 окладныхъ мѣщанъ (94 занимаются хлѣбопашествомъ а 27 торговлей и разными мелкими про-

мыслими). Обь кормить ихъ, да и обозный трактъ тоже. У нихъ тутъ 1 каменная церковь, обычные магазины, больница. Но Обь чего не скрасить! Однако купцовъ считается въ Колывани 43 капитала. Почему это? А потому (и замѣтимъ, что 2-й гильдіи было 7), что многіе богачи съ роду не заглядывающіе въ подобные городишки и неимѣющіе тамъ ровно никакихъ дѣлъ, умышленно записываются въ такія общества, гдѣ по малолюдству ихъ одно лишь „Хозяйственное Управление“ съ единственнымъ представителемъ градскаго сословія „Городовымъ Старостой“. Этимъ они избѣгаютъ выборовъ и сопряженныхъ съ ними вездѣ доселѣ у насъ въ Россіи непріятныхъ столкновений и тягостей. Малое развитіе духа общественности, поползновеніе къ взяточничеству и притѣсненіямъ со стороны чиновничества — заставляютъ естественно торговцевъ уклоняться отъ общественныхъ службъ елико возможно.... Въ Сибири, еще болѣе, потому что противудѣйствія территориальнаго дворянства притязаніямъ чиновниковъ, гласности и силы общаго мнѣнія пока нѣтъ....

И за Колыванью — раскидывается Барабинская степь, до переправы черезъ Обь. Милыя картины этихъ зеленыхъ степей, кристальныхъ озерковъ, тѣнистыхъ рощицъ, всюду разбросанныхъ селъ и деревень — надолго врѣзываются въ память и утѣшительно, ибо довольство и сытость видны что шагъ во всемъ и на всемъ; а это первое благо для бѣднаго, столь много трудящагося въ потѣ лица селянина. Но и Каламы да Клодь-Лорени вѣдь могутъ же утомить наконецъ самаго восторженнаго любителя Виргилія и Теоокрита. Жаркіе полдни, великолѣпные закаты солнца, чудныя лунныя ночи съ ихъ ароматной свѣжестью — все это можетъ чаровать и не разъ, это правда; но человѣкъ такъ вѣдь ужъ созданъ, что дайте ему напримѣръ самое счастливое житіе: добрую семью, хорошій домъ, полную чашу хозяйства,

тепло, свѣтло, сытость, даже средства для артистическихъ наслажденій ума совокупно съ наслажденіями брюха... ну! онъ пожалуй съ ума сойдетъ отъ этого прозаическаго счастья! И будетъ лежа на пуховикѣ по помѣщичьи, послѣ жареныхъ рябчиковъ и бутылки портеру мечтать о срединной Африкѣ, о пустыняхъ Австраліи, иной и объ „ужасной“ Сибири; да и мечтать такъ — какія де муки тамъ претерпѣваютъ....

Рады несказанно были и мы, когда глянувъ въ даль уперлись взоромъ въ безконечное водное пространство, тихо колымаемое полуденнымъ майскимъ вѣтеркомъ, индѣ видѣлись зелеными оазисами, на этомъ тепломъ будто внутреннемъ морѣ сибирскомъ, какъ бы островки покрытые тѣнистыми уже рощами. То была „матушка Обь“ которой даже наша „матушка Волга“ развѣ годится въ семилѣтнія дочки! Гигантская Обь, станова я жила Западной Сибири разлившаяся тутъ на десятки верстъ. Какимъ чудомъ переплываютъ такую громадную массу водъ въ сильный вѣтеръ на этихъ подозрительно ветхой наружности и на живую нитку слятыхъ досченикахъ и пармахъ, только одному Богу извѣстно! должно быть руководятся русскими всесильными „авось“ и „живетъ“ хоть не канонизированными уставно, но столь чтимыми всюду святыми нашего безпечнаго русскаго простолюдія! Однако на наше счастье и ради спасенія душъ да тѣловъ нашихъ, тихій майскій ветерокъ чуть колыхалъ, а индѣ только рябилъ зеркальную поверхность этой чудовищной рѣки. Мы рѣшились плыть особо въ достаточно-большой вольно-наемной лодкѣ, а не на паромѣ, либо досчаникѣ казенномъ, и признаемся что не раскаялись! Въ жизнь свою не видывали ничего восхитительнѣе, развѣ плаваніе въ такую же пору черезъ Байкаль отъ листовичнаго мыса къ Посольскому монастырю на пространствѣ слишкомъ 1000 верстъ. То что намъ казалось островами — было въ сущности гривы

и холмы покрытые тѣнистыми березовыми рощицами и пахучими кустами. Пропитанная водной свѣжестью, поверхность ихъ была буквально усыпана цвѣтами. Индѣ, гдѣ образовалась какъ бы группа подобныхъ островковъ, лодка наша, попавши подъ защиту совершеннаго тутъ затишья, скользила подъ зеленымъ навѣсомъ какъ бы волшебныхъ Армидиныхъ садовъ.

Широкіе и золотистые лучи великолѣпнаго майскаго солнца, пробиваясь сквозъ эту чашу, раскидывали по зеркальнымъ водамъ прихотливые арабески игривыхъ тѣней вырѣзывающихъ свои узоры, какъ бы тончайшее колеблемое вѣтеркомъ кружево. Всегда снуютъ лодочки рыбаковъ, плаваютъ въ этихъ лабиринтахъ воды и зелени стаи дикихъ утокъ и гусей. Вотъ лебедь граціозно качается на водной глади крохотнаго залива, образуемаго полуциркульнымъ очертаніемъ высокой гривы. Гдѣ только можно пріютить мордочку (плетушку изъ гибкихъ тельниковыхъ сучьевъ, форма которой воронкообразна для ловли мелкой рыбы) стоитъ она подъ навѣсомъ березника. А какая святая тишина, какой восхитительный миръ — и на водахъ, и въ этихъ рощицахъ, и въ ясно-голубомъ небѣ! Рыба играя на солнцѣ то и дѣло выставляетъ изъ воды блестяще-чешуйчатый хребетъ свой. Птички чирикаютъ въ кустахъ и рощицахъ, весело жужжатъ зеленныя мухи, стрекочить въ травѣ стрекоза, рѣютъ разноцвѣтные жучки и бабочки. А растительность, чудная растительность, уже достойная предвѣстница Алтайской роскошной флоры! Тутъ есть бальзамическая тополь, развѣтвистая осокорь, плакучая ива, густозеленая талина, душистая черемуха осыпанная теперь цвѣтами будто жемчугомъ, калина, смородинникъ и малиникъ. Розовый багульникъ перекидывается фестонами съ дерева на дерево. Синій колокольчикъ, голубая незабудка, чудная Астайская лилія (въ особенности сильно-пахучая жел-

тая) наполняютъ воздухъ ароматами. Природныя бѣсѣдки образуются густо сплетенными вѣтвями деревьевъ и выющимся около нихъ дикимъ хмѣлемъ. Наконецъ — островки рѣдѣютъ, остаются далеко назади, мы начинаемъ перевалъ самымъ русломъ Оби. Близится и противоположный берегъ, показалась на немъ деревня Дубровна, первая станція по ту сторону рѣки. Слава Богу! переплыли это огромное пространство не только безопасно, но и съ поэтическимъ о немъ воспоминаніемъ. Впрочемъ разнообразныя — то граціозныя, то грандіозныя — картины Сибири, эстетическое наслажденіе для того кто умѣетъ читать душой и чувствомъ великую книгу природы. Люди здѣсь не совсѣмъ хороши, спору нѣтъ; страна еще дика и безлюдна, безпорядковъ и злоупотребленій не мало, контроль власти и общественнаго мнѣнія еще слабы, это тоже правда; но собственно міръ Божій великолѣпенъ, а развѣ онъ не вознаграждаетъ сторицей путешественника за всѣ лишенія и неудобства матеріальныя, даже за нравственный гнетъ невѣжества?

ГЛАВА XII.

НАРЫМЪ.—ТОМСКЪ.

Съ станціи Дубровиной до ближайшей къ Томску Татаринской (18½ верстъ) главный сибирскій трактъ еще придерживается береговъ Оби; но съ Татаринской, принимая въ право, углубляется опять въ продолженіе Барабинской степи заканчивающейся лишь у предгорій хребта Кузнецкаго (отрога Алтая) между Томскомъ и Мариинскомъ. Отсюда въ Нарымскій край двѣ дороги: почтовая-прогонная и такъ сказать официальная, сперва по тракту въ Томскъ (главному сибирскому, съ станціи Дубровиной), а потомъ лѣтомъ почтовыми лодками по Томи (впадающей въ Обь у деревни Горбуновой, въ 51½ верстъ отъ Томска) и Оби, зимой же надрѣчными станціями на лошадяхъ; это путешествіе очень схоже съ тѣмъ, что описано уже нами въ I томѣ, то есть съ плаваніемъ по Тавдѣ отъ села Табуровъ до Пелыма. Другая же дорога, кратчайшая и въ весеннюю пору очень удобная: плаваніе тоже, но на судахъ купеческихъ, спускающихся изъ хлѣбныхъ мѣстностей верховья Оби этой рѣкой вплоть до Нарыма съ мукой и товаромъ на инородческую руку. Такъ какъ на счастье наше такое судно нагнало насъ при переправѣ нашей въ Дубровину, то мы и предпочли посѣтить сперва Нарымскій край—столь же неизвѣстный не

только Россіи, но и Сибири, какъ и край Пелымскій. Описаніе сихъ обоихъ пустынныхъ уголковъ русскаго міра чуть ли не въ первый разъ предпринято и лишь нами. О Нарымѣ есть еще кой-какія мѣстные хоть свѣдѣнія, но Пелымскій край рѣшительно сдѣлался извѣстенъ въ первый разъ лишь съ появленіемъ въ печати I тома нашего „Описанія Сибири“. А между тѣмъ Нарымъ и Пелымъ—не смотря на ихъ видимое отчужденіе отъ чуть ли не человѣчества въ его нынѣшнемъ прогрессивномъ движеніи, вовсе не льдистыя и безотрадные пустыни березовскія. Здѣсь хлѣбопашество и огородничество, скотоводство и коноводство (Нарымскія лошади даже славятся своей силой и устойчивостью); и въ Нарымѣ какъ въ Пелымѣ живетъ здоровая и трудолюбивая русская раса, потомки первыхъ высельцевъ въ Сибирь изъ Россіи. Рыболовство Нарымскаго края ждетъ только толчка науки и дуновения европейскихъ пріемовъ, чтобы открыть какъ и въ Березовѣ свою сокровищницу. Звѣроловство, сборъ кедровыхъ орѣховъ и ягодъ даютъ хорошіе заработки и можно сказать безъ преувеличенія, что на всемъ громадномъ пространствѣ сибирскаго сѣвера отъ границы Архангельской губерніи до Камчатки и Берингова пролива, Пелымъ и Нарымъ—оазисы труда разумнаго, доказывающіе собой ту непреложную у насъ истину: что въ дѣлѣ колонизаціи не русскій человѣкъ портитъ все его окружающее, а формальности и дисциплинарности его стѣсняющія. Гдѣ ихъ нѣтъ—и онъ можетъ быть хорошимъ колонизаторомъ, начатки въ немъ есть.....

Томскій округъ (въ составъ котораго входятъ административно и Нарымскій край, подъ официальнымъ названіемъ „Тогурскаго Отдѣленія“ съ отдѣльнымъ засѣдателемъ Земскаго Суда какъ и въ Пелымѣ) граничитъ: на сѣврѣ съ Березовскимъ округомъ Тобольской и Енисейскимъ Енисейской губерній, на югѣ съ

Барнаульскимъ и Бійскимъ, на востокъ съ Маріинскимъ, а на западъ съ Каинскимъ округами своей губерніи. На пространствѣ 234,000 кв. верстъ (это самый обширный округъ Томской губерніи) онъ населенъ 147,435 д. о. п. (по населенію, онъ третій въ губерніи, послѣ Бійскаго и Барнаульскаго). Подъ пахатными полями считается въ немъ до 500 кв. верстъ, подъ лугами и выгонами 5,150 а подъ лѣсами 21,000; остальное жъ громадное пространство составляютъ воды, болота и тундры. Южная и юго-восточная часть округа волнообразна, пересѣчена послѣдними отрогами Алтайскихъ горъ, которыя исчезаютъ въ низменностяхъ, входящихъ сюда съ приполюснаго сѣвера; а сѣверо-западная часть по направлению къ Каинскому округу степна и частью болотиста. Томскій округъ изрѣзанъ многочисленными рѣками и рѣчками. По немъ протекаютъ: Обь, сворачивающая изъ Нарымскаго края въ Березовскій округъ Тобольской губерніи, Томь, Чулымъ съ его притокомъ Кіей и до 53 рѣчекъ (изъ коихъ 15 впадаютъ въ Обь, а 40 въ Томь). Сверхъ того въ округѣ насчитываютъ до 730 озеръ! Впрочемъ озера сія почти всѣ мелкія, за исключеніемъ Большаго Борчикуля, Турагаевыхъ и перодовой сѣти Васьюганскихъ. Земли здѣсь вообще плодородныя (послѣ Бійскаго округа, онъ считается самымъ урожайнымъ) особливо побережья Томи, Кіи, Ина и Эи; отсюда идетъ много хлѣба на винокуренные заводы даже Тобольской губерніи и на золотые прииски. Села и деревни отличаются хорошей постройкой, крестьяне живутъ зажиточно, заработковъ отъ всего много и подати легко вносятся. Кромѣ хлѣбопашества и скотоводства, извозничества, содержанія постоянныхъ дворовъ на главномъ трактѣ, судоходства, рыболовства и отчасти звѣроловства — Томскіе крестьяне (въ особенности Димитріевской и Колыжской волостей) отправляются съ наступленіемъ весны большими партіями

въ юго-восточную часть округа на частные золотые прииски, находящіеся на восточномъ склонѣ Абакинскихъ горъ, для разработки золотоносныхъ россыпей. Здѣсь они получаютъ немалые заработки отъ „старанья“ то есть отъ промывки песковъ, сверхъ урочной работы. Крестьяне же деревень, находящихся при главномъ сибирскомъ трактѣ кромѣ дѣланія телегъ, саней, колесъ на продажу проходящимъ обозамъ, сѣютъ въ большомъ количествѣ рожь и овесъ. Обильный урожай травъ доставляетъ имъ тоже возможность заготовлять большое же количество сѣна и выгодно сбывать его ямщикамъ. Однимъ словомъ, всѣ волости близъ лежащія Кяхтинско-Московскому обозному движенію (а отъ Кяхты къ Москвѣ и обратно, обозы по окончаніи Тюменско-Томской навигаціи движутся день и ночь непрерывными вереницами) выгодно сбываютъ тутъ всякую сельскую мелочь своихъ произведеній, да и получаютъ не малые барыши, сами ямщика и извозничая въ доставкѣ ли товаровъ, или въ провозѣ путешественниковъ „на дружкахъ“ какъ и на Барабинской степи. Крестьяне Богородской волости строятъ суда, барки и лодки при деревнѣ Горской и сплавляютъ ихъ весной въ Томскъ и Кузнецкъ по Оби до Томи и въ Барнаулъ вверхъ по Оби для развоза соли, хлѣба и другихъ тяжестей. Прибрежные же жители Оби, Томи и Чулыма занимаются на большую руку рыболовствомъ, приготовляя соленую рыбу, сушеную, икру, клей и визигу. Обскія стерляди и осетры славятся только величиной; но Томь даетъ стерлядь вкусную и не жирную, предпочитаемую Иртышской и Обской. Лучшій ловъ стерлядей въ здѣшнемъ округѣ бываетъ при Орскихъ юртахъ. Не говоримъ уже объ простыхъ породахъ рыбы. Ихъ здѣсь такое же множество какъ и въ Тарѣ да Березовѣ, съ тою однако разницей, что климатъ здѣшняго округа несравненно мягче; а извѣстно что для метанія икры, рыба ищетъ

воду теплыхъ и нестремительныхъ. Томскій округъ можно назвать громадною лагуною Венеціей, до такой степени онъ испещренъ озерами и болотами (замѣтимъ, что однихъ собственно озеръ, насчитывается въ Томской губерніи до 1500, а $\frac{1}{5}$ всего ея пространства состоитъ изъ воды!) Въ здѣшнемъ напримѣръ округѣ начиная отъ устья рѣки Томи и далѣе на сѣверъ по теченію рѣки Оби и съ притокомъ: Чулыма, Кети и Тима $\frac{2}{3}$ земли всего пространства покрыто топкими и влажными тундрами. Къ югу же отъ села Николаевского, что ниже устья Томи между рѣками Обью и Шегаркою, рѣчками: Баксою, Тоею, Киндою и частью сѣверной границы Канинскаго округа стелятся болота на 718 кв. верстъ! Наконецъ—по правую сторону Оби, между ея притоками до рѣки Ояшъ, главнымъ сибирскимъ трактомъ изъ Колывани въ Томскъ и лѣвой стороною рѣки Томи разстилаются тоже отдѣльными группами озера и болота на $111\frac{3}{4}$ кв. в.; а къ сѣверу отъ Томска, между правымъ берегомъ Оби и по теченію рѣчекъ: Киргизки и Черной, озера занимаютъ до 300 кв. верстъ. Немудрено послѣ этого—что рыболовство составляетъ одну изъ важнѣйшихъ статей дохода для жителей.

Обская система, одна изъ самыхъ обширнѣйшихъ въ мірѣ—и ничто такъ не напоминаетъ гигантскія рѣки Сѣверной Америки какъ эта индѣ густо заселенная, а индѣ и совершенно пустынная громадная рѣка. Составленная какъ мы это видѣли въ I томѣ изъ соединенія рѣкъ: Бія выходящаго изъ Телецкаго озера и Катуня изъ края Алтайскаго, сливающихся около города Бійска, Обь протекая свыше 3000 верстъ представляетъ самыя разнообразныя картины не только образа жизни прибрежныхъ обитателей, степени населенія береговъ, но и самой природы. Отъ Бійска почти до Барнаула берега ея утесисты, мѣстность гориста, быстрота обычная всѣмъ горнымъ рѣкамъ, дно каменисто, пороги

много. Здѣсь центръ горной производительности знаменитыхъ и еще мало развитыхъ по своимъ неистощимымъ богатствамъ Алтайскихъ заводовъ, населеніе плотное, земледѣльство и ремесленность на первомъ планѣ. Далѣе къ Колывани и ниже деревни Дубровиной (гдѣ мы сѣли на рыбопромышленное судно) идутъ еще Карабинскія степи съ значительнымъ скотоводствомъ. Еще ниже вступаемъ въ полосу дремучей тайги Нарымской гдѣ уже рыболовство и звѣроловство почти исключительныя занятія. Берега еще покрыты довольно сплошнымъ населеніемъ, села людныя и полныя прибрежнаго движенія: Уртамское, Богородское, Молчаново, Новольнское, Тогурское, Варобольское, даже пустынный Нарымъ. Далѣе отъ села Самарова (въ Тобольской губерніи при устьѣ Иртыша) начинаются березовскія приполюсныя пустыни. Крошечный Обдорскъ, самый крайній пунктъ на этомъ печальномъ и негостепріимномъ сѣверѣ, при началѣ Обской губы. Еще далѣе—полное царство смерти, всякая растительность исчезла, населеніе и подавно. Обская система объемлетъ пространство въ 26° сѣв. шир. (отъ 47° до оконечности Обской губы) и 32° восточ. долгот. отъ 77° до 109° (отъ вершинъ Туры до выгибовъ Чулыма)! Можно жъ себѣ вообразить—какое тутъ разнообразіе почвы, производительности и самой органической жизни! Въ сѣверной и южной полосахъ этой чудовищной массы воды (далеко оставляющей за собой, въ этомъ отношеніи бассейны Енисея, Лены, и даже Амура) насчитываются дознанныхъ географическими и межевыми работами (не говоря объ безъизвѣстныхъ въ дремучихъ тайгахъ присѣверныхъ) сверхъ такихъ судоходныхъ рѣкъ каковы: сама Обь (въ ея единичномъ руслѣ), Иртышъ, Сосва, Тавда (въ извѣстномъ уже намъ Пелымскомъ краѣ, столь схожимъ съ Нарымскимъ), Тура, Тоболь, Томъ, Чулымъ и Кеть—еще 15 второстепенныхъ хотя и очень значитель-

ныхъ рѣкъ: Конда, Ницца, Пыма, Исѣтъ, Міясъ, Уй, Вачай, Омь, Бухтарма, Чулымъ, Катунь, Бій, Вагъ и Тагъ, изъ коихъ многія и нынѣ уже давно судоходны и пароходны; потомъ 50 третьестепенныхъ рѣкъ имѣющихъ теченія отъ 150 до 370 верстъ и отъ 40 до 400 сажень ширины (т. е. индѣ почти тоже что наша верховая Волга, хотя совершенно безъизвѣстныхъ и пустынныхъ); наконецъ до 1,175 обыкновенныхъ рѣчекъ и 8,124 озера! Конечно нигдѣ въ мірѣ нѣтъ ничего подобнаго и тѣмъ болѣе съ такими рѣзкими контрастами климата, растительности, образа жизни: отъ сытаго, цвѣтущаго, богатаго при-Алтайскаго края, гдѣ Обь нѣжится въ душисто-бальзамическихъ предгорьяхъ благословеннаго юга съ обиліемъ хлѣба, скота, плодовъ, меду — до полуночныхъ и вѣчно-лдяныхъ пустынь за-Обдорскихъ, гдѣ она уже бесплодно раскидывается на 60 даже на 100 верстъ ширины (въ Обской губѣ) гдѣ сокровищница рыбы.

Быстро неслись мы по этой чудовищной массѣ водъ, всюду разлившейся какимъ-то океаномъ, на которомъ людныя села и деревни побережья (все построенныя на возвышеніяхъ) кажутся какими-то островками. Въ маѣ—въ Березовѣ еще зима (Обь иной разъ не расходится ранѣе конца этого мѣсяца и даже начала Іюня!), а здѣсь все уже цвѣтетъ и бальзамическая тайга также „курится“ отъ пихты и лиственницы какъ и въ Пелымѣ! Нарымскій край раскинутъ между 91° и 101° восточ. долготы. Онъ не что иное, какъ огромная равнина, покрытая дремучими лѣсами, озерами и болотами, пересѣкаемая съ юго-востока на сѣверо-западъ Обью, принимающею здѣсь съ правой стороны: Кеть и Тымъ, а съ лѣвой: Чаю, Параболъ, Васьюганъ и нѣкоторыя другія маленькія рѣчки. Все пространство Нарымскаго края опредѣляется (конечно приблизительно, потому что межеваніе здѣсь фактически невозможно) до громадной цифры 350,000

кв. верстъ! Только въ Сибири возможны конечно такія пространства, составляющія однако лишь частицу уѣзда!

Обь раздѣляетъ Нарымскій край на двѣ полосы: восточную и западную. Востокъ или правый берегъ рѣки покрытъ тайгами сосновыми, кедровыми, лиственничными, пихтовыми и другими хвойными породами, какъ и въ Пелымѣ. Тутъ въ этихъ лѣсныхъ пустыняхъ много озеръ, зыбуновъ и болотъ. При изгибахъ Оби, Кети и Тыма—берега ихъ далеко затопляются весеннимъ разливомъ. Здѣсь растутъ березникъ, осинникъ, тальникъ, находятся сѣнокошныя и пастбищныя мѣста, называемыя по туземному „сорами“. На долинахъ же рѣкъ лѣваго берега Оби: Чаи, Параболы и Васьюгана—ростутъ преимущественно пихтовые, еловые, сосновые и кедровые лѣса. Собственно же у всѣхъ рѣкъ впадающихъ въ Обь, берега низкіе, понимаемые водой, поросшіе кустарникомъ разныхъ породъ и называемые тоже мѣстно „горною стороною“. Здѣсь болота, зыбуны и озера—уже не встрѣчаются такъ часто, какъ за правымъ берегомъ Оби. Грунтъ земли всего Нарымскаго края песчано-глинистый какъ и въ Пелымѣ и какъ тамъ неудобный къ хлѣбопашеству безъ сильнаго удобренія. По вышеозначеннымъ притокамъ Оби и по рѣкамъ въ нихъ впадающимъ, живутъ исключительно Остяки, а на Оби русскіе крестьяне. На Оби же построенъ и заштатный нынѣ городокъ Нарымъ. Обская вода здѣсь мутна, бураго цвѣта, течение еще довольно быстро, такъ что судно наше предоставленное въ нынѣшнее половодье теченію проплывало болѣе 100 верстъ въ сутки. Русло тутъ песчано-синеватое, засоренное валежникомъ осыпающимся съ крутыхъ и лѣсистыхъ береговъ; ширина рѣки отъ 250 сажень и до версты слишкомъ, глубина повсемѣстно отъ 15 до 25 и даже до 30 сажень. Вскрытіе и замерзаніе почти то же что и въ Пелымскомъ краѣ, но

ужь совсѣмъ не то что далѣе въ Березовскомъ. Вскры-
вается здѣсь Обь въ послѣднихъ числахъ апрѣля, а
замерзаетъ около половины Октября. А на счетъ ры-
бы, кажется и повторять нечего! Нѣтъ въ мірѣ рѣки
и рѣчной системы, которая бы въ этомъ отношеніи
могла равняться съ Обью. Только глубокая инерція
и невѣжество русскаго человѣка могли не извлечь
просвѣщенной европейской пользы изъ такой неис-
черпаемой сокровищницы! Здѣсь, въ Нарымскомъ краѣ
и впадающихъ въ него рѣкахъ — именно чего хочешь
того просишь! Осетръ, стерлядь, муксунъ, нельма, язь,
щука, окунь, ельца, сырокъ, налимъ, таймелъ, плотва,
кремъ. Самая замѣчательная по своей практичности рѣка
въ здѣшнемъ краѣ это Кемь, впадающая въ полуверстѣ
отъ города Нарыма въ Обь. Она вытекаетъ изъ Ени-
сейскаго округа той же губерніи, изъ такъ называемыхъ
„Кемчугскихъ погорій“ принимаетъ въ Енисейской гу-
берніи до 15 рѣчекъ, а въ Томской до 19. Берега ея
покрыты частью хвойнымъ лѣсомъ, а частью березни-
комъ и тальникомъ, попеременно, то круты и высоки
(часто до 30 сажень отъ вѣсу) то низки и тундроваты;
ширина и глубина тоже не одинаковы, такъ что отъ
Нарыма вверхъ верстъ на 600 Кеть имѣетъ отъ 200
саж. даже выше версты, а въ верховныхъ отъ 30 до
90 при глубинѣ отъ 10 саж. до 2—3 (въ мелководье и
по причинѣ засоренія валежникомъ). И грузы распе-
дѣляются сообразно съ этимъ. Вверхъ по теченію до
села Максимовскаго, суда могутъ поднимать до 15,000
пудовъ; еще выше къ вершинѣ, онѣ перегруживаются
въ повозки, поднимающія не болѣе 1000 п. Кетью со вре-
менъ завоеванія и постепенной колонизаціи Сибири—
была и осталась доселѣ единственнымъ ходнымъ пу-
темъ въ Восточную Сибирь. Отъ Нарыма поднимаются
по рѣкѣ Кети до Маковского острова, который отдѣ-
ляется волокомъ въ 89 верстъ отъ рѣки Коми впада-

ющей въ Енисей. Есть путь еще ближайшій, поднимаясь
по рѣкѣ Ваху, которая впадающей въ нее рѣчкой Вол-
чанкой отдѣляется волокомъ лишь въ 10 верстъ отъ
рѣки Черной, впадающей въ Елогуй, который въ свою
очередь впадаетъ въ Енисей. Но этотъ второй путь—
пролегаетъ далеко на сѣверъ въ холодныхъ пустыняхъ
Березовскаго края Тобольской губерніи. Маковский же
волокъ, путь историческій, завоевательный и колони-
заторскій; о прорытіи тутъ канала говорится издавна,
писано и толковано много. Водное соединеніе Западной
Сибири съ Восточною (ибо изъ Енисея можно идти
удобно по верхней Тунгускѣ и Ангарахъ до Иркутска, а
далѣе—Байкаломъ и Селенгой почти до Кяхты) есть до
постройки желѣзныхъ дорогъ сибирскихъ (а когда еще
онѣ осуществляются!) настоятельная необходимость, ибо
отъ нея зависитъ развитіе благосостоянія Сибири; а
между тѣмъ странно видѣть непроизводительныя упо-
требленія капиталовъ со стороны здѣшнихъ золотопро-
мышленниковъ—миллионеровъ, тогда какъ Сибирь нуж-
дается въ большой части житейскихъ удобствъ и даже
толчковъ чисто нравственныхъ, не имѣя не только хо-
рошихъ дорогъ и непрерывнаго воднаго пути (при всѣхъ,
какъ видимъ, благопріятныхъ для сего данныхъ) но даже
Университета, даже губернской гимназіи въ Красно-
ярскѣ (хотя бы одной на цѣлую губернію!). Можетъ ли
развиться пароходство тамъ, гдѣ, какъ въ Сибири, все
дѣлается на авось, предоставлено слѣпому случаю; гдѣ
никто не хочетъ позаботиться объ улучшеніи русла даже
самонужнѣйшихъ рѣкъ, учрежденіи хорошихъ пристаней
въ самыхъ бойкихъ городахъ, каковы напримѣръ: Тю-
мень и Томскъ, эти двѣ оконечности пароходныхъ рей-
совъ Тюмено—Томской водной системы. Не далѣе какъ
въ іюлѣ мѣсяцѣ прошлаго (1863) года, посадили на мель
въ 150 верстахъ отъ Тюмени баржу и подчалокъ. Убыт-
ки могутъ простираться на сотни тысячъ цѣлковыхъ;

ахають и плачуть почтенные компаньоны пароходной компаніи потерпѣвшей подобный нешуточный убытокъ, а не подумаютъ о томъ, что давно бы пора обратить вниманіе на ежегодно усиливающееся засореніе сибирскихъ рѣкъ отъ неряшества прибрежныхъ жителей. По милости этого всеильнаго „живетъ“ уничтожилось суходоходство по верховьямъ Тобола и прервана необходимая и жизненная связь между южными и сѣверными округами Тобольской губерніи; начинается сильно мелѣть Тура, безъ которой Тюменское пароходство само сядетъ скоро на мель; и здѣсь, въ Томской губерніи, инныя второстепенныя рѣки засорены такъ валежникомъ и всякого роду соромъ и навозомъ, который прибрежане имѣютъ дубинный обычай вывозить зимой на рѣку (снесетъ-де все!), что индѣ уже невозможно проѣхать и въ товарной лодкѣ. Подобныя мѣста называютъ здѣсь „ломомъ“ а инныя образуютъ уже нѣчто въ родѣ настоящихъ мостовъ, подъ которыми пробивается вода! Озерами Нарымскій край надѣленъ также щедро, какъ и Пелымскій; „уварамы“ (озеро съ проливомъ соединяющимъ его съ рѣкою) и болотами покрыта вся низменность края. Весной—соровыя озера затопляются и переполняются водой. Рыба, выходящая изъ рѣкъ вмѣстѣ съ водами ихъ на луга и соры, отыскиваетъ глубокіе травныя мѣста и остается въ нихъ. Когда же сбудутъ воды, котловины эти становятся озерами, а для мѣстныхъ жителей самородными рыбными садками, откуда въ изобиліи таскаютъ осенью шугъ, окуней, карася и другія мелкія породы. Боровыхъ озеръ (то есть разбросанныхъ посреди этой дремучей тайги) тоже очень много. Инныя имѣютъ до 50 верстъ длины и до 10 ширины, рыбой простой кишатъ; но ея вездѣ такъ много и въ мѣстахъ удобно-доступныхъ, что эти пустынные рыбохранилища остаются нетронутыми. Притомъ же суевѣріе не только инородцевъ, но и русскихъ

засельцевъ Нарымскаго края облакаетъ эти озера разными легендами пугающими воображеніе. Дремучая тайга, мертвая тишина, недвижное въ своей лѣсной оболочкѣ озеро, на которое съ сотворенія міра не спускался ни одинъ челнокъ, наполняютъ суевѣрнымъ страхомъ туземца. Есть такія озера (по здѣшнимъ рассказамъ) вблизи которыхъ лѣтомъ, и на которыхъ зимой ни звѣрь не смѣетъ показаться, ни птица сѣсть; даже собаки бывающія съ звѣровщикомъ на промыслѣ обѣгаютъ ихъ опасаясь ступить на ледъ этихъ проклятыхъ водъ! Тутъ живутъ „кажары“ чудовища, которыя очень сильны и сердиты, такъ что часто воюютъ между собою, разламываютъ зимою ледъ, волнуютъ воду и поглощаютъ все что попадается... Кажары нерѣдко же дерутся и съ „касоазами“ (дьяволами Тунгускаго міа), которые иногда показываются людямъ въ тайгѣ въ видѣ коровы, поросенка и даже выходятъ на берегъ изъ озерныхъ водъ въ видѣ чудовищной величины щуки. Недалеко отъ города Нарыма, есть озеро называемое „дикимъ“, въ которомъ по увѣренію жителей водятся „нечистые духи“. По этому озеру никто и никогда не осмѣливался проплыть въ „обласкѣ“ (такъ называютъ здѣсь лодку выдолбленную изъ лѣсины вѣтловатаго либо оскоряваго дерева, длиною отъ 2½ до 5 саженей; это такого же роду душегубка, какъ и тѣ, на которыхъ шныряютъ по Березовской Оби Остяги), или пройти зимою по льду, не подвергаясь опасности быть поглощеннымъ нечистою силою. Однако озеро изобилуетъ рѣдкой величины щуками и окунями.

Торговля Нарымскаго края, отъ болѣе благоприятныхъ мѣстныхъ обстоятельствъ (такъ какъ климатъ здѣсь еще сносенъ, да при томъ и богатый Томскъ всего въ 471 верстѣ отъ города Нарыма центра этого края и его торговыхъ оборотовъ) гораздо значительнѣе не только Пелымской, но и Березовской; Въ Нарымѣ

11 капиталовъ (въ числѣ купечества 4 почетныхъ гражданина) и 386 д. огладныхъ мѣщанъ, 50 козаковъ (Томскаго коннаго полка, живущихъ какъ и Тобольскіе осыдло, станицами) и въ двухъ русскихъ волостяхъ: Кетской и Парабѣльской государственныхъ крестьянъ 3016 ревизскихъ душъ. Вообще же съ ссыльными (коихъ впрочемъ немного) и инородцами (Остяками и Тунгусами) населеніе этого края простирается до 12,000 д. о. п. Какъ въ Пелымѣ и Березовѣ—торговля идетъ здѣсь объ руку съ иными занятіями и промыслами: хлѣбопашествомъ, звѣроловствомъ и рыболовствомъ (двѣ основныхъ статьи благосостоянія этого края), сборомъ кедровыхъ орѣховъ и ягодъ (дающихъ въ урожайный для нихъ годъ не малыя прибыли). Хлѣбъ и торговля имъ составляетъ предметъ первой важности, потому что $\frac{1}{4}$ всего населенія не занимается хлѣбопашествомъ: Остяки и бродячіе Тунгусы, нѣкоторые крестьянскія деревни по неудобству и неспособности мокро тундристой мѣстности, городовые жители и ссыльно-поселенцы. Хотя въ Кетской волости хлѣбъ родится самъ 7, а въ Парабѣльской самъ 5 (даже при самомъ городѣ Нарымѣ, въ его дачахъ самъ 9 и 10) но и самого лучшаго урожая все таки не достаетъ на прокормленіе жителей. Посему Нарымскіе торговцы, въ особенности рыбопромышленники судохозяева, постоянно закупаютъ большія пропорціи ржаной муки приблизительно до 50,000 пудовъ. Казеннаго хлѣба поступаетъ въ продажу не болѣе 5 000 п. ежегодно—что въ сложности недостаточно и на $\frac{1}{3}$ часть населенія, потому что полагая на 12,000 ж. о. п. хоть по 1 п. 30 ф. въ мѣсяцъ, потребно въ годъ до 252,000 пудовъ. Желательно бы, чтобы главная администрація сего отдаленнаго и подобно Пелыму забытаго уголка Сибири — обратила на него особенное вниманіе, принявши разумныя мѣры къ поощренію хлѣбопашества. Хлѣбъ въ Нарымѣ хорошо какъ

мы видѣли родится: самъ 5, и до 10, въ особенности ячмень и овесъ. Даже съ недавнихъ годовъ начали сѣять и пшеницу (въ Кетской волости). Но и здѣсь, хлѣбопашество какъ въ Пелымѣ, только подспорье хозяйству при другихъ выгодныхъ промыслахъ: звѣроловствѣ, рыболовствѣ, сборѣ кедровыхъ орѣховъ. Впрочемъ—цѣны на хлѣбъ не доходятъ здѣсь до такихъ тяжкихъ размѣровъ, какъ напримѣръ въ Пелымѣ, гдѣ прошлую весну (1863 г.) ржаная мука продавалась по 1 р. 20 к. с. за пудъ, да и той наконецъ не хватило; или какъ въ Березовскомъ округѣ (Тобольской губерніи) гдѣ по произведенному недавно слѣдствію инородцы буквально умирали повально отъ голоду! Обыкновенная же цѣна ржаной муки въ Нарымѣ отъ 20 до 23 к. пудъ, развѣ иногда при недостаткѣ хлѣба и несвоевременномъ сплавѣ его онъ доходитъ до 35 к.

Закупъ хлѣба производятъ торговцы иногда въ селѣ Берскомъ, чаще въ селѣ Чингискомъ и другихъ приобскихъ селахъ и деревняхъ заводскаго вѣдомства въ Барнаульскомъ округѣ; а случается что и въ Тарскомъ Тобольской губерніи (гдѣ какъ мы видели въ 1 томѣ, хлѣбопашество не только хорошо развито но и рациональнѣе самыхъ южныхъ округовъ при омскихъ). Если предполагается закупка хлѣба въ районѣ Алтайскихъ заводовъ, то предварительно испрашивается на сіе разрѣшеніе Горнаго Правленія, равно какъ и для постройки барокъ либо судовъ. Получивъ то и другое—торговецъ начинаетъ свои разъѣзды по деревнямъ, собираетъ всѣ необходимыя ему справки: о нормальной цѣнѣ и качествахъ хлѣба (потому что подвергшійся продолжительному ненастью, скоро солодѣетъ и дѣлается неудобнымъ для продолжительной лежки) и потомъ вслѣдствіе этихъ соображеній назначаетъ и свою цѣну. Однако не смотря на всѣ предосторожности засвидѣтельствованія покупки волостными начальствами, круговой поруки,

одобреній и тому подобнаго—купцы хлѣботорговцы постоянно надуваются крестьянами какъ заводскими такъ и государственными. Эта язва, неизбежное слѣдствіе чиновническаго лихоимства и проистекающаго изъ онаго потворства — много вредитъ правильной торговлѣ хлѣбомъ и здѣсь, какъ она мертвитъ всякія благія начинанія вообще въ Россіи! Въ 1858 году напримѣръ, на все количество купленнаго Нарымцами хлѣба въ Тарскомъ округѣ въ количествѣ 20,000 пуд. имъ недодали 4000, значить цѣлой $\frac{1}{5}$ части, а поди ищи правды, еще придется приложить столько „благодарностей“ инстанціонно, что не радъ станешь этой правдѣ если она отыщется! Всѣхъ расходовъ (внѣ разумѣется обмановъ и „благодарностей“) приходится обыкновенно до 7 к. с. на пудъ принимая въ расчетъ: покупку, доставку на мѣсто, барку, нагрузку, путевыя издержки прикащиковъ. При сплавлѣ хлѣба, полагается по 1 рабочему на 1000 пуд. груза и лоцманъ на каждую барку. Въ заводскомъ вѣдомствѣ (въ верховьяхъ Оби) рабочему даютъ за сплавъ до Нарыма отъ 9—10 р. с. на его харчахъ, а лоцману отъ 15—20, ѣда тоже его. Барки строятся въ Алтайскомъ районѣ лучше, прочнѣе и дешевле нежели въ Тарѣ. Въ селѣ Борскомъ на Оби, барка поднимающая отъ 20—25 тыс. пуд. длиною отъ 15 до 12 саж. а шириною отъ 15—18 арш. и $3\frac{1}{2}$ арш. вышины съ хозяйской конопатью (Нарымскіе купцы даютъ на конопать старыя „мережи“, т. е. рыболовныя сѣти, которыми обвиваютъ старый же распущенный канатъ) стоитъ отъ 330 до 370 р. с. Но гдѣ бы ни строилась барка, на Оби ли, на Васьюганѣ ли (въ Тарскомъ округѣ) спускаютъ ее не медля ни минуты. Во время весеннихъ половодій, вода прибываетъ и сбываетъ такъ стремительно, что достаточно иногда нѣсколькихъ часовъ, чтобы выступили мели. Сверхъ того плаваніе по Оби уже тѣмъ опасно въ мѣстностяхъ нагрузки, что тутъ много косъ,

подводныхъ камней, да и бури Обскія не шуточное дѣло. При всѣхъ этихъ хлопотахъ, а нерѣдко и неудачахъ, еще надо дивиться, что хлѣбная торговля не падаетъ; но слѣдуетъ пояснить, что Нарымское купечество, какъ и Березовскіе рыбопромышленники, торгуютъ хлѣбомъ именно можно выразиться „по неволѣ“! Занимаясь здѣсь рыбнымъ промысломъ въ гораздо большемъ размѣрѣ, нежели Тобольскіе купцы въ Березовскомъ краѣ, рыбопромышленники для содержанія своихъ рабочихъ и для задачи на зиму инородцамъ, постоянно должны имѣть хлѣба въ магазинахъ до 30,000 п. только собственно если такъ выразится: про домашній обиходъ. Сверхъ сего хлѣбъ у нихъ главное оружіе мѣны съ инородцами же на пушнину, орѣхи, ягоды, пухъ. Слѣдовательно, при малыхъ размѣрахъ мѣстнаго хлѣбопашества, закупъ хлѣба даже такъ далеко, какъ напримѣръ въ верховьяхъ Оби, есть настоящая необходимость. Взглянемъ теперь на мѣстное рыболовство. И здѣсь давало бы оно огромныя выгоды въ этой рыбной сокровищницѣ Оби. Но до Голландцевъ и Англичанъ мы не доросли... Приводится барахтаться по уши въ „авось“ и „живетъ“ и здѣсь, какъ въ Березовѣ. Давно извѣстно, что русскій народъ привыкъ воздыхать ежеминутно о такъ называемомъ „добромъ старомъ времени“, хотя это время не можетъ похвалиться тѣмъ что „легко было тогда жить!“ Оставивши въ покоѣ кулачныя и иныя расправы, кнуты и плети, палки и розги, клеймы на лицѣ и на тѣлѣ, безправныя суды и безгласное судопроизводство, грубость нравовъ, нелѣпость обычаевъ, круговое невѣжество, животную жизнь объ руку съ скотомъ и не выше его пожалуй разумомъ, однимъ словомъ всю тысячелѣтнюю грязь и кровь этого „добраго стараго времени“, взглянемъ на мнимую дешевизну и на не менѣе мнимое обиліе сѣдмаго; ибо какъ ни величайся человѣкъ на землѣ, какъ

ни возносятся онъ къ небу мыслью и духомъ... а въ концѣ концовъ ѣсть надо, ѣсть ежедневно! Предъ этимъ немолчимымъ закономъ природы ступовываются всѣ величія. Спору нѣтъ, что на взглядъ мяса всякаго рода и рыба были точно дешевле нынѣшняго, за то и деньги не шли того значенія какъ нынѣ. Ихъ было мало и за малое можно было купить многое. Мы видѣли въ 1 томѣ, что въ Тобольскѣ напримѣръ можно было прожить сытно на 10 рублей мѣдью въ годъ, тогда какъ нынѣ идти на субботній базаръ съ такими же 10 рублями мѣдными деньгами (3 р. сер.) только поѣсть и не очень сладко недѣлю! Природа не оскудѣваетъ, законъ возрожденія всего живущаго и дышущаго у нея вѣченъ и неизмѣненъ; но населеніе умножается, потребности растутъ, комфортъ видимо нисходитъ и въ массы и чѣмъ роптать на оскуденіе и на худыя времена, лучше прилагать силы разумныя къ добычѣ пищи и всего потребнаго. Лѣса внутри Россіи и даже въ Сибири рѣдѣютъ, эта правда. Но кто велитъ народу губить миллионы березокъ ежегодно для празднованія и чествованія Троицына дня? Губить напримѣръ, какъ это дѣлается въ тайгахъ сибирскихъ, огромные кедры, срубая ихъ подъ корень для того, что лѣнъ лѣзть на дерево добывать орѣхи? Воды все такъ же обильны, да приемы ловли варварскіе, бездна мелкой рыбы пропадаетъ даромъ и съ уменьшеніемъ мелкой рыбы скудѣютъ средства къ жизни и для рыбы крупной. Нарымцы говорятъ, что въ старые годы неводами и самоловами добывали рыбы гораздо болѣе нежели нынѣ; что самоловами добывали тогда осетровъ какъ стерлядь, такъ что на каждомъ самоловномъ крючкѣ (уда) ловилось по осетру. Это преувеличеніе. Напротивъ по достовѣрнымъ даннымъ, въ тѣ „добрыя старыя времена“ вывозилось рыбы гораздо менѣе нынѣшняго. Тогда Обскіе прибрежане обращали почти исключительное вниманіе на звѣроловство, а ры-

бу ловили только про свой обиходъ и лишь немногіе купцы промышляли ею на продажу. Но хоть нынѣшній уловъ рыбы очень значителенъ и далеко превосходитъ старинный, за то приемы остались прадѣдовскіе и конкурировать съ рыбой уральской, съ сельдемъ Голландскимъ, съ Астраханской икрой рыба красная, сельди и икра Обскіе не могутъ. Ктожь виноватъ?

Вся неводная рыбопромышленность Нарымскаго купечества сосредоточивается на рѣкѣ Оби. Рыболовные участки или такъ называемые „пески“ приобретаются съ торговъ, при чемъ принимается въ соображеніе и ихъ принадлежность. Если песокъ принадлежит государственному крестьянину или инородцамъ (Остякамъ, бродячіе Тунгусы песковъ здѣсь не имѣютъ), рыбопромышленникъ подаетъ просьбу въ Томскую Казенную Палату, которая предписываетъ Токурскому отдѣльному засѣдателю отдать его въ содержаніе съ публичныхъ торговъ; а если песокъ собственность города Нарыма, то торги производитъ Нарымское Городовое Хозяйственное Управленіе. Въ обоихъ случаяхъ мѣра эта не достигаетъ цѣли, — равноправности всѣхъ желающихъ торговаться, потому что богатые тѣснятъ тутъ бѣдняковъ и исторіи рыбныхъ ловлей Березовскихъ и здѣсь повторяются... Тагурскій засѣдатель мелкій чиновникъ и всегда въ кабалѣ у сытаго и вліятельнаго купца. Нарымское городское управленіе само собою разумѣется тоже въ полнѣйшей зависимости у капиталистовъ-рыбопромышленниковъ; крестьяне, мѣщане, а тѣмъ болѣе инородцы народъ — извѣстное дѣло „безгласный“: какое тутъ можетъ безпристрастіе? Торги на Нарымскіе пески, которые по большей мягкости климата нежели въ Березовѣ гораздо богаче и которыхъ при томъ очень много — слѣдовало бы производить особой Комиссіей ежегодно изъ Томска на мѣсто въ Нарымъ пріѣзжающей, да и подъ строгимъ контролемъ губернатора; тог-

да бы деньги не зажимали мѣстныхъ ртовъ, угрозы и подкупы были бъ менѣе возможны...

Невода раздѣляются здѣсь на большіе (стрелевые) средніе и малые. Большіе называются „стрелевыми“ потому, что они при неводѣ захватываютъ средину рѣки гдѣ наибольшая быстрота, мѣстно называемая „стрелью“. Величина этихъ неводовъ бываетъ различна: отъ 350 до 450 ручныхъ сажень, и они употребляются лишь на Оби. Средними же неводами промыслиютъ Нарымскіе мѣщане и крестьяне, соединяясь для сего въ маленькія артели (отъ 2—5 человекъ). Такіе невода бываютъ отъ 150 до 250 сажень. Они употребляются уже не на одной лишь Оби, а и на Кети, Тыму, другихъ притокахъ да и на большихъ озерахъ края. Наконецъ малые невода, называемые по Остяцки „кебакъ“ величиною отъ 20 до 30 сажень, употребляются исключительно Остяками по притокамъ Оби на мелкихъ мѣстахъ и также въ запорахъ. Чтожъ касается цѣнности песковъ, то она бываетъ различна. За хорошій платятъ на лѣто отъ 200 до 1000 р. сер. даже болѣе. Богачи набиваютъ цѣну, бѣдняки лѣзутъ изъ кожи, лишь бы не остаться на лѣто безъ песку и не остановить промысла, къ которому они привыкли. Свойства же хорошаго песку слѣдующія: онъ долженъ быть гладокъ и безъ „застругъ“ (т. е. бугроватостей отъ наноснаго песку) безъ илу, не засоренъ наноснымъ лѣсомъ, съ правильнымъ (паралельнымъ) и быстрымъ теченіемъ воды. Конечно всѣ эти достоинства рѣдко соединяются въ одномъ пескѣ, потому что если есть одно, то всегда недостаетъ котораго либо другаго. Такъ бываютъ пески съ неправильнымъ теченіемъ воды, когда напримѣръ оно направляется отъ песка къ противоположному берегу (такіе пески называются отдарными) или когда теченіе направлено съ противоположнаго берега на песокъ. Это послѣднее обстоятельство, есть самое боль-

шое неудобство при промыслѣ. Если теченіе ненормальное—то песокъ бываетъ очень засоренъ лѣсомъ, отъ котораго невозможно освободить его или попадаютъ большія ямы (заструги), наносный илъ и тому подобное. Всѣхъ недостатковъ которые ежегодно появляются въ пескахъ очень много; иногда даже случается, что сама природа либо вдругъ исправитъ ихъ, либо испортитъ песокъ окончательно! Наконецъ—относительно лова рыбы, пески характеризуются тѣмъ что на нѣкоторыхъ въ теченіе лѣта добывается вмѣстѣ и лѣтняя и осенняя рыба; а на другихъ исключительно лѣтняя: нельма, язъ, сырокъ и стерлядь, а осенней муксуна и осетра не бываетъ. Такіе пески называютъ „лѣтными“. На оборотъ есть пески, на которыхъ ловится только осенняя рыба (муксунъ и осетръ) а лѣтней вовсе не бываетъ. Пески сіи называются „осенними“. Рыба въ здѣшней части Оби идетъ какъ и въ Березовскомъ краѣ періодически. Сперва въ іюлѣ и августѣ проходятъ: язъ, потомъ нельма, далѣе сырокъ и стерлядь. Эти породы рыбъ слывятся у промышленниковъ подъ общимъ названіемъ „лѣтной рыбы“. Съ сентября появляются муксунъ и осетръ которые держатся до 15 или 25 октября потому и попали въ рядъ осенней рыбы. Хотя сельдь и проходитъ до Нарыма (поднимаясь изъ Обской губы вверхъ по теченію до устья Тыма и далѣе), но ловъ ему не производится потому что приготовленіе въ прокъ и красной рыбы въ такомъ же невѣжественномъ и первобытномъ состояніи какъ мы видели мы это въ Березовѣ.

Купивши песокъ, рыбопромышленникъ выѣзжаетъ на него въ началѣ іюля мѣсяца съ необходимыми для постройки невода матеріалами, съ припасами для рабочихъ и всѣмъ нужнымъ для продолжительнаго житія; строитъ балаганы для храненія рыбы, соли, хлѣба, товаровъ, избу для себя или прикащика и жилье для ра-

бочихъ, которые прїѣзжаютъ на промыселъ съ семействами и всѣмъ имуществомъ. Остѣи-работники привозятъ даже кромѣ жены и дѣтей, своихъ стариковъ и старухъ (отца, мать, и другихъ ближнихъ да безмощныхъ родственниковъ) устраиваютъ имъ и себѣ близъ русскаго жилья берестяныя курты и кормятся хозяйскимъ хлѣбомъ, пользуясь еще отъ промысла и мелкой рыбой изъ которой готовятъ себѣ „порсу“ а изъ кишекъ и пузырьковъ рыбьихъ извлекаютъ жиръ подобно порсѣ употребляемый ими въ пищу. Порса эта иначе называемая „уракъ“ готовится такимъ образомъ: предварительно сушатъ мелкую рыбу, потомъ толкутъ ее въ муку и закупориваютъ въ берестяныя лукошки. Порсой (которая вездѣ на сибирскомъ сѣверѣ составляетъ любимую пищу инородцевъ) приманиваютъ и звѣрей. Хлѣбъ выдается рабочимъ печеный. На 15 и 17 человекъ, каждый разъ выдается отъ 10 до 12 хлѣбовъ въ 17 и 20 фун. каждый; а на три „выти“ (ѣды) въ сутки отъ 30 до 36 такихъ хлѣбовъ, притомъ дается и рыба, но мясо очень рѣдко.

Когда временная осѣдность уже устроена, промышленникъ приступаетъ къ расчищенію песка. Для сего употребляется длинная веревка (доль), концы которой привязываются къ неводникамъ (лодка, въ которой возятъ неводъ) а середина съ навязанными для тяжести нѣсколькими камнями погружается въ воду; неводники плывутъ вверхъ по песку параллельно не въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга. Если „доль“ зацѣпится за что нибудь на пути, то натянувъ ее какъ можно туже, погружаютъ по ея направленію въ воду толстую бичевку (снасть) съ гирею до 2 пудовъ и оплывъ вокругъ задѣвы (т. е. предмета, за который зацѣло), наматываютъ снасть на бревно положенное поперекъ неводниковъ на подобіе вала. Этотъ способъ вытаскиванія задѣвъ называется „добывать мочкою“

и есть самый простѣйшій. Второй, заключающійся въ употребленіи водолаза и ворота, есть слѣдующій: отыскавъ выше объясненнымъ маневромъ задѣву — опускаютъ по натянутой доли водолаза, который со снастью во рту бросается головою внизъ въ воду, достигаетъ задѣвы, обвязываетъ ее снастью и поднимается обратно по доли, а противоположный конецъ обвязаннаго каната навивается на воротъ и задѣву вытаскиваютъ. Если жъ задѣва не велика, то вытягиваютъ ее просто долью (мочкою), а къ вороту и водолазу прибѣгаютъ лишь въ крайнемъ случаѣ. Впрочемъ по засоренію здѣшнихъ водъ, есть такія задѣвы, что не поддаются никакимъ средствамъ и усиліямъ, сколько по величинѣ ихъ и тяжести, столько и по глубинѣ мѣста гдѣ онѣ находятся: ни мастерство, ни терпѣніе водолазовъ, дѣйствующихъ иногда на 20 саженой глубинѣ въ суровую осень и въ холодной водѣ, не помогаютъ. Однако очистивъ такъ или иначе песокъ, приступаютъ къ устройству невода. Постройка его поручается иногда уставщику либо знающему прикащику; но опытный хозяинъ не довѣритъ никому этого дѣла, а зная положеніе и качество своихъ песковъ, самъ непосредственно распоряжается ходомъ его, даетъ инструкціи прикащикамъ, какъ въ извѣстное время устроить невода, какъ поступать при промыслѣ лѣтней либо осенней рыбы и проч. Лѣтняя рыба, напримѣръ, держится въ водѣ гораздо выше отъ земли нежели осенняя, потому и невода для нея дѣлаются легче чтобы не касались днища. Осенняя же рыба идетъ чуть не по самому дну и всегда по срединѣ рѣки (по стрежи), оттого и невода дѣлаются тяжелые, такъ что нижняя тетива тащится по землѣ. Большой трудности при томъ стоитъ уравновѣсить неводъ. Уравновѣшиваютъ его „кибасомъ“ (камнями зашитыми въ бересту и привязываемыми къ нижней тетивѣ) и „напла-

вомъ" (онъ дѣлается изъ осокореваго дерева) съ наибольшаго точностью; въ противномъ случаѣ нѣсколько десятковъ лишняго кибасу или наплавовъ могутъ нарушить правильный ходъ невода, а оттого можно повредить промыслу и упустить рыбу. Вообще, если неводъ устроенъ дурно, то ни хорошее качество песка, ни благоприятная погода не помогутъ успѣху ловли. И надо сознаться, что и здѣсь какъ это мы видѣли въ 1 томѣ при описаніи Березовской рыбопромышленности— главную роль играютъ рутиня, коекакство, авось и живеть. Хорошихъ неводныхъ уставщиковъ и даже хозяевъ знающихъ въ совершенствѣ свое дѣло по отзыву самихъ нарымцовъ не найдется можетъ быть во всемъ краѣ и трехъ! При томъ русская страсть „дешевизна“ и здѣсь всемогуща. Прикащику, управляющему всѣмъ неводнымъ заведеніемъ и завѣдывающему постройкой невода, даютъ въ лѣто только 300 р. с. а надсмотрщику даже отъ 20 до 30! Какія это деньги? Иные хозяева, въ припадкѣ экономіи, ввѣряютъ даже эти важныя обязанности Остякамъ и прибрежнымъ крестьянамъ. И выходитъ по русской же поговоркѣ (нашъ народъ ужъ таковъ: самъ опростоволосится, да и на себя же сложитъ ѣдкую да мѣткую поговорку!) „гдѣ недосмотришь окомъ, тамъ платишься бокомъ“. О настоящихъ мастерахъ ужъ и не говоримъ! Если миллионерное товарищество Рязанина и К^о. (въ Екатеринбургѣ), хотѣвшее въ Обскомъ рыболовствѣ заткнуть за поясъ Голландію — разразилось ползуномъ-пароходомъ въ 35 силъ „Іоанномъ“ и наосило сельдей которыя протухли, не добравшись еще и до Тобольска— то чегожъ ожидать отъ Нарымцовъ?...

Цѣнность невода съ употребленнымъ на него матеріаломъ (кромѣ расходовъ на окортомленіе песка, на содержаніе и плату рабочимъ) простирается отъ 1000 до 1200 р. с., а самый ловъ производится слѣдующимъ

образомъ: невода складываютъ въ неводникъ (лодку) и вывозятъ на заметъ (мѣсто, съ котораго закидывается неводъ); отсюда везутъ его по рѣкѣ, постепенно выкидывая изъ неводника; проплывъ такимъ образомъ отъ 100 до 150 сажень, когда весь неводъ будетъ погруженъ въ воду, начинаютъ вытягивать его на берегъ. Въ то же время въ неводникѣ готовъ другой неводъ, съ которымъ также отправляются на заметъ; а первый—который все далѣе и далѣе уносится теченіемъ внизъ по рѣкѣ, вытаскивается наконецъ на берегъ съ рыбой. Мѣсто вытаски называется „разборомъ“. Разборъ этотъ отстоитъ отъ замета на 500 и даже на 800 сажень. Собранный вытасканный неводъ въ неводникѣ, отправляютъ его снова на заметъ, а къ разбору приходитъ другой неводъ. Такимъ образомъ чередуются въ теченіи сутокъ два невода. По окончаніи цѣлыхъ сутокъ или дня, глядя по времени года, потому что съ іюня неводятъ только днемъ, а съ сентября день и ночь, оба невода развѣшиваются на берегу. На другое утро ихъ чинятъ и исправляютъ, а неводятъ уже другими; такъ что обыкновенно бываетъ постоянно въ дѣлѣ 4 невода. Добытую жъ рыбу солятъ въ бочкахъ; но въ мѣстахъ гдѣ находятся чистыя и удобныя озера употребляютъ ихъ вмѣсто садковъ: всю цѣнную рыбу живую пускаютъ туда, а потомъ при наступленіи хорошихъ морозовъ неводятъ и тотчасъ замораживаютъ. Вообще—невоженіе оканчивается въ нарымскомъ краѣ гораздо позже, нежели въ Березовѣ, а именно между 10 и 25 числами октября, когда усилятся морозы и Обь начнетъ покрываться льдомъ.

Трудно усчитать количество добытой рыбы. Въ 1863 году, на 9 значительнѣйшихъ пескахъ, добыто по приблизительному учету хозяевъ: 1309 пуд. осетровъ, 445 пуд. стерляди, 809 пуд. налимы, 58,906 штукъ муксуна, 35,440 штукъ сырца, 65,880 шт. язя и 112,270

шт. подъязковъ. О второстепенной рыбѣ: шукѣ, нали-
мѣ, окунѣ, карасѣ и прочей — не говоримъ! Васьюган-
скіе Остяки говорятъ же, что „рыбы у нихъ столько,
сколько звѣздъ на небѣ!“ Статистическія данныя не-
брежно прилагаются у насъ доселѣ и къ предметамъ
абсолютно положительнымъ: къ землѣ, строеніямъ, да-
же къ душамъ; можно ли жъ послѣ этаго усчитывать
количество рыбы добытой на такихъ огромныхъ про-
странствахъ водныхъ? Нарымское купечество (по за-
пискѣ доставленной на главное управленіе западной Си-
бири Нарымскимъ купцомъ Родюковымъ) продаетъ ры-
бы приблизительно на 100,000 р. с.; но кромѣ купече-
ства, ловятъ какъ и въ Березовѣ всѣ: мѣщане, каза-
ки, крестьяне, инородцы. И можно положить конечно
уловъ и продажу въ хорошій годъ въ трое цѣнностью.
Купечество отправляетъ добытую имъ рыбу: въ Томскъ,
Красноярскъ, Енисейскъ, на Ирбитскую ярмарку. Мел-
кіе торговцы развозятъ ее по сельскимъ ярмаркамъ и
торжкамъ. Что же касается засолу, то онъ производит-
ся не лучше березовскаго. Имѣть выписныхъ масте-
ровъ, занятыхъ рыбопромышленностью позаграничному—
на это надо умъ, просвѣщеніе, предпріимчивость, искрен-
ное желаніе сравняться съ Европой не наружно лишь, а
разумно и въ глубь дѣла.... а гдѣ это у насъ, скажите?

Отъ неразумнаго рыболовства къ столь же неразум-
ному звѣроловству переходъ очень естественъ. Не-
брежность съ огнемъ, производящая страшные и опу-
стошительные пожары въ нѣкогда дремучихъ тайгахъ,
безполезное истребленіе щенковъ, вредное для оплодо-
творенія звѣроловство не въ урочное самой природой
время—не могли не уменьшить количества нужнаго то-
вара. Еще въ очень недавніе годы (по рассказамъ На-
рымскихъ старожилловъ) вывозилось изъ Нарымскаго
края на двѣ центральныя путевыхъ ярмарки: въ селѣ
Тогурскомъ (въ 110 верстахъ отъ города Нарыма

вверхъ по Оби) и въ городѣ Ирбити (Пермской губер-
ніи) слѣдующее грамадное количество звѣриныхъ шкуръ:
бѣлки до 1,500,000; соболя до 10,000; лисицы до 20,000;
бобра до 500 а бобровой струи до 1 1/2 пуда—на при-
близительную цѣнность до свыше 1,200,000 р. сер. не
говоря уже о волкѣ, медвѣдѣ, горностаѣ и прочее!
Въ нынѣшнее жъ время, звѣроловство Нарымскаго
края представляетъ слѣдующія разительно уменьшен-
ныя цифры: лисицъ сиводушекъ 139, бѣлодушекъ
410; бѣлки 520,000; колонковъ 4,400; горноста 3,800;
за симъ—волковъ 25, медвѣдей 86, рысей 24, розсо-
махъ 44, выдръ 45, лосей 850, оленей 450 и 75 пудовъ
бѣличьихъ хвостовъ! Отчего жъ это? Потому что не
одно лишь истребленіе лѣсовъ, неразумное битье звѣря
не въ пору указанную самой природой—а и непрерыв-
ное административное вмѣшательство и совѣтъ уста-
рѣлый инородческий уставъ (который, какъ и «Сибир-
ское учрежденіе» Сперанскаго, отжилъ свое время) за-
держиваютъ развитіе сибирскаго поморія. Разсмотримъ
сперва любопытный способъ добычи звѣря разными
манерами какъ у крестьянъ, равно и у инородцевъ; а
потомъ и мѣры административныя, мѣшающія торговлѣ
и свободному промыслу звѣриному попытками опеки
и покровительства, которые (дознано это историче-
скимъ опытомъ нами прожитаго тысячелѣтія) приучили
народъ къ нерѣшимости дѣйствій и ожиданію все-
го отъ правительства, и заставши насъ теперь въ рас-
плохъ показали всю нашу несостоятельность.

Нарымскіе крестьяне—звѣроловы и Остяки—отправ-
ляются на звѣриный промыселъ въ послѣднихъ числахъ
октября или въ первыхъ ноября (немного позже нежели
въ Пелымѣ и Березовѣ) на лыжахъ, уложивъ въ свои
легкія нарты все имъ необходимое: ружье, лукъ, рога-
тину, ножъ, топоръ, сѣбстой припасъ. Нарта — длин-
ныя салазки на широкихъ и тонкихъ полозьяхъ сдѣ-

ланныя изъ прутиковъ. Онѣ очень легки, такъ что ходятъ по самому мягкому и глубокому снѣгу съ тяжелой поклажей; запрягаются двумя, тремя и четырьмя собаками и поднимаютъ отъ 5 до 10 пудовъ. Въ подобную нарту запрягаютъ такъ называемыхъ „звѣровыхъ собакъ“. Ихъ нѣсколько отличій, смотря по тому за какимъ звѣремъ гоняются: «бѣличьи», если отыскиваютъ слѣдъ бѣлки, «собольи», если ходятъ на соболя, „лосьи“, выслѣживающія лося и такъ далѣе. Здѣсь цѣна такой собаки не высокая, не выше 2 р. с., хотя онѣ драгоценная необходимость въ тайгѣ. Замѣчательно, что ни остяки, ни даже крестьяне звѣроловы никогда ихъ не дрессируютъ. Качества у этихъ собакъ природенныя. На промыслѣ — онѣ бѣгутъ передъ хозяиномъ и напавши на слѣдъ звѣря имъ извѣстнаго, останавливаются и лаютъ. Охотникъ услышавъ лай своей собаки идетъ на него и слѣдитъ за ея движеніями. Если она отыскала слѣдъ двухъ, трехъ звѣрей — ея лай измѣняется, надъ каждымъ слѣдомъ раздается иначе и значеніе этихъ интонацій хорошо извѣстно звѣролову. Есть собаки, которыя отыскиваютъ медвѣдя. Это ихъ спеціальность. Напавши на его слѣдъ, онѣ начинаютъ протяжно выть, но въ схватку съ нимъ вступаютъ рѣдко, развѣ при пособіи самаго охотника.

Лѣса, въ которыхъ производится въ Нарымскомъ краѣ звѣриный промыселъ, раздѣляются инородцами (которымъ принадлежитъ большая и лучшая часть Нарымской тайги) на участки, имѣющіе различныя свойства: въ нѣкоторыхъ водится соболь, въ другихъ бѣлка, въ иныхъ лисица и такъ далѣе. Въ участкахъ же расположенныхъ по рѣкамъ есть и выдра. Соболю водится не вездѣ. Лучшій въ тайгахъ Васьюганскихъ, Чайскихъ и Парабельскихъ около рѣкъ Васьюгана, Чаи и Парабели. Въпрежнее время, добыча была такъ обильна, что иной разъездной прикащикъ, разъѣзжающій по стойбищамъ

Остяковъ и по русскимъ деревнямъ когда звѣроловы возвращались съ промысла (обыкновенно послѣ зимняго Никола, что доселѣ въ обычаѣ въ Пелымѣ, потому что послѣ 6 декабря снѣга уже глубоки и гонка за звѣрями невозможна), вывозилъ оттуда въ Нарымъ худо-худо 150 собольиныхъ шкуръ на брата! Даже цѣнные бобры и неменѣе цѣнныя чернобурыя лисицы считались десятками! Нынѣ лѣсные пожары, безрасчетное истребленіе звѣря, да и усилившееся населеніе не то что уменьшили пушнину, а отодвинули звѣрей въ самыя глухія и малодоступныя тайги и здѣсь, какъ въ Березовскомъ краѣ Тобольской губерніи. Самые нынѣшніе лѣсные инородческіе участки не каждый годъ одинаково обильны хотя бы уменьшившимся звѣрямъ. Напримѣръ обильная добыча бѣлки всегда соотвѣтствуетъ обильному урожаю кедровыхъ орѣховъ. Орѣхи основа пищи для бѣлки и, чтобы питаться ими, бѣлка иногда эмигрируетъ на огромное пространство, инстинктивно отыскивая заранѣе урожайныя мѣста. Лѣсные пожары, этотъ бичъ Сибири, тоже выгоняютъ звѣря изъ такъ называемыхъ „гарей“ то есть выжженныхъ пространствъ, а извѣстно, что иногда пожаръ охватываетъ на нѣсколько сотъ верстъ пространства! Въ такихъ случаяхъ, инородцы пускаютъ другъ друга въ свои участки промыслять артелью; либо снимаютъ ихъ другъ у друга, арендуютъ. Инородцы добры и некорыстолюбивы, при наймѣ урочищъ платятъ обыкновенно малую цѣну. Главная цѣнность у нихъ курительный табакъ. За папиросу простаго табаку они готовы отдать цѣлый участокъ. Посмотримъ теперь различныя способы звѣрпнаго промысла, начиная съ хозяина этой дремучей тайги, медвѣдя.

Извѣстно что медвѣдь залегаетъ на зиму въ берлогу между 14 сентября и 10 октября, или по народному счисленію между Воздвиженьемъ и Покровомъ. Онъ за-

бирается въ густую чашу и вырываетъ нору (берлогу), величина которой зависитъ отъ того, лежитъ ли онъ съ семьей, то есть съ самкой, двумя однолѣтками и прошлогоднимъ медвѣжонкомъ, называемымъ „пѣстуномъ“. Чаще всего ложится онъ вдвоемъ или втроемъ, но одинъ очень рѣдко. Мѣсто, гдѣ находится его берлога узнается очень легко, даже если она еще не занята хозяиномъ, по слѣдующимъ примѣтамъ: вокругъ того мѣста, медвѣдь всегда обламываетъ на кустарникѣ вершинки, а съ деревьевъ сдираетъ кору; затѣмъ, если медвѣдь уже залегъ, выходитъ изъ берлоги тонкій паръ, который хотя и не замѣтенъ для глаза, но обтаявшій на деревьяхъ снѣгъ (медвѣдь вырываетъ берлогу всегда подъ густымъ навѣсомъ) обнаруживаетъ хозяина. Этотъ снѣгъ называется у звѣролововъ „кухтой“. Однако для охотника мало найти берлогу съ медвѣдемъ. Нужно еще удостовѣриться одинъ ли онъ тутъ или съ семьей. По кухтѣ опытный звѣроловъ узнаетъ и это, потому что чѣмъ больше обтаялъ снѣгъ на сучьяхъ тѣмъ значить семья многочисленнѣй. Развѣдавши все окончательно, промышленникъ съ пятью или шестью (смотря по надобности) товарищами, отправляется къ отысканной берлогѣ съ ружьями, рогатинами и топорами. Наровнять охотники такъ, чтобы придти на мѣсто днемъ. Пришедши начинаютъ обыкновенно съ того, что срубаютъ нѣсколько толстыхъ деревьевъ и заостриваютъ на подобіе клина нижніе концы ихъ не обрубая всѣхъ вѣтвей; потомъ засовываютъ эти деревья въ отверстіе берлоги чтобы загородить выходъ, срубаютъ еще нѣсколько рядовъ, чтобы медвѣдь въ крайности не проломилъ верхушки и не выскочилъ. Принявъ всѣ эти предосторожности, стрѣляютъ въ берлогу по разнымъ направленіямъ изъ ружей „жеребьями“ то есть цилиндрическимъ обрубкомъ свинца, употребляемымъ вмѣсто крупной пули. Сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, хватаютъ

рогатины и сторожатъ верхушку берлоги; потому что нерѣдко случается, что разъяренный и лишь легко раненый медвѣдь вдругъ выскакиваетъ изъ логовища опрокинувъ мгновенно при его страшной силѣ заостренные и накинанные на берлогу деревья и бросается на ближайшаго къ нему охотника! Если жъ медвѣдь застрѣленъ въ берлогѣ, что нетрудно узнать потому что тяжело раненый онъ болѣзненно стонетъ—тогда охотники щупаютъ спущенными въ логовище рогатинами по всѣмъ направленіямъ. Медвѣжата раненые рогатиной подають голосъ. Наконецъ убѣдившись, что медвѣдь и медвѣдица убиты, а медвѣжата приколоты, да и нѣтъ уже стоновъ въ берлогѣ—охотники расчищаютъ отверстіе, спускаются, завязываютъ убитыхъ звѣрей веревками и вытаскиваютъ ихъ на верхъ. Остяки ѣдятъ охотно медвѣжье мясо и сало, сіе жъ послѣднее употребляютъ и какъ лѣкарство отъ ранъ. Сала получается отъ одного медведя (глядя по росту, да и по времени года, потому что убитый въ началѣ осени жирнѣе весенняго и лѣтняго) отъ 2 до 4 пудовъ. Бьютъ медвѣдей и лѣтомъ но только по нуждѣ, да и то русскіе крестьяне, когда онъ шатается около деревни и рѣжетъ скотъ, лошадей, однимъ словомъ пакостить. Лѣтомъ охота за нимъ опасна и трудна, а шкура не имѣетъ никакой цѣнности (она линяетъ). Бьютъ его разумѣется облавой конной и пѣшей, цѣлой деревней. Выслѣдивъ звѣря, стараются обоблавить его въ открытомъ мѣстѣ. Но часто случается, что медвѣдь укрываясь отъ преслѣдованій въ чашѣ кустарника или въ высокой травѣ вдругъ неожиданно бросается на ближайшаго охотника. Конечно собаки, выслѣдившіе звѣря, предупреждаютъ своимъ лаемъ объ опасности, но бываетъ, что приходится внезапно развѣдываться съ нимъ одинъ-на-одинъ. Тогда начинается единоборство, отчаянное, рогатиной и ножомъ. Еще опаснѣе, когда выскочившій медвѣдь не

всплыветъ на заднія лапы, а опустивъ голову къ землѣ быстро и смѣло бросается на охотника. Тутъ не поможетъ пуля! Взрослому медвѣдю трудно нанести смертельную рану, развѣ попадешь въ голову; но всадить пулю въ голову не всегда удается, да и медвѣдь не ждетъ же вѣрнаго прицѣла, рука можетъ дрогнуть... Безстрашіе здѣшнихъ охотниковъ не измѣняетъ имъ однако въ эту рѣшительную минуту. Измѣнила ли рогатина, переломилась ли она, какъ хворостинка, что нерѣдко бываетъ, охотникъ (у котораго огромный ножъ прикрѣпленъ къ рукѣ намотаннымъ на руку ремнемъ) не допуская ободрать себя, распарываетъ медвѣдю брюхо! Да и охотники никогда не выдаютъ другъ друга. Трусость покрыва бы вѣчнымъ стыдомъ и никто бъ не захотѣлъ дѣлать таежной жизни съ подобнымъ товарищемъ. Когда медвѣдь попалъ въ центръ облавы, такъ что ему некуда дѣваться, онъ рязъярившись принимаетъ рѣветъ такъ сильно что земля дрожить, а зимой такъ снѣгъ осыпается съ деревьевъ. Но этого мало. Онъ ломаетъ деревья, вырываетъ ихъ съ корнемъ (а такіа лѣсины бываютъ иногда въ діаметрѣ до 2 вершковъ!) наконецъ схватываетъ одну такую лѣсину и всплываетъ на дыбы. Вотъ эту то минуту и надо улучать стрѣлая жеребьями. На выстрѣлъ и дымъ медвѣдь бросается впередъ и тогда начинается свалка! Охотники утверждаютъ (мы слышали то же самое въ Пелымѣ) что медвѣдь различаетъ храбраго отъ робкаго и преимущественно бросается на перваго.

Медвѣди, подобно другимъ звѣрямъ переходятъ съ одного мѣста на другое, вытѣсненные какимъ либо важнымъ обстоятельствомъ: лѣснымъ пожаромъ, неурожаемъ орѣха и ягодъ, перекочевкой мелкаго звѣря. Такое путешествіе называется „ходомъ“. Этотъ ходъ продолжается съ начала весны до глубокой осени. Ходовой медвѣдь смиренъ. Онъ нерѣдко не только при-

ближается къ селенію, но и входитъ въ него: но скота не рѣжетъ и отъ людей уклоняется. Есть и еще способъ охотиться за медвѣдемъ, болѣе вѣрный и безопасный; но его употребляютъ исключительно лишь крестьяне, да и то Нарымскаго края, въ Березовѣ и въ Пелымѣ онъ не въ употребленіи, равно какъ и у всѣхъ сибирскихъ инородцевъ. Способъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ: дѣлаютъ на толстыхъ деревьяхъ „повѣти“ то есть полати, вышиной отъ земли сажени 3 и 4. Такая повѣть называется „лобазомъ“. Подъ лобазомъ кладутъ падаля, а охотникъ помѣщается на верху и стережетъ звѣря. Когда медвѣдь придетъ по духу на добычу, охотникъ бьетъ его мѣткой пулей. Для такой охоты выбираютъ лунную ночь, а участвуютъ въ охотѣ не болѣе двухъ человѣкъ. Иногда удастся промыслить такимъ образомъ двухъ и даже трехъ медвѣдей въ ночь, безъ всякихъ хлопотъ и опасностей. Впрочемъ бываютъ случаи, что либо полати подломятся, либо догадливый звѣрь легко раненый въ жирныя части, самъ подѣзетъ добывать противника. Тогда приходится раздѣлываться съ нимъ борьбой, рогатиной и ножомъ....

Промыселъ на лося и оленя производится Нарымскими Остяками очень оригинальнымъ способомъ. Срубаютъ такъ называемый „кучъ“ то есть загородку изъ двухъ параллельныхъ линій отстающихъ одна отъ другой на 30, а иногда и на 50 сажень, на протяженіи двухъ либо трехъ верстъ и аршина въ два вышины. Къ этимъ двумъ линіямъ загородокъ прикрѣпляютъ натянутые луки, а на нихъ кладутъ большія стрѣлы. Когда лось (сохатый) или олень зайдетъ въ кучъ, то обыкновенно бѣжитъ подлѣ самой загородки, задѣваетъ который нибудь лукъ и застрѣливается настороженною стрѣлою. Въ одномъ кучѣ бываетъ отъ 200 до 300 луковъ. Въ кучѣ заходитъ небезнаказанно и медвѣдь. Промыселъ этотъ лѣтній и исключительно инородческій,

крестьяне имъ не занимаются. Но главный бываетъ весною и осенью. Весною—промышляютъ лося и оленя, въ мартъ и апрѣль по „насту“. Такъ называется оледенѣвшій снѣгъ. Въ мартовскія и апрѣльскія оттепели—поверхность снѣговъ растаиваетъ, но отъ сильныхъ морозовъ, еще бывающихъ въ здѣшнихъ мѣстностяхъ особливо ночью, крѣпко замерзаетъ и образуется столь твердая кора, что держитъ не только человѣка но и лошадь. Лося же, звѣря огромнаго и тяжелаго, не выдерживаетъ. Онъ не можетъ по ней бѣгать, а по инстинкту идетъ тихо и осторожно и все-таки рѣжетъ и портитъ скоро ноги. Понятно что охотникъ, отыскавши его съ помощью собаки, можетъ подбѣгать къ нему и убѣгать отъ него на лыжахъ по насту безопасно и бить почти на вѣрняка. По насту же, когда онъ не крѣпокъ, удобно бить и оленя, который проваливается и тоже не можетъ бѣгать, такъ что охотникъ скоро его догоняетъ на ружейный выстрѣлъ и кладетъ пластомъ съ перваго разу. Но съ половины августа до конца сентября, лось становится злымъ и безстрашнымъ, промыселъ на него опаснымъ, да и ходитъ онъ въ большемъ количествѣ нежели въ другое время. Охотникъ тогда тщательно скрывается отъ него, выпуская только своихъ собакъ, которые отыскавъ сохатаго громко лаютъ. Лось останавливается, оглядывается... Громадность его (до 3½ аршинъ вдоль спины и до 6½ и 7 до оконечности роговъ) и необыкновенная сила останавливаютъ тоже и собакъ. Если выстрѣлъ охотника удаченъ, лось падаетъ; если жъ нѣтъ и лось увидалъ человѣка, онъ бросается на него съ быстротой молніи, сбиваетъ съ ногъ, топчетъ или точнѣе сказать затаптываетъ до смерти копытами! Зимній промыселъ оленя еще труднѣе. Хотя звѣровщикъ употребляетъ всѣ усилія, изыскиваетъ всевозможныя средства, чтобы подкрасться незамѣтно къ оленю, но рѣдко ему это удается.

Олень отъ природы остороженъ и пугливъ. Поэтому охотнику приходится большею частью гоняться за нимъ на лыжахъ до тѣхъ поръ, пока утомленный звѣрь не ослабитъ своего бѣга. Такая погоня, именно въ родѣ скачки на ипподромѣ громаднаго пространства тундръ, иногда продолжается день, два! Упрямый звѣроловъ и не менѣе упрямый звѣрь пролетаютъ тогда отъ 150 до 200 верстъ! И это неневѣроятно. Сибирскій и вообще сѣверный инородецъ отъ Архангельска до Камчатки легко пробѣгаетъ на лыжахъ отъ 20 до 100 верстъ въ весенній день (разумѣется по насту), а въ короткій зимній отъ 50 до 60. Счастье жъ охотника, если онъ выражаясь технически „перехватитъ“ оленя, то есть успѣетъ пересѣчь линію его бѣга, мгновенно понявъ его направленіе, въ противномъ случаѣ и 200 верстъ бѣгу не помогутъ. Впрочемъ Сибиряки (русскіе и инородцы) вращаясь въ кругу этой гигантской природы гдѣ все колоссальныхъ размѣровъ: рѣки, озера, лѣса, степи, тундры, гдѣ огромныя разстоянія ни почему—и въ обыденной жизни своей таковы. Кяхтинскій миллионеръ ѣздитъ же въ Ирбитъ зимой и въ Нижній Новгородъ лѣтомъ по 6000 и по 8000 верстъ ежегодно, нисколько не стѣсняясь такими путями, которыя бы ужаснули торговца внутреннихъ губерній! А сотни верстъ дѣлаетъ Сибирякъ непрерывно по самымъ мелочнымъ причинамъ!

Соболиный промыселъ начинается съ половины, а иногда и съ послѣднихъ чиселъ октября, только что первый мелкій снѣгъ покроетъ землю. Собака преслѣдуя звѣрка, загоняетъ его на дерево, съ котораго и ссаживаетъ его охотничья пуля. Соболю очень больно кусается, если брать его неосторожно руками. Многіе богатые крестьяне и здѣсь какъ въ Тобольской губерніи ловятъ маленькихъ соболятъ и кормятъ ихъ дома пока они не вырастутъ и шкурка не получить полного

объема. Однако держать ихъ и выращивать очень хлопотливо, ибо кромѣ того, что они кусаются, но при малѣйшей послабкѣ и недоглядѣ стараются уйти, и лишь только увидятъ напимѣръ открытое окно или дверь лѣтомъ (ихъ держутъ на цѣпочкахъ, веревку они бы перегрызли), лукавые глазки разгораются и они порываются убѣжать. Въ мартѣ и апрѣлѣ добываютъ соболя слѣдующимъ образомъ: отыскавъ его норку, окружаютъ это мѣсто „саипомъ“ (широкой сѣтью), такъ чтобы звѣрокъ не могъ изъ нея выпрыгнуть; потомъ стучатъ въ дерево, подъ которымъ вырыта норка, и выгнаннаго стукомъ да запутавшагося въ сѣтяхъ соболя убиваютъ палкой. Бѣлку же промышляютъ весной и осенью во время ея случки. Тогда она сходится съ деревьевъ на землю и бѣгая дѣлаетъ тропинки, на которыхъ устанавливаютъ „чирканы“ (родъ самострѣла) съ порсою для приманки. Бѣлка начиная ѣсть порсу, задѣваетъ за тетиву, натянутый лукъ спускается и стрѣлка пришибаетъ звѣрка. Но этотъ способъ ловли можно употреблять только въ хорошую, тихую и теплую погоду, потому что въ холодъ и вьюгу бѣлка не спускается на землю и не идетъ на кормъ. Тогда бѣлку стрѣляютъ какъ и соболя. Но въ обоихъ случаяхъ употребляютъ для сего винтовку заряженную мелкой пулькой. При среднемъ урожаѣ бѣлки, ловкій звѣровщикъ можетъ набить до 20 штукъ; однако крестьяне и инородцы добываютъ чирканами гораздо болѣе. Иной промышленникъ имѣетъ отъ 100 до 200 чиркановъ которые онъ разставляетъ на опредѣленномъ пространствѣ и безпрестанно осматриваетъ настораживая вновь, если насторожка (по мѣстному „синка“) опущена. Къ числу выгодъ чирканнаго производства относятся еще сбереженіе свинца и порошу, потому что то и другое доселѣ въ Сибири очень дорого (даже порохъ продаваемый казною въ уѣздныхъ городахъ), да и доставать его со-

пряжено съ формальностями, волокитами, произвольными надбавками со стороны полиціи, при томъ и ѣзда въ городъ или туда, гдѣ есть казенная пороховая продажа, иногда очень далека. Въ такомъ звѣропромышленномъ краю какова почти вся Сибирь (да и на дичь нуженъ вѣдь порохъ, нужна дробь) слѣдовало бы упростить продажу свинца и порошу и сдѣлать ее общедоступной какъ соль. Порса же промышленнику ничего не стоитъ. Наконецъ—застрѣленная бѣлка („стрѣленная“ по мѣстному выраженію) цѣнится въ торговлѣ дешевле чирканной; иногда на одну бѣлку можно издержать 3 либо 4 заряда да и не всегда угодишь въ носъ, шкурка же отъ боковыхъ ранъ портится.

Чирканами добываютъ кромѣ бѣлки и другихъ звѣрковъ „колонка“ либо „горнастая“, которые иногда въ нихъ попадаютъ на мѣсто бѣлки. Отыскавъ норку одного изъ этихъ звѣрковъ, ставятъ у выхода чирканъ и въ него попадаетъ выпугнутый звѣрокъ. Если жъ норка, какъ выражаются „на юру“, то есть въ полѣ, и снѣгъ при томъ глубокъ—то удостовѣряются сперва тутъ ли звѣрокъ или нѣтъ (удостовѣреніе дѣлается по слѣду: къ норкѣ ли или отъ нее лежитъ онъ); въ первомъ случаѣ ставятъ у выхода чирканъ, котораго не избѣжить ни колонокъ, ни горнастай, во второмъ преслѣдуютъ его по этому слѣду собакой, которая загоняетъ звѣрка на дерево откуда его ссаживаетъ охотникъ пулькой. Россомаху же и лисицу промышляютъ различными способами. Русскіе крестьяне гоняются за ними верхомъ въ теплую осеннюю погоду по мягкому еще хотя и довольно большому уже снѣгу, заганивая ихъ до совершеннаго изнеможенія. Такая оригинальная охота носить и оригинальное прозвище „гулянья“. Замѣчательно искусство здѣшнихъ звѣровщиковъ отличать напимѣръ слѣды лисицы отъ слѣдовъ другихъ звѣрей, даже отъ собачьяго слѣду и не всматриваясь

пристально, а на всемъ лошадиномъ скаку. Пригнулся съ коня къ землѣ, глянулъ разъ, и уже знаетъ, и старается „перенять“ то есть перерѣзать бѣгъ звѣря, убивая его при томъ (если ужъ не надѣется загнать) изъ винтовки на скаку же! Инородцы жъ добываютъ лисицъ „клѣпцами“ (этотъ снарядъ имѣетъ сходство съ капканомъ, столь обычнымъ во внутреннихъ русскихъ губерніяхъ) разставляя ихъ на мѣстахъ между озерами удобными для этой ловли. Причины сему слѣдующія. Лисица въ октябрѣ и ноябрѣ, когда еще мало снѣгу, любитъ бѣгать по замерзшимъ уже озерамъ, избѣгая по возможности земли, на которой остаются еще неприкрытыми: большая жесткая трава, кочки и другія неровности препятствующія ей бѣгу. Перебѣгая же съ одного озера на другое, она привлекается запахомъ мяса (которое всегда кладутъ въ клѣпецъ) подходитъ къ клѣпцу, и бросается на поживу, попадая разумѣется въ тиски. Иногда ставятъ на лисицу и росомаху и луки какъ на оленя; но при этомъ нужно сообразить ростъ звѣря чтобы избѣжать промаховъ. Луки ставятся на тѣхъ же мѣстахъ какъ и клѣпцы. Наконецъ открываютъ лисицъ кучельбою растертою въ мелкій порошокъ которымъ обсыпаютъ мясо приманку. Что касается бурундука, даже волка—то охота за ними не составляетъ большой выгоды и мало въ употребленіи. При томъ волчьи шубы сибирскія по толщинѣ ихъ мездры и по плохой здѣсь выдѣлкѣ, гораздо хуже волчьихъ мѣховъ русскихъ (особливо казанскихъ). Добыча бобра, въ эти послѣдніе годы, почти совсѣмъ прекратилась по причинѣ лѣсныхъ пожаровъ и возрастающаго многолюдства. И здѣсь какъ въ Пелымскомъ краѣ — бобръ удался нынѣ въ самыя неприступныя тайги присѣверныя, а если и попадаетъ случайно, то очень рѣдко.

Мы съ намѣреніемъ распространились о способахъ звѣроловства въ Нарымскомъ краѣ, потому что эта

мѣстность поставлена въ болѣе благопріятныя условія, нежели Пелымъ и Березовъ. Климатъ здѣсь мягче, Томскъ не очень далеко, населеніе болѣе скучено, да и матеріальныхъ средствъ тоже болѣе. Звѣря въ здѣшнихъ тайгахъ тоже много, но административное вмѣшательство задерживаетъ эту промышленность, развитіе которой такъ важно для благосостоянія края. До 1843 года, положеніе звѣропромышленности и торговли пушнымъ товаромъ было еще сносно. Въ 1843 году, сенаторъ, ревизовавшій тогда Восточную Сибирь, ходатайствовалъ „о воспрещеніи купцамъ производить торговлю съ инородцами до взносу въ казну ясака“. Мѣра эта, уничтожающая прежнія отношенія инородцевъ къ русскимъ, подрывающая благосостояніе тѣхъ и другихъ изъ за весьма незначительныхъ выгодъ казны, притомъ и совершенно несправедливыхъ (потому что логично ли заставлятъ дикаря отдавать напримѣръ соболя или лисицу стоимившихъ по вольной цѣной 10, 15 можетъ болѣе цѣлковыхъ, за таксовую казенную цѣну 2, 4, 6 цѣлковыхъ?) все измѣнила тотчасъ къ худшему. За ней послѣдовалъ (12 февраля 1844 г.) Указъ Томскаго губернскаго Правленія „о недопущеніи торговцевъ въ лѣса для вымѣна пушнины впредь до сбора недоимки!“ Начались бюрократическія формальности, прижимки, разумѣется, со стороны чиновниковъ, обязательныя подписки, преслѣдованіе на такъ называемомъ „законномъ основаніи“ то есть съ поводомъ къ произволу. Сдѣлано распоряженіе: „чтобы товары и даже разные съѣстные припасы, оставшіеся непроданными — въ кочевьяхъ инородцевъ не оставлялись, а вывозились бы оттуда обратно и чтобы для складки ихъ не заводилось въ селеніяхъ и уѣздахъ постоянныхъ лавокъ, магазиновъ и складовъ“. При томъ къ еще большому стѣсненію „торговлю въ кочевьяхъ дозволено производить зимою только въ теченіи одного января до начатія про-

мысла звѣрей и по взносу Остяками ясака; а съ 15 іюня по 1 сентября до выхода инородцевъ въ урманныя мѣста на промыселъ. За симъ—во всякое другое время торговля съ инородцами запрещена.

Такія непрактическія распоряженія тотчасъ стѣснили всякую торговую дѣятельность. Купцы перестали посылать по рѣкамъ своихъ прикащиковъ съ товарами, крестьяне и мѣщане перестали тоже возить въ стойбища инородцевъ съѣстные припасы и разныя издѣлія на крестьянскую руку. Хотя и дозволено было, какъ мы видѣли, торговать съ инородцами два раза въ году: въ январѣ и съ 15 іюня по 1 сентября; но такъ какъ эти распоряженія вышли не изъ практики, а устанавливаются кабинетно—то оказалось на повѣрку, что назначенное время неудобно и невыгодно для торговли. Въ лѣтніе напримѣръ мѣсяцы—инородцы отправляются изъ своихъ селеній либо на Обь, либо на маленькія таежныя рѣчки и занимаются тамъ ловлею рыбы. А въ теченіи января, торговцы немного успѣютъ объѣхать селеній, разбросанныхъ на пространствѣ 3000 верстъ безъ дорогъ, въ край глухомъ и пустынномъ, гдѣ должно заблаговременно готовить для лошадей овесъ да сѣно и харчи для работниковъ. Положимъ—товаръ и развезенъ по селеніямъ, а если 1 февраля не распроданъ, то вывози его домой. Ктожь пойдетъ на такой явный рискъ? А между тѣмъ, лишивъ Остяковъ способа получать хлѣбъ и все что подъ рукой нужно, заставляютъ ихъ отдавать за безцѣнокъ свою пушнину и даже хуже, нежели отдавать: ибо если не достанетъ ее у инородцевъ по случаю малой добычи, то они покупаютъ ее у купцовъ да и даютъ ее въ такъ. Выдачу же имъ казеннаго хлѣба на прокормленіе, производятъ слѣдующимъ бюрократическимъ порядкомъ. Волостной инородческій старшина (Остякъ, не только безграмотный, но и плохо понимающій по русски) долженъ сперва собрать свѣдѣнія:

сколько кому нужно хлѣба и представить о семъ Тогурскому Отдѣльному Засѣдателю. Тогурскій Засѣдатель доноситъ въ Томскъ. Изъ Томска разрѣшаютъ. Засѣдатель предписываетъ вахтерамъ отпустить хлѣба старшинѣ для раздачи инородцамъ. Инородцы платятъ за хлѣбъ пушниной. Пушнина доставляется Засѣдателю. Засѣдатель представляетъ ее Губернскому Правленію. Губернское Правленіе продаетъ ее съ публичныхъ торговъ. При собраніи подобнымъ самороднымъ способомъ статистику свѣдѣній, Вахтера (это и въ Томскѣ да Березовѣ сплошь да рядомъ бываетъ) приписываютъ лишній хлѣбъ при взносу ясака высокой цѣнности шкуры подмѣниваются казенно-стоящими, инородцевъ спаиваютъ и вымогаютъ у нихъ остатки отъ ясака, выдача хлѣба производится съ проволочками.... да и какая письменность у Остяка? Въ Пелымѣ, Вогулы всѣ уже 150 лѣтъ крещены, живутъ по-русски, одѣваются и говорятъ по-русски поголовно; да и у тѣхъ въ ихъ 7 инородныхъ управахъ нѣтъ ни пера, ни чернилъ, ни клочка бумаги. Имъ пишутъ все волостные писаря ближайшихъ русскихъ волостей, а они сердечные и не знаютъ никогда что имъ пишутъ! да и ясакъ отжилъ уже свое время. Нынѣ послѣдній Самоѣдъ знаетъ толкъ въ русскихъ деньгахъ. Очень можно было бы позволить ему продать повольно свою пушнину и вносить подать свою деньгами.

Остяки, живущіе по Васьюгану, отправляются обыкновенно по двое, а иногда и по трое на обласкъ, сперва по рѣкѣ Васьюгану, а потомъ по Юголь-Яга, гдѣ въ верховьяхъ ея тащатся волокомъ верстъ 6 въ рѣчку Ютмасу, впадающую въ рѣку Демьянку и по Демьянкѣ послѣ 10 дневнаго плаванія достигаютъ тайги гдѣ соболиный промыселъ. Въ это путешествіе они обыкновенно запасаются ржаными сухарями, ловушками и лыжами съ подволоками. Подволоками называется оленья кожа, содранная съ колѣней по мѣстному „кысь“. Нѣ-

сколько невыдѣланныхъ кысъ спиваютъ вмѣстѣ и подклеиваютъ подъ лыжи шерстью вверхъ. Это дѣлается для большей каткости лыжи и для удобства вбѣгать на горы. Еслижъ нѣтъ кысъ оленьихъ, то подклеиваютъ лошадиныя, (тоже содранныя съ копытней). Урочища, въ которыхъ промышляютъ Остяки, принадлежать Таттарамъ. На нихъ и въ пути, инородцы озабочены прежде всего тѣмъ, чтобы добыть себѣ „тохту“ (пищу). Для сего они охотятся сперва за лосями, оленями и даже медвѣдями. Звѣриное мясо сохраняется въ «чомолахъ». Чомола (амбары) устроивается слѣдующимъ образомъ: выбираютъ прямое, безъ сучьевъ, дерево и срубаютъ верхнюю часть его, такъ чтобы осталая часть земли до точки сруба равнялась 4 или 5 аршинамъ; въ верхней части продавливаютъ съ двухъ сторонъ насквозь отверстія, въ которыя вкладываютъ двѣ толстыя перекладыны и на нихъ уже устроиваютъ амбары, величиною аршина въ 3 квадратныхъ. Тутъ хранится провизія до возвращенія охотниковъ. Само собою разумѣется что запоровъ никакихъ нѣтъ, кромѣ деревянной защелки. Честность этихъ дикарей такова, что чужой развѣ въ виду уже голодной смерти рѣшится отпереть подобную кладушку и взять себѣ изъ нея чѣмъ утолить голодь. Чомоль строится такъ оригинально потому, что медвѣдь, росомаха, рыси, даже бурундуки и мыши поѣли бы все, еслибъ амбаръ построить на землѣ. Въ чомолахъ же, хранятъ и добытые въ тайгѣ кедровые орѣхи. Еслижъ звѣрепромышленникъ не добылъ себѣ предварительно тохты, то ни за что не идетъ далѣе на соболонной промыселъ и возвращается во свояси, зная что отважиться безъ складки на извѣстныхъ мѣстахъ пищи—значитъ почти навѣрное умереть съ голоду.

Когда существовала свободная торговля, инородцы не знали недостатку въ сѣбѣстномъ и одеждѣ, а торговцы снабжали ихъ всѣмъ необходимымъ. Обезпеченные въ

подвозѣ, они не теряли времени на добычу пищи и прочаго, раньше ходили въ тайгу, болѣе добывали пушнины. Прежде Остякъ запасался дома всѣмъ необходимымъ, уходилъ одинъ въ самыя дальнія тайги, оставляя свое семейство на мѣстѣ въ родной юртѣ; а теперь казна даетъ ему только определенное количество хлѣба и пороку, и онъ ходитъ на промыселъ большею частью съ семьей, которую не рѣшается оставить дома на произволъ судьбы. Жалка тогда жизнь этого бѣднаго дикаря! Достигнувъ той мѣстности, откуда нужно ходить на промыселъ, Остякъ выбираетъ хвойное дерево съ густыми и развѣсистыми сучками, выкапываетъ подъ нимъ въ снѣгу яму вплоть до земли, устилаетъ ее вѣтвями пихты или сосны и помѣщается въ ней съ своимъ семействомъ. Каково положеніе! Удаленная отъ всего живаго, въ снѣжной пустынѣ при 30° а иногда и 40° морозу, часто безъ теплой одежды и въ одномъ лишь „жерьякѣ“ (короткая оленья даха), часто даже только въ суконномъ армякѣ—сидитъ Остячка, нерѣдко больная съ малолѣтними дѣтьми, питаясь мясомъ бѣлокъ, убитыхъ мужемъ, который цѣлый день таскался за ними съ ружьемъ и чирканами! Такая неслыханная трудность пріобрѣтенія оружія, одежды, пищи въ конецъ бы разорила здѣшнихъ рѣчныхъ Остяковъ, еслибъ не смягчали подобныхъ распоряженій и бюрократическихъ вмѣшательствъ настойчивыя нарушенія ихъ со стороны торговцевъ. Но все-таки, по причинѣ скудости звѣроловства, по дороговизнѣ и нескончаемой процедурѣ выдачи казеннаго хлѣба, по тягости ясака и разныхъ выжимокъ и прижимокъ, прикрываемыхъ легальнымъ именемъ „земскихъ повинностей“, рѣчные Остяки Нарымскаго края живутъ всѣ почти нищими, особливо по Васьюгану. Повторяемъ—они давно бы страдали отъ голода, если бы купцы не снабжали ихъ тайно хлѣбомъ и одеждою; да и крестьяне возятъ имъ на продажу или

мѣну ячмень, крупу, холстъ, смурое сукно. Наружность ихъ жалкая и болѣзненная, бытъ ихъ тотъ же какъ и у Остяковъ Березовскаго края, подробно уже описанныхъ нами въ 1 томѣ.

Обратимся теперь къ гиперборейскому городку Нарыму, который вмѣстѣ съ Березовымъ, Обдорскимъ, Сургутомъ, Туруханскомъ—раздѣляетъ безотрадную извѣстность однообразной жизни и мучительнаго одиночества для тѣхъ, кого судьба съ образованіемъ и гуманитарными стремленіями нашего времени забросила въ эти холодныя пустыни крайняго сѣвера....

Названіе Нарыма не русское. Оно значитъ на нарѣчій Сургутскихъ Остяковъ болотистое мѣсто. Городъ основанъ еще въ 1525 году, Сургутскими казаками подъ именемъ „Кетскаго острога“ чтобы держать въ повиновеніи окрестныхъ инородцевъ. Мѣсто, на которомъ первоначально былъ основанъ Нарымъ—низменно, болотисто, затоплялось ежегодно отъ весеннихъ разливовъ. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ основанія, вынужденными нашлись перенести Нарымъ на другое мѣсто ниже по теченію Оби за 15 верстъ отъ прежняго, а сухопутно за 6 верстъ. Впрочемъ и новое мѣсто низменно, такъ что послѣ пожара, отъ котораго сгорѣлъ этотъ второй Нарымъ, жители перешли въ 1630 году на старое пепелище, гдѣ и остались понынѣ. Нынѣшній Нарымъ въ верстѣ отъ Оби, въ полуверстѣ отъ Кети, (впадающей тутъ въ Обь) и при рѣчкѣ Нарымкѣ. При Екатеринѣ II, по общему учрежденію о губерніяхъ, Нарымъ сдѣланъ 1 ноября 1775 года уѣзднымъ городомъ Тобольской губерніи. Но въ 1822 году, по „Сибирскому Учрежденію“ Сперанскаго онъ какъ малолетний обращенъ въ заштатный и причисленъ въ Томской губерніи. Не смотря на почти 300 лѣтнее существованіе, Нарымъ не только не увеличивается народонаселеніемъ, не развивается въ промышленномъ отношеніи,

но и видимо упадаетъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія было въ Нарымѣ купцовъ—капиталистовъ до 16 человекъ и каждый изъ нихъ имѣлъ отъ 5 до 10 прикащиковъ. Кромѣ того Нарымскіе мѣщане и крестьяне Парабельской да Кетской волостей вели отдѣльную торговлю съ Остяками и обороты нѣкоторыхъ по своей значительности не уступали купеческимъ. Сущность тогдашней торговли состояла въ томъ, что торговцы вымѣнивали у Остяковъ лисицу, соболя, бобра, колонка, горноста, бѣлку, кедровые орѣхи, ягоды и рыбу на разный фабричный товаръ, сапоги, бродни, шубы, свинецъ, хлѣбъ, соль. Съ 15 сентября обыкновенно купцы нагружали своимъ товаромъ каюки и лодки и отправлялись на нихъ либо сами, или посылали прикащиковъ по рѣкамъ Кети, Васьюгану, Чаѣ и Парабелю. Товары развозились по юртамъ и отдавались инородцамъ въ долгъ. Въ октябрѣ, инородцы запасшись всѣмъ необходимымъ оставляли свои юрты и отправлялись на промыселъ. Къ 20 декабря, прикащики съѣзжались въ Нарымъ съ пушшиной; отправлялись въ январѣ на Ирбитскую ярмарку, а въ мартѣ снова тянулись по рѣкамъ уже съ Ирбитскимъ товаромъ. Весення жъ пушнина свозилась со всего Нарымскаго края на Тогурскую ярмарку, въ селѣ Тогурѣ, на Оби во 110 верстахъ выше Нарыма. Эта ярмарка (съ 15 марта по 1 апрѣля) славилась тогда пушшиной. Покупателями ея были Иркутскіе купцы, сбывавшіе мѣхъ черезъ Кяхту въ Китай. Но когда въ Китаѣ запросъ на мѣхъ уменьшился, то ихъ стали возить на продажу на Нижегородскую ярмарку, откуда иностранными конторами они отправлялись на Лейпцигскую, преимущественно для Англіи. Теперь все это измѣнилось къ худшему и не повинъ края и его трудолюбивыхъ жителей, а просто потому, что въ дѣлѣ экономическо-государственныхъ вопросовъ, нельзя подводить всего подъ одну мѣрку, а надо удѣлать большую

долю мѣстному быту. Иначе ломка кармановъ а за тѣмъ и благосостоянія жителей всегда неизбежна....

Нарымъ омывается съ двухъ сторонъ водами. Съ южной—рѣчкой Нарымкой, впадающей въ Обь, а съ западной Обью. Онъ дѣлится на три части двумя протоками. Первый протокъ „Безъименная“ отдѣляетъ отъ собственно города слободу окрещенную подъ названіемъ „Камчатки“. Прозвище не утѣшительное и данное вѣроятно въ насмѣшку (нашъ простой народъ вѣдь на это такой мастеръ!). Этотъ протокъ вытекаетъ изъ Нарымки и впадаетъ въ Обь въ 7 верстахъ отъ города. Въ весеннее разлитіе, ширина ея передъ Нарымомъ бываетъ отъ 70 до 100 саж., а глубина отъ 5—6 саж. и на ней устраиваютъ перевозъ на лодкахъ; но осенью эта масса воды обращается въ мелкій ручеекъ, вездѣ доступный пѣшеходамъ. Другой протокъ называется „Полоемъ“ а за ней слободка „Заполойная“. Тутъ вода держится круглый годъ, есть постоянный мостъ для сообщеній съ городомъ; но жители (какъ и вездѣ у насъ это бываетъ!) вывозомъ на Полой всякихъ нечистотъ достигли наконецъ засоренія устья этого протока, выходящаго тоже въ Нарымку и городокъ само собою при его мокрой мѣстности подверженъ заразительнымъ испареніямъ. Въ Нарымѣ 2 каменныхъ церкви (приходъ одинъ) и деревянная кладбищенская. Домовъ каменныхъ: казенный 1 и частный 1; деревянныхъ, казенныхъ 2, общественныхъ 5 и частныхъ 123. Есть инородческая больница, богадѣльня и приходское училище. Улицы кривы и грязны, вымощены (какъ въ Тобольскѣ и Пелымѣ) плахами; а въ добавокъ во время большихъ весеннихъ разливовъ, городъ почти весь затопляется водой и сообщеніе жителей происходитъ въ лодкахъ, (челнокахъ) отъ 3 до 5 саж. поднимающихъ отъ 3 же до 5 человѣкъ. Въ Нарымѣ бываетъ ярмарка (Никольская 6 декабря), на которую привозится товаровъ не свыше 15,000 р.

сер. на инородческую и крестьянскую руку, а продается тысяча на десять. Жителей только 1091 о. п. (516 муш. и 575 женщ.). Изъ нихъ, личныхъ дворянъ 23 (10 м. 13 ж.), духовенства православнаго бѣлаго 16 (4 м. 12 ж.), личныхъ почетныхъ гражданъ 8 (4 м. 4 ж.), купцовъ 22 (11 м. 11 ж.), мѣщанъ 819 (386 м. 427 ж.), государственныхъ крестьянъ 39 (20 м. 19 ж.), казаковъ 117 (50 м. 67 ж.), безсрочно-отпускныхъ 2 (1 м. 1 ж.), инородцевъ 10 (4 м. 6 ж.) и наконецъ ссыльно-поселенцевъ 41 (26 м. 15 ж.). Стало быть преобладающій въ Нарымѣ элементъ населенія — мѣщане, и надо отдать справедливость мѣщанскому сословію всѣхъ этихъ губерборейскихъ городковъ: Березова, Сургута, Нарыма, Туруханска—это бойкое, умное и способное племя; а что всего лучше болѣе нравственное и честно-трудолюбивое нежели городовъ хорошихъ сибирскихъ мѣстностей, гдѣ ежегодный, вредный приливъ ссыльныхъ въ мѣщанскія общества и толкотня съ самымъ пестрымъ населеніемъ, какое только есть въ мірѣ (ибо Сибирь сходбище Россіи, Азіи и частью Европы, какихъ тутъ сословій и національностей нѣтъ?) много вредятъ и много развращаютъ.... Нарымскіе мѣщане занимаются какъ и всѣ жители здѣшняго края рыбопромышленностью и собираніемъ инородческихъ товаровъ: пушнины, орѣховъ, ягодъ. Весною по вскрытіи Оби — составляютъ они маленькія артели отъ 6 до 7 человѣкъ и никогда не выше десятка, припасаютъ неводы до 100 саж. примѣрно длины и промышленяютъ на Обскихъ тихихъ протокахъ, также въ Кети, въ курьяхъ и истокахъ. Попадаютъ тутъ: нельма, язп, щуки, окуни и тому подобная простая рыба. Продажа производится Нарымскимъ купцамъ въ свѣжемъ видѣ, частью зажиточнымъ мѣщанамъ рыбо-торговцамъ, которые уже солятъ эту рыбу и отправляютъ ее на каюкахъ въ Томскъ. Иногда Томскіе прасолы сами пріѣзжаютъ въ

Нарымъ для закупа. Неводный промыселъ бываетъ тоже и осенью съ сентября по ноябрь. До замороза рѣкъ и озеръ, неводятъ и солятъ пойманную рыбу, съ заморозовъ же морозятъ ее свѣжею на льду и въ особенности выгодно продаютъ озерную рыбу: карася, окуня, щуку, которые охотно скупаютъ не только для отправки въ Томскъ но и въ Красноярскъ. Обская щука необыкновенно бѣлотѣльна и вкусна, не смотря на иногда чудовищную величину.

Самоловами промышляютъ Нарымскіе мѣщане красную рыбу: осетра и стерлядь на Оби съ іюня мѣсяца, частью въ Нарымскихъ дачахъ, а иногда и за 100 верстъ отъ города въ мѣстахъ, принадлежащихъ Остякамъ. Осетеръ идетъ нерѣдко до крещенья, а стерлядь ловится и до начала февраля; но большею частью промыселъ кончается въ послѣднихъ числахъ января. Самоловъ дѣлается слѣдующимъ образомъ: берутъ бичевку (тетиву) длиною аршинъ въ 40 (толщина ея вдвое менѣе обыкновенной возки) свитую изъ пеньки, мочала или лыка (по достатку гляди). Къ ней привязываются тоненькія бичевки длиною отъ 2 до 2½ четвертей и на разстояніи другъ отъ друга четверти на четыре, называемыя „колѣнцами“. Къ этимъ колѣнцамъ прикрѣпляютъ крючки, а къ крючкамъ (по срединѣ ихъ загиба) привѣшиваютъ на конскомъ волосѣ круглые поплавки, сдѣланные изъ осокоревой коры („баклашки“) для того, чтобы крючки, погруженные въ воду, не лежали на землѣ, но острымъ концемъ находились къ верху. Къ концамъ тетивы привязываются камни, связанные между двухъ сучковатыхъ палокъ, называемыхъ кошками и имѣющихъ сходство съ якоремъ. Къ кошкамъ привязываютъ длинныя веревки („оттуги“), толщина которыхъ равняется тетивѣ, а длина глубинѣ Оби, часто отъ 20 до 30 сажень. Такимъ оригинальнымъ и замысловатымъ снарядомъ пользуются зимой прорубая

двѣ проруби („поды“) на разстояніи 40 саж. одна отъ другой и притомъ такъ, что если самоловомъ предполагается промышлять осетра, то поперегъ рѣки, еслижъ стерлядь, то вдоль. Къ одной оттугѣ привязываютъ тонкую бичевку („прогонъ“), а къ прогону длинный шестъ и пропускаютъ его подъ льдомъ изъ одной поды въ другую. Когдажъ пропустятъ его, то тянутъ къ себѣ до тѣхъ поръ пока не получатъ конецъ самоловной оттуги. Затѣмъ прикрѣпляютъ концы оттуги къ перекладинамъ, положеннымъ поперегъ подъ и самоловъ устроенъ.

Чтобы удостовѣриться, не попалась ли рыба, поступаютъ такимъ образомъ: берутъ оттугу верхней поды въ руку и прислушиваются, не дергается ли рыба. Убѣдившись въ этомъ, вытягиваютъ въ другую поду оттугу самолова и самый самоловъ на поверхности льда, снимаютъ попавшуюся рыбу и снова устанавливаютъ самоловъ. У богатыхъ рыбопромышленниковъ бываетъ въ дѣйствиіи отъ 10 до 15 самолововъ и до 50 запасныхъ для перемѣны и на случай, если поставленный самоловъ засыпетъ пескомъ или задѣнетъ за что-нибудь крючками, такъ что вытащить нѣтъ возможности и онъ пропадаетъ на днѣ. Подобныя неудачи особенно часто случаются съ попережными самоловами, которые устанавливаются для крупной рыбы и не вынимаются долгое время. Большіе самоловы одинаковаго устройства съ маленькими, только составныя части ихъ прочнѣе и толще. Лѣтомъ при постановкѣ самолова прогонъ замѣняется жердью до 1½ саж. длины, называемою наплавомъ, и къ каждой изъ нихъ прикрѣпляется конецъ оттуги.

Есть тоже у Нарымскихъ мѣщанъ особый родъ рыбопромышленности называемый „рѣжевкой“. Это сѣтъ, сплетенная изъ льняныхъ нитокъ, довольно тонкихъ, и окаймленная пеньковымъ шнуромъ. Къ нижней части сѣти привязываются круглыя камни, сдѣланные изъ гор-

печной глины на разстояніи другъ отъ друга трехъ четвертей, называемые „кибасомъ“. Къ верхней же сторонѣ ея, въ одинаковыхъ разстояніяхъ и одинаковой формы съ кибасомъ, прикрѣпляются изъ осокоя поплавки. Чтобы установить рѣжевку для промысла, поступаютъ такимъ образомъ: вбиваютъ въ дно рѣки, въ надлежащемъ разстояніи, колья, къ которымъ привязываютъ оба конца сѣти; нижнюю же сторону укрѣпляютъ кошками (якорями), а чтобы защитить сѣть отъ плывущаго по рѣкѣ валежника, снабжаютъ ее съ этой стороны толстой сѣтью съ рѣдкими ячеями, отъ которой и произошло названіе рѣжевки. Длина ея бываетъ отъ 15 до 20 саж. а ширина отъ 2 до 3. Ею промышляютъ всякую рыбу на мелкихъ мѣстахъ Оби, устанавливая въ протокахъ, истокахъ, на сорахъ и ямахъ. Въ особенности выгоденъ промыселъ въ ямахъ. Это большая котловина въ рѣкѣ, иногда до двухъ верстъ длины и до пяти саж. глубины. Осетръ и стерлядь забираются въ эти ямы и ложатся въ нихъ одна на другую, въ такомъ изумительномъ множествѣ, что образуемый ими живой слой бываетъ нерѣдко до двухъ, трехъ и болѣе сажень въ толщину! Владѣльцы урочищъ, въ которыхъ находятся ямы, назначаютъ время лова или какъ они выражаются „ломать яму“ и объявляютъ объ этомъ въ городѣ и по окрестностямъ. Народъ сходится, даетъ условную плату хозяину за право ловить рыбу, глядя по качеству ямы, отъ 1 до 3 р. с. съ прогона, то-есть съ одного самолова. На хорошей ямѣ, устанавливаютъ иногда до 200 прогоновъ кромѣ хозяйскихъ, и при каждомъ прогонѣ непременно находится 2 промышленника, такъ что къ ямѣ сходится до 800 и до 1000 человѣкъ. Сюда же пріѣзжаютъ скупщики рыбы, продавцы вина, калачники, сбитеньщики, пряники, торгаши всякой мелочью. Картина подобной ямы очень оживлена, и пустыня приобская принимаетъ видъ праз-

дничный, говоръ и пѣсни неумолкаютъ. Въ назначенное хозяиномъ время и по данному имъ знаку, всѣ промышленники, собравшись толпою къ ямѣ, съ крикомъ бросаются къ ней, если лѣтомъ, то на лодкахъ; а зимой, прорубаютъ во льду проруби (поды) и устанавливаютъ ловушки. Подобный оригинальный промыселъ продолжается не болѣе трехъ дней. Рыбное богатство Оби такъ велико, что въ сей краткій срокъ не рѣдко вылавливаются до 3000 и до 4000 пудовъ осетрины и стерляжины!

Наконецъ, для рыбы не красной и не цѣнной, мѣщане употребляютъ еще разные другіе способы лова. Сѣтями—промышляютъ муксуновъ, сырковъ, нельмъ, язей—въ сентябрѣ и октябрѣ около извѣстныхъ песковъ, гдѣ уже дознанъ хорошій ходъ рыбы. Для сего, съ вершины песка растягиваютъ поперегъ рѣки сѣть, связанную изъ тонкихъ льняныхъ нитокъ отъ 15 до 20 саж. длиною и отъ 2 до 3 саж. шириной. Къ верхнему концу сѣти пришта тонкая бичевка, къ которой прикрѣплены круглые осокоревые поплавки. Такая сѣть плыветъ по теченію рѣки, а за ней плыветъ и рыбакъ въ обласкѣ. Рыба, идущая вверхъ, встрѣчаетъ сѣть, запутывается въ ней и вытаскивается въ лодку. Этотъ промыселъ по большей части производится ночью. „Перый“ промыселъ означаетъ время рыбопромышленности, потому что слово „перы“ на языкѣ Обскихъ Остяковъ означаетъ метаніе икры. Когда весенняя вода разольется по сорахъ и рыба выйдетъ изъ Оби на затопленные луга въ мелкія мѣста, гдѣ вода болѣе нагрѣта солнцемъ и менѣе быстра,—тогда промышленники ставятъ по луговинамъ, понятнымъ водою, рѣжевки и сѣти и ловятъ ими: язя, сырка, щуку, карася, окуня, ерша и всякую мелкую рыбу, которая идетъ тогда большими массами и не пуглива. Промыселъ „переметами“ производится во время полноводія. Ими добыва-

ютъ преимущественно некрупную стерлядь, но случайно попадаетъ и другая рыба. Переметь одинаковаго устройства съ самоловомъ, съ тою разницей, что крючки перваго меньше и наживляются червяками, и лески (нити) тоньше. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по Оби и переметы наживляются маленькими щуками для налимовъ. Промыселъ „чердаками“ производится весною до вскрытія Оби. Въ глубокихъ и быстрыхъ мѣстахъ рѣки, прорубаютъ длинныя поды. Затѣмъ прорубаютъ еще 4 небольшихъ поды, на которыя накладываютъ 2 бревна съ проушинами, называемыя „пурполами“. Эти пурполы надъ подами продѣваются слегою, называемою „чинжа“. Чинжа и пурполъ перевязываются черемуховыми прутьями („юдоши“). Онѣ пропущены въ поды и подъ льдомъ закручены туго кряжами. Въ проушины вставляются бревна отъ 4 до 4½ саж. длины („липсаны“) и укрѣпляемые засовами („кулы“). Въ нижніе концы липсановъ продѣваются длинныя черемуховыя жерди, укрѣпляемыя черемуховыми кручеными прутьями и закрученны на поверхности льда кряжами. Къ липсанамъ прикрѣплены свободно черемуховыми концами двѣ слегы, называемыя „кубами“, нижніе концы которыхъ снабжены перекладиной („арапча“) съ привязанными къ концамъ веревкамъ. Потомъ, когда весь этотъ хитро придуманный снарядъ устроенъ, спиваютъ изъ мережи большой булъ и пришиваютъ одинъ конецъ его къ арапчѣ, а другой пропущенный въ воду укрѣпляется на поверхности льда. Когда жъ нужно вынимать рыбу, тянутъ веревками арапчу, и нижняя часть сѣти выѣстѣ съ нею показывается въ водѣ и вытаскивается на поверхность. Промыселъ этимъ способомъ производится, когда рѣка еще покрыта льдомъ, но уже воздухъ достаточно тепелъ; онъ замѣчательнъ тѣмъ, что не употребляются ни на какихъ другихъ рѣкахъ кромѣ Оби. Ловъ бываетъ очень

обилень, особливо при большой водѣ и при скорой да дружной прибыви ея, когда бываетъ наибольшая быстрота, препятствующая рыбѣ выбираться изъ сѣти. Въ чердаки попадаютъ: нельма, налимъ, щука и преимущественно изъ.

Остязки и крестьяне Нарымскаго края — звѣроловы и рыбопромышленники по преимуществу; но Нарымскіе мѣщане занимаются успѣшно и птицеловствомъ. Дальнія разстоянія, дурныя дороги, неумѣнье извлекать изъ всего что подъ рукою въ природѣ денежную пользу — еще ставятъ доселѣ промыселъ боровой и перелетной птицы въ числѣ мелкихъ занятій; дичь уже годъ отъ году дѣлается рѣдкостью въ Казани, Нижнемъ, Москвѣ, Петербургѣ, доходитъ нерѣдко до высокихъ цѣнъ, потребители на нее есть всегда, и будъ желѣзная дорога, напримѣръ изъ окраинъ Сибири, связуя ее съ Нижнимъ — вотъ и новый источникъ благосостоянія, доселѣ мало цѣнимый сибиряками! Нарымскіе горожане промышляютъ дичь не только разными снарядами, но даже бьютъ во время линянія палками. „Плѣнница“ есть силокъ изъ лошадиныхъ волосъ. Ее ставятъ весною, когда вода разольется по сорама на такъ называемыхъ „поньжахъ“ (мелкій кустарный лѣсъ) и по озерамъ въ тальникахъ. Въ нихъ попадаютъ утки. „Перевѣсы“ устраиваются тоже для утокъ. На островахъ вырубаютъ по прямой линіи лѣсъ, образуя просѣку въ 10 либо 15 саж. ширины, такъ чтобы эта просѣка выходила изъ одной рѣки или озера или протока въ другую. Посрединѣ просѣки, по бокамъ ея, ставятъ два шеста вышиною отъ 4 до 5 саж., снабженные блоками на верхнихъ концахъ, въ которые вкладываются веревки. Къ концамъ ея прикрѣпляется сѣть, которая захватываетъ все пространство между шестовъ, поднимается верхнимъ концемъ до самыхъ блоковъ и представляетъ собой подобіе паруса. Утки, перелетая ночью съ одного

мѣста на другое, просѣкою, не замѣчая сѣти, прямо налетаютъ на нее; сѣть тотчасъ опускается и птица принимается живою. Перевѣсами промышляютъ по ночамъ и только однажды въ годъ, весной, когда птица кладетъ яйца. „Слабцами“ же ловятъ ее тоже только одинъ разъ въ годъ, осенью до снѣга и замороза рѣкъ и исключительно уже боровую: глухарей, пеструхъ, косачей и рябчиковъ. Слабцы устроиваются слѣдующимъ образомъ: на песчаныхъ мѣстахъ по близости рѣки кладутъ большія бревна; одинъ конецъ бревна поднимается нѣсколько къ верху и подпирается тоненькою палочкою такъ, что едва птица дотронется до нее, бревно падаетъ и пришибаетъ ее. При огромномъ количествѣ дичи и этимъ первобытнымъ способомъ промышляютъ ее очень много. Наконецъ—рябчиковъ и куропатокъ ловятъ въ зимнее время и „силками“. Силки употребляются для сего такія же точно, какъ и во внутреннихъ губерніяхъ.

Чтожь касается до домашняго хозяйства Нарымскихъ мѣщанъ, то нельзя сказать, чтобы оно могло равняться съ Березовскимъ или даже съ Пелымскимъ. Нарымъ въ этомъ отношеніи поставленъ въ болѣе благопріятныя обстоятельства, нежели всѣ подобныя ему гиперборейскія мѣстности сибирскаго сѣвера. Скота здѣсь сравнительно съ малымъ населеніемъ очень довольно. Лошадей здѣсь было (по отчету 1861 года), 1236, рогатаго скота 1392 головы, овецъ 960, свиней 40. Нарымскія лошади славятся какъ порода неутомимая къ работѣ. Здѣшніе мѣщане и крестьяне, подрижаются каждую зиму перевозить изъ Нарыма въ Томскъ рыбу, и въ теченіе зимы дѣлаютъ по двѣ, иногда по 3 такихъ поѣздки (471 верста) а кромѣ сѣна ничѣмъ своихъ лошадей не кормятъ; да и для нихъ проѣхавъ на порядочной лошади рысью 100 и болѣе верстъ не кормя считается весьма обыкновеннымъ дѣломъ. Вотъ

почему Нарымскія лошади крѣпкія, устойчивыя и переносливыя, раскупаются охотно на золотые пріиски не только Западной, но и Восточной Сибири, для самыхъ тяжелыхъ работъ. За нихъ платятъ на мѣстѣ отъ 25 до 35 р. сер. Свиней держатъ немногіе, да и вообще скотъ (за исключеніемъ лошадей) пасется все лѣто по сорамя безъ лишняго присмотра. Огородовъ въ Нарымѣ довольно и овощи рождаются лучше, нежели въ Пелымѣ, картофель нерѣдко самъ 13 и 14; при хорошемъ уходѣ не только огурцы, но даже дыни и арбузы, даже линейскій (изъ Омскихъ сѣмянъ) табакъ. Есть и домашняя птица: гуси, утки, куры, а у нѣкоторыхъ индѣйки. Однако все это, какъ и въ Пелымскомъ краѣ (столь во многомъ схожимъ съ Нарымскимъ), лишь подспорье для жителей.

Крестьяне этого глухаго и столь же мало извѣстнаго, какъ и Пелымъ, уголка Сибири занимаются хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ про себя; а первенствующие источники ихъ благосостоянія — это рыболовство и звѣроловство. Въ Нарымскомъ краѣ (точь въ точь какъ въ Пелымѣ) только двѣ русскихъ волости: Кетская и Парабельская. Обѣ онѣ разбросаны какъ и тамъ маленькими деревушками на пространствѣ слишкомъ 300 верстъ и тоже исключительно на прибрежныхъ. Кетская по рѣкѣ Кети и ея притокамъ, а Парабельская по Оби съ притоками. На боровыхъ высокихъ мѣстахъ по Обскимъ притокамъ удачно занимаются хлѣбопашествомъ, на низкихъ соровыхъ по Оби рыболовствомъ. Сверхъ того, надо замѣтить, что въ Кетской волости всѣ деревни безъ исключенія хлѣбопахатныя; причина тому отдаленіе отъ Оби, которую Кеть замѣнить не можетъ, потому что въ ней нѣтъ цѣнной рыбы: осетра, стерледи, муксуна, нельмы. Грунтъ земли черноземъ. На немъ хорошо рожь, ячмень, ярица, пшеница, ленъ и конопля. Просо

Силки
присыла

и грѣчу не сѣютъ. Удобриваютъ землю черезъ 3 и 4 года; такъ что съ одной удобренной пашни снимаютъ до четырехъ и пяти урожаевъ. Въ сложности ежегоднаго урожая—въ Кетской волости хлѣбъ родится самъ 7, а въ Парабельской самъ 5. Конечно при хорошихъ качествахъ этой земли и достаточномъ скотоводствѣ, урожаи могли бъ быть еще сильнѣе. Нарымскій мѣщанинъ Ксенофонтъ Дюковъ (образъ трудолюбія какъ и Священникъ Тверитинъ въ Березовскомъ округѣ Тобольской губерніи) получаетъ въ добрый годъ урожай самъ 19 (а ужъ самъ 9 и 10 такъ постоянно). Но здѣсь то же происходитъ что и въ Пелымѣ. Хлѣбопашество и скотоводство не такъ манитъ домохозяина, какъ всегда выгодные промыслы рыбы и звѣря. Остается пожелать этому трудолюбивому краю (на который мало еще обращено вниманіе администраціи) „луча свѣта“, къ которому безъ намѣренія зывали мы начинающая этотъ трудъ нашъ.... Природа Нарымскаго края богата разнообразными источниками народной промышленности. Однако инородцы годъ отъ году бѣднѣютъ. Казенныя недоимки закредитовали ихъ до неоплатнаго долга, между тѣмъ они не снабжаются въ достаточномъ количествѣ всѣмъ необходимымъ; торговля стѣснена вовсе не экономическими мѣрами; ясакъ въ нынѣшнее время сущая аномалія; казенные хлѣбные магазины безъ настоящаго надзора и контроля, посему нерѣдко пусты; наконецъ—дѣло дошло до того, что съ осени 1860 г. Нарымскіе инородцы начали поголовно удаляться въ Тарскій округъ Тобольской губерніи, чтобы избѣжать голода. А между тѣмъ по Васьюгану, въ районѣ остоящихъ стойбищъ есть отличныя мѣста для хлѣбопашества и скотоводства, лучше нежели на самой Оби. Можно было бы завести здѣсь русскія заселенія, деревнями верстъ 25 одна отъ другой. Тогда проложился бы изъ Нарымскаго края прямой путь въ Та-

ру, примѣръ русскихъ хлѣбопашцевъ коснулся бы благотѣтельно инородцевъ, да и при нестѣсненіи ихъ сношеній съ торговцами они вышли бы постепенно изъ нынѣшнихъ неоплатныхъ долговъ казнѣ и купечеству. Въ заключеніе, полезно бъ было сдѣлать еще вотъ что: ясакъ натурой замѣнить денежной податью; но не съ души, какъ это у крестьянъ и мѣщанъ, а съ дѣйствительнаго работника. Вахтеровъ при хлѣбныхъ казенныхъ магазинахъ (которые вредны для края и всегда готовы волочить да обманывать бѣднаго и невѣжественнаго инородца) перемѣнять черезъ годы; а для легчайшей сдачи при такомъ краткомъ терминѣ и для ежечаснаго внезапнаго контроля, имѣть хлѣбъ въ этихъ магазинахъ въ куляхъ извѣстнаго вѣсу. Но самое существенное, еще разъ скажемъ—всевозможно поощрить хлѣбопашество въ Васьюганѣ, куда въ особенности крестьяне Кетской волости охотно поѣдутъ, если имъ дать на нѣсколько лѣтъ льготу отъ подушной и рекрутства.

Въ нынѣшнее время плаваніе по Оби и Томи (Тюменско Томской путиной) уже не представляетъ такихъ затрудненій, какія существовали еще не далѣе какъ десять лѣтъ тому назадъ. Мѣсто неуклюжихъ туземныхъ парусныхъ судовъ, тяжелыхъ коноводокъ, первобытныхъ каюковъ и повозокъ—заступили и вытѣсняють ихъ постепенно пароходы, которыхъ самая конструкція уже значительно улучшилась противъ начально строившихся. И наше плаваніе вверхъ по Оби и Томи, на пароходѣ „Союзъ“ (И. Рѣшетникова и К^о) было самое счастливое, даже не безъ поэзіи. И здѣсь, какъ въ Березовскомъ краѣ, повторились тѣ же картины постепенности возрожденія природы. Плоскія низменности, тундристаго Нарыма—чѣмъ дальше поднимаешься по этой величественной Оби, тихо катящей свои громады воды въ приполюсныя пустыни; дремучія тайги Нарым-

скаго края, рѣдкія деревушки, а еще рѣже людныя села, каковы: Парабѣльское (волость русскихъ крестьянъ), Тогурское (мѣстопребываніе отдѣльнаго застѣдателя этого захолустья), Новоильинское и торговое Молчаново; группы острововъ разбивающихъ рѣку на множество острововъ, гдѣ парадъ скользить бывало по соннымъ водамъ среди могучей растительности этихъ дебрей точно по какимъ нибудь волшебнымъ садамъ — все это уступаетъ мѣсто гористымъ и живописнымъ мѣстностямъ приустья Томи. Тутъ уже слышится и видится иной міръ, торговая кипучая дѣятельность Томска наложила свою печать на все! Лѣса рѣдкуютъ, деревушки лѣпятся сплошной массой, гдѣ только возможно пріютиться, пашни раскидываются правильно, рощи замѣняютъ тайгу. А вотъ и устья Томи, близокъ уже Томскъ, эффектно выдающійся изъ за горы съ своимъ огромнымъ соборомъ, Юртошной горой, унизанной прекрасными домами, церквями; съ шумной пристанью, парходами, судами и множествомъ лодокъ. Паръ вылетаетъ съ рѣзкимъ свистомъ, парходъ идетъ все тише да тише.... Мы въ Томскѣ.

Томскъ, основанъ въ 1604 году. Онъ построенъ на правомъ берегу рѣки Томи въ 4214 верстахъ отъ Петербурга, у предгорій Томскаго края, отрога Алтая. Исторія его не имѣетъ въ себѣ ничего особеннаго. Въ Сибири только одинъ городъ Тобольскъ съ историческими воспоминаніями, да и то не восходящими далѣе открытія и завоеванія края. Остальные жъ города созданы сперва нуждами завоевательными, а потомъ административными. Такъ было и съ Томскомъ. Сперва былъ онъ построенъ въ видѣ острожка или крѣпостцы, для удержанія въ повиновеніи инородцевъ и прикрытія возникающихъ около него заселеній; потомъ, въ 1629 году сдѣланъ областнымъ или какъ тогда выражались „разряднымъ“ городомъ, съ подчиненіемъ ему подобныхъ

же острожковъ: Сургуты, Нарыма, Кузнецка, Енисейска, Красноярска. Когда по мысли Петра Великаго, государство было раздѣлено на „губерніи“ и образовалась огромная „сибирская губернія“ отъ Берингова пролива и Камчатки почти до Вологды, (нынѣшній Ярѣнскъ въ Вологодской губерніи, лишь въ 1106 верстахъ отъ Москвы, принадлежалъ къ сибирскому губернаторству!) то изъ Томска сдѣлали городъ уѣздный. Въ 1719 году причислили его къ провинціи Енисейской, а въ 1726 году къ Тобольской. Но въ 1782 году, при открытіи „наѣстничества“ въ Имперіи (въ томъ числѣ и Тобольскаго), Томскъ опять названъ „областнымъ“. Наконецъ лишь въ 1804 году, въ слѣдствіе ревизіи Сибири сенаторомъ Селифонтовымъ, Томскъ сдѣланъ губернскимъ городомъ и образована нынѣшняя Томская губернія отъ Барабинской степи, до рѣки Кана. Въ послѣдствіи однако по „Сибирскому Учрежденію“ 1822 года, приписанные къ нему уѣзды: Агинскій, Енисейскій, Туруханскій и другія мѣстности отъ водораздѣла Енисейска отошли къ нынѣшней Енисейской губерніи. Томскъ началъ славиться въ Сибири — не историческими воспоминаніями и не древностями, которыхъ у него никогда не было; да притомъ и не торговлей, которой у него и доселѣ нѣтъ, какъ нѣтъ мануфактурной, заводской и даже ремесленной промышленности. Подняли его — сперва Кяхта и ея обозно-транспортное движеніе сквозь всю Сибирь и до Москвы, а *vice versa* и до Кяхты; потомъ парходство сихъ послѣднихъ годовъ, Томью, Обью, Иртышемъ, Тоболомъ и Сурой, въ особенности съ 1861 года усилившееся, прекратившее лѣтнюю обозную путину отъ Тюмени до Томска, и заставившее купцовъ, торгующихъ на Кяхтѣ и по Сибири, имѣть складочныя комиссіонерства на Томской пристани; а наконецъ и сильный толчокъ, данный золотопромышленности съ 1840 года и почти до нашего времени.

Ост. мѣстна 1864

Но Томскъ всегда останется важенъ для Сибири, а въ особенности теперь, когда уже вся Сибирь до устья Амура изслѣдована, завоевана, заселяется и окончательно сдѣлалась русскою,—не своими купцами и золотопромышленниками (и здѣсь миллионеры какъ вездѣ нынѣ въ Россіи, на перечесть); но своей Кяхтинско-транзитной торговлей, которая при ввозѣ теперь въ Россію Кантонскаго чаю скоро сядетъ на мель; притомъ чрезъ Западный Китай и Киргизскую степь на Омскъ и Петропавловскъ чай пойдетъ скорѣе и дешевле, и Кяхта не выдержитъ этой конкуренціи; далѣе пароходствомъ своимъ, наконецъ золотыми приисками и серебромъ Алтая, хотя конечно то и другое при свободѣ разработки сильно разовьется въ недалекомъ будущемъ—а главное тѣмъ, что онъ „перевалъ“ между двумя половинами громаднаго края и лучшей колоніи въ мірѣ: (отъ Уральскаго хребта до Кореи въ виду Японіи и до Алматъ въ виду западнаго Китая и Коканда—колоніи, на которую еще доселѣ не было обращено вниманіе русскаго народа; истинный, а не искусственный центръ Сибири. Находясь у окраины водной путины Томью, Обью, Иртышемъ, Тоболомъ и Турой, онъ сообщается пароходно съ Тюменью, а если будетъ устроена желѣзная дорога до Перми — то Камой и Волгою со всей Имперіей, Иртышъ соединяетъ его съ Семипалатинскомъ и Киргизской степью. Если будетъ построена отъ Томска желѣзная дорога до Красноярска, то Енисеемъ, Ангарой и Байкаломъ съ Кяхтой и почти что съ Амуромъ! Стало бытъ—Томскъ не зависитъ отъ случайностей административныхъ распоряженій, часто создающихъ искусственные центры населенія (создана же Чита забайкальскимъ областнымъ городомъ, тогда какъ настоящій областной городъ забайкаля, это древній Нерчинскъ на Шилкѣ, въ которомъ бородатые „воеводы“ старого порядка Московскаго царства яви-

ли свою политическую прозорливость); И если быть „Сибирскому Намѣстничеству“ (второе по нашему мнѣнію, не менѣе необходимо какъ и на Кавказѣ), то Томску предложить по праву быть „царствующимъ градомъ“ Сибири не по причудливому названію, данному нѣкогда Тобольску щедрою фантазіей Патріарха Филарета и странной идеей Московской администраціи; а реально, какъ истинному центральному пункту Сибири, естественному узлу ея топографическому. Но для сего надо многое, чего доселѣ въ Томскѣ нѣтъ и о чемъ здѣсь доселѣ не думаютъ.....

Вопервыхъ — Томскъ, не взирая на его Кяхтинскій транзитъ, на громкую его золотопромышленность на его пароходство и сосѣдство Алтайскихъ заводовъ, гдѣ есть мастеровые и даже художники всякаго рода; все таки губернскій городъ средней руки, хотя лучше конечно холустнаго Тобольска, но на врядъ ли лучше не только Иркутска но и Омска! Къ 1 января 1863 года, всѣхъ жителей обоюго пола, было въ немъ только 18,743 (мущ. 11,409, а женщ. 7334). Изъ сего числа собственно горожанъ: почетныхъ гражданъ потомственныхъ и личныхъ 63 (м. 33 а ж. 30) купцовъ всѣхъ гильдій, считая въ этомъ женщинъ и дѣтей 564 (м. 293 а ж. 271!) на конецъ мѣщанъ 5836 (м. 3462 а ж. 2374) и цѣховыхъ 790 (м. 370 а ж. 420). Остальное населеніе пришлое и наплывное—подвижное какъ и во всѣхъ нашихъ городахъ: крестьяне всякихъ наименованій, войска, оставные нижніе чины и язва всѣхъ Сибирскихъ городовъ, ихъ исключительная и не утѣшительная принадлежность: не только ссыльно-поселенцы, но и каторжные! Въ VIII раздѣлѣ отчета Томскаго губернатора за 1862 г. (прошлагодній отчетъ еще не опубликованъ) стоитъ по одному лишь Томскому округу и городу Томску ссыльно-каторжныхъ и поселенцовъ 20,055 (мущ. 13,736 а

женщ. 6319)! Ежедѣльно, Сибирскіе губернскія вѣдомости (въ Тобольскѣ, Томскѣ, Красноярскѣ и Иркутскѣ) наполняются цѣлыми столбцами такъ называемыхъ „сыскныхъ статей“ т. е. объявленій и примѣтъ бежавшихъ съ казенныхъ заводовъ каторжныхъ, либо съ поселенія ссыльно-поселенцовъ! И хотя поселенцы работаютъ на Сибирскихъ золотыхъ приискахъ, нанимаются на суда и пароходы, но хлопотъ и возни съ ними бездна. Ссылка, особливо въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, какъ у насъ по нашему нынѣшнему законодательству, истинная язва Сибири.

И строительная часть въ Томскѣ, далеко не соответствуетъ громкому значенію этого будущаго „дарствующаго града“ Сибири. Жилыхъ домовъ каменныхъ въ немъ только 93, а именно: казенныхъ 14 церкви. и монастыр. 1, обществен. 3 и частныхъ 75; а деревянныхъ 2646! Стало быть это городъ „деревянный“ безъ двухсмысленныхъ каламбуровъ, которые иной пожалуй примѣнитъ и къ головамъ! Кто приглядѣлся къ европейскимъ городамъ, того несомнѣнно поразилъ нищенскій видъ нашихъ! И это происходитъ именно отъ самаго дурнаго свойства русскаго характера, въ которомъ преобладаетъ апатическое „живетъ!“ Возьмемъ хоть въ Западной Сибири, на выдержку, ея ложные округа. Здѣсь—строительный хорошій матеріалъ какъ то: бревна, плахи, доски, тесъ, уже изъ цѣны вонь! Въ курганѣ либо въ Ишинѣ, плохой деревянный домишка въ 5 оконъ уже не построить нынѣ и за 1000 цѣлковыхъ; а между тѣмъ были времена, что хлѣбъ продавали тутъ нипочемъ (мы сами ѣдали его недавно: пудъ ржаной по 10 к. с. а пшеничной по 15!), рабочіе руки предлагались тоже даромъ (годовой работникъ шелъ за 12 р. с!), кирпичъ былъ неимовѣрно дешевъ (до 2 р. с. тысяча), наконецъ въ Тобольской гу-

берніи у округовъ: Туринскаго, Тюменскаго, Ялуторовскаго и Курганскаго, уральское желѣзо всегда очень дешево (а краденое съ казенныхъ заводовъ было до освобожденія заводскихъ рабочихъ и ни почему). Но смотря однако на такія благопріятныя данныя, наше „живетъ“ продолжало свою рутинно-слѣпотствующую жизнь! Хорошенькій каменный домикъ въ 5 же оконъ и въ два этажа, стоилъ въ курганѣ и вообще въ южныхъ округахъ не выше 2000 р. с., принимали его въ подряды всякаго роду, застраховывали охотно и въ высшей цѣнѣ, отъ огня онъ былъ безопаснѣе всякаго деревяннаго; а купцы, разжившіеся сибирскіе чиновники, даже золотопромышленники и не изъ тощихъ, продолжали и продолжаютъ и доселѣ строить деревянные дома, часто въ сущее раззореніе! Тогда какъ пожарная часть всегда у насъ просто въ младенчествѣ, то и города наши горятъ сплошь-да-рядомъ....

Въ Томскѣ теперь 10 каменныхъ церквей, 1 католическая, 1 мечеть и Алексѣевскій мужской монастырь, основанный въ 1663 году по грамотѣ царя Алексѣя Михайловича (нынѣ въ немъ живетъ епископъ Томскій и Семипалатинскій, находится епархіальная семинарія и 7 монашествующихъ, въ томъ числѣ архимандритъ-ректоръ). Монастырь этотъ 2-го класса и устроенъ довольно порядочно, хотя не можетъ равняться съ Иркутскимъ Инокентьевскимъ. Томскій соборъ, начатый какъ и Красноярскій въ 1845 году по складчинѣ золотопромышленниковъ, имѣлъ съ нимъ одинаковую участь..... Обрушился еще прежде отстройки вчернѣ! нынѣ онъ, какъ и красноярскій, поднять и отдѣланъ. Вся Сибирь—настоятельно нуждается въ Университетѣ, въ Красноярскѣ (губернскимъ городѣ Енисейской губерніи, вотъ уже 40 лѣтъ, съ 1823 года) нѣтъ до сихъ поръ даже гимназіи; тоже ничего не было сдѣлано въ Томскѣ для воспитанія дѣвицъ (только въ 1863 г. откры-

та въ Томскѣ „женская гимназія“ на капиталъ давно для сего пожертвованный коммерціи совѣтникомъ Оедомомъ Поповымъ). Золотопромышленность, давшая съ 1819 по 1861 годъ, въ теченіи 41 года, громадную цифру 35,587 пуд. 8 ф. 23 з. и 70 долей (официальныхъ, кромѣ раскраденнаго на казенныхъ и частныхъ прискахъ) золота на столь же громадную сумму 470,746,170 р. и 25¼ к. сер. т. е. свыше почти двухъ миллиардовъ франковъ—что она сдѣлала для Сибири добраго и полезнаго? Калифорнія и Австралія покрылись цвѣтущими городами, желѣзными дорогами и телеграфами, рѣки ихъ бороздятъ сотни пароходовъ, торговля разошлась неимоверно, журналы и газеты удесятились числомъ, учебныхъ заведеній основано много; а въ Сибири сѣрыя губернскія вѣдомости, безобразныя приходскія училища, не проѣзжія почтовые дороги, неряшливый видъ городовъ.... Правда—чиновники избаловались до нельзя, мѣщане измошенничались, крестьяне и ссыльные спились съ кругу, развратъ проникъ до пустынныхъ березовскихъ тундръ, гдѣ дотолѣ жили патріархально бѣлые медвѣди; правда, наконецъ, что сами золотопромышленники неистовствовали duand tene: купались въ шампанскомъ, азартныя игры развились до чудовищныхъ размѣровъ, ссыльно-поселенецъ сшилъ себѣ куртку и шаровары изъ парчи, расхаживалъ въ этомъ великолѣпнѣ по кабакамъ, валяясь потомъ въ грязи какъ свинья.....но вотъ и все! Мы помнимъ Сибирь 1828 года, значить не болѣе 35 лѣтъ тому назадъ и безъ преувеличенія скажемъ: честности тогда было въ массѣ больше, скромности и порядка тоже, даромъ, что мы живемъ теперь во времена прогресса и вкривь да вкось начальствуемъ! Даже очень недавно, не болѣе какъ пять лѣтъ тому назадъ, когда мы были въ Пелымѣ (Тобольской губерніи) тамъ еще не знали болтовъ у ставень, двери запирали на ночь де-

ревянной засовкой и оставляли зимой обозы съ рыбой на льду рѣки Тавды, уходя спать въ нагорное селеніе. Нынѣ грабежи и даже убійства изъ за денегъ либо товара и тамъ не рѣдкость. Но что однако сдѣлало доселѣ Томское общество для просвѣщенія, да и что такое наконецъ и самое это общество въ его быту ежедневномъ?

Прежде всего начнемъ разумѣется, съ Томской гимназіи. Послѣ открытія Тобольскаго намѣстничества съ 1782 г., Томскъ сдѣланъ областнымъ городомъ, и вскорѣ, въ 1789 году, открыто въ немъ „народное училище“. Но образованіе проникало туго въ густую тьму тогдашняго сибирскаго невѣжества. Такъ, по словамъ извѣстнаго школьнаго сотоварища и друга графа Сперанскаго, трудолюбиваго собирателя сибирской старины Словцова (бывшаго и визитаторомъ „сибирскихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія) спустя 15 лѣтъ по открытіи этого училища, въ 1804 году, число учениковъ простиралось только до 59! Въ томъ же 1789 г. открыто подобное же училище въ глухомъ, безлюдномъ и дикомъ Нарымѣ, Богъ знаетъ для чего и для кого, тогда какъ богатый и достаточно населенный уже тогда при-Алтайскій край не имѣлъ ни одного, и лишь спустя 33 года, учреждено въ 1822 году, еще одно училище въ Клинскѣ! Впрочемъ, и до сихъ поръ въ губернскомъ городѣ Красноярскѣ нѣтъ еще мѣстной гимназіи, населеніе уже свыше 400,000 д. о. п. По уставу 1804 г. Томское народное училище преобразовано въ „уѣздное“. Но это не пособляло дѣлу. На громадномъ пространствѣ полу столѣтія съ 1789 по 1838 годъ число учениковъ въ Томскомъ училищѣ непростиралось среднимъ числомъ свыше 30! Этотъ поразительный фактъ изложенъ въ недавно опубликованной „исторической запискѣ“ директора Томскихъ училищъ. „До 1833 года“ говоритъ онъ

„не было вовсе въ Томской губерніи приходскихъ училищъ!“ Да и нынѣ (въ 1863 году) ихъ только 14! 10 декабря 1838 года, открыта наконецъ Томская гимназія. Въ первые 6 лѣтъ существованія ея число воспитанниковъ казенныхъ и своекоштныхъ не превышало среднимъ числомъ 80, съ 1847 по 1854 годъ оно колебалось около 100, въ слѣдующіе года тихо поднималось до 150. Въ 15 выпусковъ съ 1844 г. окончило курсъ 112 человекъ, т. е. среднимъ числомъ не свыше 7 въ годъ! Наконецъ лишь съ 1861 года, число училищъ начало увеличиваться. Теперь по вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія, въ Томской губерніи: 1 гимназія мужская съ благороднымъ при ней Пансіономъ, уѣздныя училища: въ Климскѣ, Томскѣ, Кузнецкѣ, Семипалатинскѣ, приходскія во всѣхъ окружныхъ и заштатныхъ городахъ, 14 сельскихъ; училища для дѣвицъ въ Семипалатинскѣ, Клинскѣ, Томскѣ и Барнаулѣ. Открывается на капиталъ пожертвованный Комерціи Совѣтникомъ Поповымъ Томская женская гимназія. Довольно ли этого, для богатой Томской губерніи, гдѣ самые крестные пользуются сытостью и благосостояніемъ неизвѣстными даже южнымъ округамъ Тобольской губерніи, гдѣ Томскъ слыветъ „коноводомъ“ сибирскихъ милліоновъ?

Вообще и въ нынѣшнее время (до 1 января 1864 года) число воспитанниковъ въ Томской гимназіи все вертится около этой цифры 150. Число учениковъ и ученицъ въ уѣздныхъ, приходскихъ и женскихъ училищахъ совершенно ничтожно, далеко не доходитъ и до 100! Тѣмъ же самымъ непостижимымъ убожествомъ отличаются и всѣ учебныя пособія. Въ гимназической библіотекѣ, по второму отчету директора училищъ къ 1862 году было только 874 книги; въ физическомъ кабинетѣ разныхъ инструментовъ 288, да и тѣ, говоритъ онъ „большею частью попорчены“ и, какъ онъ замѣчаетъ

дальше, „остаются безъ всякаго приложенія!“ Наконецъ въ такой губерніи, какова Томская, т. е. минералогической по преимуществу, въ которой сокровищница рудоноснаго и еще доселѣ малоизслѣдованнаго Алтая удивился въ бытность его здѣсь въ 1829 году самъ великій минералогъ Гумбольдтъ, творецъ „космоса“ только 1885 штуфовъ въ рудномъ кабинетѣ губернской гимназіи; тогда какъ вообще въ сибирскихъ гимназіяхъ слѣдовало бы хлопотать не о Корнеліи Непотѣ либо Виргиліи, не о латинскомъ краснорѣчїи, а о томъ, чтобы выходили изъ сѣхъ высшихъ здѣсь гражданскихъ учебныхъ заведеній (за неимѣніемъ даже Лицея не говоря уже объ Университетѣ) молодые люди знающіе хорошо край въ его физическихъ проявленіяхъ, свойство почвы, минералогическія породы; „Какъ ни ограничено число книгъ въ нашихъ библіотекахъ,“ говоритъ дальше своемъ отчетѣ директоръ училищъ „но онѣ могли бы еще удовлетворить любознательности, если бы отвѣчали цѣли и не были бы почти на половину разрознены!...Есть такія книги, которыя только по напрасну бременятъ собою библіотеку, а у другихъ не достаетъ или начала, или середины, или конца! „И въ заключеніе, онъ говоритъ:“ что всѣ учебныя заведенія Томской дерекціи имѣли экономическаго капитала 17,388 р. 24 к. с! „Въ Томскѣ иной ставить на карту вдвое больше! Въ заключеніе скажемъ, что если и Тобольская гимназія, не взирая на свое старѣйшинство среди учебныхъ заведеній сибирскихъ, еще и доселѣ далеко не въ удовлетворительномъ положеніи, то Томская, не имѣвшая доселѣ своего дома, а кое какъ размѣщающаяся по наемнымъ (нынѣ лишь, строится для нея казенное зданіе), съ скуднымъ капиталомъ, безъ учебныхъ пособій, просто живетъ со дня на день....

Сверхъ сего, именуемаго у насъ, по нашему рускому обычаю лукавить словами, „разсадника просвѣщенія“

есть еще и другія равносильныя ему семинаріи какъ и всѣ. Дѣтскій пріютъ, содержимый миллионеромъ-золотопромышленникомъ И. Д. Асташевымъ, лишь одинъ хоть по цѣли соответствуетъ своему назначенію. Онъ открытъ 21 мая 1814 года подъ названіемъ „Маринскаго“ и въ немъ среднимъ числомъ содержатся до 100 дѣтей; сверхъ того существуютъ: „ночлежное отдѣленіе;“ далѣе, училище Военнаго Вѣдомства и школы Томскаго городского Казачьяго полка. Томскъ имѣетъ тоже банкъ подъ громкимъ названіемъ „Сибирскаго Общественнаго банка!“ Подумаешь, онъ основанъ и предназначенъ подать руку помощи всей Сибири, а надѣлъ выходитъ по его же „отчету“ что весь оборотный капиталъ его простирается лишь до 427,711 р. 2 $\frac{1}{4}$ к. с., изъ коихъ дѣйствительно обращалось лишь 271,985 р. 25 $\frac{1}{2}$ к. с. остальные же „просроченные по разнымъ займамъ дохода не приносили, ибо проценты отъ нихъ остаются въ недоимкѣ!“ Была еще, во времена прогресса, „воскресная школа.“ Однимъ словомъ, Томскъ не смотря на то, что его считаютъ богатымъ городомъ, весь еще въ будущности! Историческаго прошедшаго, какъ у Тобольска, у него нѣтъ. Внѣшностью онъ чище и удобнѣе расположенъ, нежели Тобольскъ, но далеко уступаетъ Омску. Впрочемъ мѣстность его картинна, съ зеркальной Томью и обрамляющими ее горами, послѣдними отрогами Алтая. Изъ 3526 Томскихъ мѣщанъ, показанныхъ по 10-й ревизіи, торговлей и промыслами занимаются (по отчету губернатора за 1862 годъ) 573, да земледѣліемъ 50; вся жъ осталая масса ходитъ по паспортамъ либо въ Имперіи, либо по Сибири! Это такое же кочующее племя какъ и Тюменцы; оно пополняется ежегодно ссыльно-поселенцами, или, что еще хуже, мѣщанами, удаляемыми изъ Россіи въ Сибирь за дурное поведеніе по общественнымъ приговорамъ? Въ сословіи купеческомъ есть, конечно, нѣсколько бо-

гачей, но общаго уравнительнаго распредѣленія среднихъ капиталовъ нѣтъ. Изъ старинныхъ Сибирскихъ торговыхъ домовъ немногіе уцѣлѣли въ водоворотѣ откуповъ и золотопромышленности: ихъ надо теперь искать въ Иркутскѣ. Городскіе доходы Томска простирались до 79,699 р. 20 $\frac{1}{4}$ к. с., а расходы возвысились до 80,951 р. 9 к. с. Въ 1857 г. доходовъ было лишь 18,893 р. 49 $\frac{3}{4}$ к. с. а расходовъ 23,969 р. 79 $\frac{1}{4}$ к. с. Въ теченіи истекшихъ 6 лѣтъ предприняты многія общественныя постройки, планировка улицъ—(которыя однако всѣ немощены), утрामбовка окрестныхъ дорогъ. Чтожъ касается общественной жизни, то тутъ много не распространишься. Есть, какъ и во всѣхъ губернскихъ городахъ, „благородное собраніе“ (хотя поземельнаго дворянства въ Сибири никогда не бывало). Есть и театръ, можно себѣ вообразить какой и съ какими актерами! Публичной библіотеки нѣтъ, книжной лавки и подавно, да и аптека вольная одна! Губернская тюрьма, большое каменное зданіе, дурно расположенное всегда переполнена арестантами, такъ какъ и здѣсь проходятъ въ глубь Сибири еженедѣльные партіи ссыльныхъ.

Спору нѣтъ, Томску предстоитъ блестящая будущность. Уже открыта въ немъ телеграфная станція и телеграфная проволока пошла изъ него въ самую глубь Сибири на Амуръ, а оттуда подводнымъ канатомъ до Америки. Уже сбывается мысль о желѣзной дорогѣ между Пермью и Тюменью. Сознаніе о необходимости Университета для Сибири уже осуществляется въ предложеніи, сдѣланномъ въ маѣ 1863 года Енисейскимъ миллионеромъ М. К. Сидоровымъ. Стало быть, есть вѣроятіе и для болѣе быстраго развитія Сибири. А какъ не желать этого для великой колоніи, которой Россія еще цѣны до сихъ поръ не знаетъ!

ГЛАВА XIII.

МАРИНСКЪ.—ЗОЛОТЫЕ ПРИСКИ.

Томскъ и всѣ города его губерніи не имѣютъ никакого историческаго прошедшаго. Жизнь ихъ сложилась случайно, по видамъ административнымъ, стратегическимъ, торговымъ или промышленнымъ. Томскъ и Маринскъ (бывшая извѣстная торговая Кійская слобода) приняли направленіе торговое транзитное, а послѣдній сдѣлался въ недавніе годы и центромъ золотопромышленной системы; Каинскъ, Колывань—скотоводные и хлѣбные центры края; Нарымъ—рыбная кладовая; Бійскъ и Кузнецкъ, промышленяютъ медомъ и хмѣлемъ, звѣремъ и пограничной мѣной; наконецъ Барнаулъ—черный городъ. Самый Томскъ предназначенъ только къ великой будущности лишь при условіи открытія въ немъ административно-торговаго центра всего отъ Уральскаго хребта до устья Амура. Но что даетъ преимущество Томской губерніи предъ Тобольскою—это ея природа. Замкнутая съ сѣвера Тобольскою и Енисейскою губерніями, она вся жметъ къ предгорьямъ Алтая; а извѣстное дѣло, что Алтай привелъ въ восхищеніе даже Гумбольдта, видѣвшаго Кордильеры и Анды! Самыя окрестности Томска гораздо лучше, нежели мѣстность Тобольска и Омска. Раскинутый по берегу Томи на двухъ горахъ, онъ очень эффектенъ, съ какой бы вы

точки на него ни смотрѣли. Здѣсь эта рѣка имѣетъ до 300 саженой ширины. Окаймленная кое гдѣ густымъ и рассѣдистымъ тальникомъ, она (по свойству всѣхъ горныхъ рѣкъ) быстро катитъ свои хрустальныя воды, бѣшено ударяясь у верхняго перевоза о выступъ горы, нагромодившей тутъ свои бѣлѣющіеся, накаленные солнечными лучами камни, изъ разсѣлинъ которыхъ торчатъ бальзамическія пихты. Вдали синѣетъ кряжъ Томскихъ горъ, одинъ изъ самыхъ выдвинутыхъ къ сѣверу отроговъ Алтая.

Маринскій округъ граничитъ съ сѣвера и запада съ Томскимъ, съ востока съ Кузнецкимъ округами, а съ юга съ Ачинскимъ округомъ Енисейской губерніи. На приблизительномъ пространствѣ 45,000 квадр. верстъ онъ населенъ покуда лишь 54,320 д. о. п., включая въ это число и городъ Маринскъ съ его 3213 ж. Стало быть на долю собственно сельскаго населенія въ округѣ приходится 61,107 д. о. п. (мущ. 27,381 а ж. 23,726). Округъ этотъ кажется посему малолюднымъ и почти равняется одному изъ захолустныхъ округовъ Тобольской губерніи: Туринскому съ его дремучей тайгой, глухимъ историческимъ Пелымомъ и 50,256 ж; но тутъ важно не число жителей, а счастливая мѣстность. Маринскій округъ раскинутъ между Томскомъ, Ачинскомъ и Кузнецкомъ; 358 верстами прорѣзываетъ его главный сибирскій почтовый трактъ изъ Москвы въ Кяхту и на Амуръ; въ сосѣдствѣ у него хлѣбные округа Томскій и Кузнецкій, транзитно-торговый Томскъ и богатая Ачинско-Чулымская плоскость Енисейской губерніи; наконецъ онъ самъ центръ цѣлой золотопромышленной системы, а его окружной городъ Маринскъ съ давнихъ поръ, когда еще былъ городомъ, уже подъ именемъ „Кійской слободы“ славился въ торговомъ мірѣ своими базарами, оборотливостью и смѣтливой своихъ жителей. Тутъ былъ перевозъ обозный меж-

ду Томскомъ и Ачинскомъ (который стоитъ почти на самой границѣ своей Енисейской и Томской губерній на главномъ почтовомъ трактѣ сибирскомъ); а когда открыли золото по системѣ Томи и Кіа съ ихъ притоками, то Кійская слобода естественно сдѣлалась центромъ найма рабочихъ на золотые прииски, сѣзда прикащиковъ и хозяевъ, пунктомъ закупа хлѣба и мяса, толкучкой всякаго рода аферистовъ, скупщиковъ, кулаковъ и торговцевъ. Впрочемъ еще за долго до золотой лихорадки сороковыхъ годовъ нашего столѣтія, когда еще о золотѣ не только здѣсь, но и въ Сибири вовсе понятія не имѣли—уже такія слободы какъ Кійская, Боготельская, Краснорѣчинская (на поэтическихъ берегахъ Чудыма и на самой границѣ Енисейской губерніи, да и на большомъ Сибирско-Московскомъ трактѣ) славились какъ мѣстные центры оживленной торговли, преимущественно сельскими произведеніями. Къ тому же, такъ какъ все пространство отъ Томска до Ачинска и далѣе къ Красноярску, издревле было хлѣбородно, то близъ Боготельской и Краснорѣчинской слободъ учреждены казною еще въ началѣ 19-го столѣтія два огромныхъ казенныхъ винокуренныхъ завода: Боготельскій и Краснорѣчинскій (построенные тогда нѣсколько вправо отъ главнаго почтоваго тракта) и которые мы сами еще въ 1828 году нашли уже въ полномъ дѣйствіи. Работы на нихъ производилсь ссыльно-каторжными. Нынѣ оба эти завода упразднены, да и самая каторжная работа отодвинута изъ Западной Сибири въ глубь сибирскаго края и замѣнена на уцѣлѣвшихъ еще винокуренныхъ казенныхъ заводахъ (Успенскомъ и Екатериненскомъ въ Тобольской губерніи) краткой обязательной работой для ссылаемыхъ въ Сибирь на поселеніе, и притомъ не иначе какъ по особому на сіи работы приговору судебному. Во всей же Западной Сибири каторжная работа осталась теперь лишь въ крѣпостяхъ на Сибирской линіи (въ Омскѣ).

До освобожденія горнозаводскихъ крестьянъ отъ обязательной приписки къ горнымъ заводамъ, большая часть сельскаго населенія Томской губерніи приписана была къ Алтайскимъ (Колывано-Воскресенскимъ) горнымъ заводамъ, вѣдомства Кабинета Его Величества. Округа: Томскій, въ маломъ впрочемъ числѣ (17,781 м. и 18,468 ж.), Барнаульскій, Кузнецкій и Бійскій (сіи послѣдніе исключительно) были наполнены заводскими крестьянами. Вновь учрежденный въ 1853 году Мариинскій округъ былъ и прежде заводскимъ. Вся масса его сельскаго населенія (17,660 муш. и 16,692 ж.) состояла въ разрядѣ государственныхъ крестьянъ. Сіе населеніе дѣлится теперь административно на 10 волостей. Есть небольшое число и инородцевъ (959 м. и 928 ж.) Остатковъ въ сѣверной части округа, прилегающей къ Нарымскому (Тогурскому) отдѣленію сосѣдняго Томскаго. Ссылно-поселенцевъ приписныхъ къ волостямъ, считалось по 10-й ревизіи муш. 7921, женщ. 5358. Но въ сущности это населеніе подвижное. Осѣдность его, какъ извѣстно, не простирается далѣе „кукушкина дня“ т. е. весны—когда зеленая тайга, теплый воздухъ и беззаботная поднебесная жизнь неодолимо тянутъ ссыльнаго.... Замѣтимъ при семъ, что общее мнѣніе, будто ссыльные „бѣгутъ въ Россію“ совершенно лишено всякаго основанія. Изъ огромной массы ссыльныхъ, находящихся нынѣ въ Сибири, врядъ ли одна треть изъ хорошихъ по климату и сытыхъ внутреннихъ губерній (подъ именемъ „внутреннихъ“ законодательно и административно, разумѣется въ Сибири вся Россія за чертой Тобольской губерніи), съ юга, изъ черноземныхъ и т. д. Притомъ большинство ссыльныхъ прежде составляли дворовые люди и крѣпостные крестьяне. Истощенныя мѣстности Россіи имъ слишкомъ хорошо извѣстны были по горькому опыту, чтобы они задумали добровольно въ нихъ воротиться! фактическое доказа-

тельство сему дали недавніе манифесты, съ 1837 года по 1856 включительно (путешествіе Государя въ Западную Сибирь, бракосочетаніе его, восшествіе на престолъ, коронація). Изъ всей массы прощенныхъ и десятая доля не воротилась на родину; а многіе, побывавши изъ любопытства въ Россіи, повидавшись съ родными, не только возвращались добровольно въ Сибирь, но и сманивали сюда и своихъ присныхъ! Были даже политическіе преступники, не только добровольно оставшіеся жить въ Сибири, но и возвратившіеся сюда изъ Россіи, предпочитая вѣрное и прибыльное занятіе здѣсь, обеспечивающее въ будущемъ, невѣрностямъ искательствъ тамъ, гдѣ уже въ теченіи 30 лѣтъ родились новыя поколѣнія съ иными взглядами на жизнь, съ иными требованіями и надеждами. Ссылка есть тоже самое, что и легенда о пустынныхъ, проспавшемъ сто лѣтъ, хотя и не подъ сладостное пѣніе райской птички.

Ссылные бѣгутъ отъ того, что они развратились уже, пока шли по этапамъ въ партіи изъ Россіи въ Сибирь. Сверхъ сего, такъ какъ ихъ не сортируютъ въ Тобольскомъ Приказѣ о ссылныхъ логически и разумно, а посылаютъ Херсонскаго степняка въ дремучую тайгу Туринскую, Вятскаго лѣстника въ Барабинскую степь, одесскаго матроса въ курганъ, камердинера въ Пелымъ, ловара въ Березовъ; такъ какъ прятать, по приходѣ на мѣсто въ волость, земскіе чинивники объ нихъ не заботятся, а Волостныя Правленія и подавно—то поголодовавъ мѣсяць-другой, видѣвши что и украсть опасно и работа не привычна и несподручна—ссылный бѣжитъ. . . . то есть не бѣжитъ буквально, а просто идетъ куда глаза глядятъ придерживаясь большею частью главнаго сибирскаго почтоваго тракта, чтобы незаблудиться и потому, что около тракту сытнѣе и людиѣе. Въ 35-ти лѣтнія странствованія наши по громадной Сиби-

ри, отъ предгорій Урала до Амура — намъ никогда не случалось видать ссылнаго, идущаго въ глубь Сибири; всегда пробирается онъ по ихнему выраженію „внизъ“, разумѣя подъ этимъ внутреннія губерніи. Даже здѣсь въ Маріинскомъ округѣ, и еще болѣе въ Восточной Сибири ссылные на золотыхъ пріискахъ работающіе истинное божеское наказаніе для хозяевъ, управляющихъ, прикащиковъ, для всѣхъ кто имѣетъ съ ними дѣло! Но взирая на всѣ строгости надзора за ними на мѣстахъ разработки золото-содержащихъ песковъ, ограниченіе воли и водки, картъ и разврата; не взирая на всю административную іерархію въ теченіи послѣднихъ 30 лѣтъ постепенно для золотыхъ пріисковъ специально-изданную (горныхъ ревизоровъ и исправниковъ, жандармскихъ штабъ-офицеровъ, казачьихъ командъ); не взирая на Военно судныя Коммиссіи и строгіе законы исключительно для преступленій, учиняемыхъ ссылными; не взирая наконецъ и на всѣ льготы, предоставляемыя родомъ ихъ работъ (хорошую задѣльную плату, съ стараньемъ, т. е. съ весеннею работою, приносящую немалый барышъ, сытую пищу, тепло построекъ)—эти „дѣти тайги“ всегда готовы надуть—взять хоть напрымъ здѣсь въ Маріинскѣ задатокъ и бѣжать прямо изъ городскаго кабака, потомъ красть золото на пріискѣ по авосьной поговоркѣ ссылнаго что коли попадемъся то отдуваться есть кому,—на то „спина казѣнная!“

Рѣка Кія, на которой и построенъ окружной городъ Маріинскъ (большая Кійская слобода) течетъ съ сѣверной покатости Абаканскихъ горъ, отрога Алатау. Съ верховья своего въ самомъ углу Маріинскаго округа, гдѣ сходятся округа Кузнецкій и Ачинскій, протекаетъ она болѣе 300 верстъ по округамъ Маріинскому и Томскому (составляя у села Пышкина-Троицкаго естественную между ними границу), и наконецъ впадаетъ въ рѣку Чулымъ при селѣ Зырянскомъ (Маріинскаго округа).

Ширина ея отъ 50 до 10 сажень, глубина индѣ отъ 5 до 7 аршинъ; теченіе сначала быстрое, горное но чѣмъ ближе къ устью, тѣмъ медленнѣе; вода прозрачна. Кромѣ обычной мелкой рыбы — попадають въ Кіѣ: осетры, стерляди, нельма и форель. Кіѣ узелъ золотопромышленной Маріинской системы. Въ нее впадаетъ до 17 рѣчекъ, изъ коихъ замѣчательны: Золотой Китатъ, Барсасъ и Алгедатъ) оба кожуха, Ташновка, Антибось, Берюкуль, Тежинка, Талагель. Долина Кіѣ болотиста, покрыта множествомъ мелкихъ озеръ и старицъ (т. е. водоемовъ соединяющихся протоками съ рѣкой), ручьевъ и ключей. Все это въ верховьяхъ Кіѣ, если взять вправо отъ главнаго сибирскаго тракта по направленію изъ Москвы въ Иркутскъ, лежитъ въ дремучей тайгѣ, отрасли такъ называемой „Кузнецкой черни“, гдѣ болѣею частью колесная ѣзда невозможна (за исключеніемъ ближнихъ къ селеніямъ и главному почтовому тракту золотыхъ пріисковъ); пробирается путникъ верхомъ, сквозь зеленныя массы кедра, пихты, ели, лиственницы и другихъ хвойныхъ породъ, переѣзжаетъ вплавь быстрыя горныя рѣчки и ручьи, стремительно журчащіе по каменистому дну; едва выпутывается изъ сѣти трясинъ, болотъ, зибуновъ и старицъ. Золото не только здѣсь, но и болѣею частью вездѣ въ Сибири даромъ не достается..... Притомъ же въ нынѣшнія времена уже прошли баснословныя и распашныя года прежней таежной жизни! Поджались и самые капиталисты, истощаются лучшіе по количеству добываемаго золота пріиски; мѣщанскіе окладовъ служащимъ по 5, 7, 10 тысячъ цѣлковыхъ въ годъ на всемъ готовомъ содержаніи уже нигдѣ нѣтъ; угощенія на счетъ хозяйскій, давно вывелись. Было конечно время, что у золотопромышленниковъ отъ всего наживались люди — даже отъ потачки ихъ безобразнымъ выходкамъ... Теперь уже не то; съ истощеніемъ миллионовъ затихла и оргія.....

^{Зимн. 29/1}
Крестьяне Маріинскаго округа вообще живутъ очень зажиточно и конечно есть отъ чего. Въ Томскѣ и на золотые пріиски здѣшней системы, всѣ сельскія произведенія, хлѣбъ, скотъ, масло, крупа, овесъ, всегда выгодно сбываются. Колоніи находящіяся на главномъ почтово-обозномъ Иркутско Кяхтинскимъ тракѣ изъ Москвы (на пространствѣ 352 верстъ), получаютъ много выгодъ отъ содержанія постоянныхъ дворовъ, ямщины (ибо Томскіе и Маріинскіе ямщики, не уступая Барабинскимъ и Тюменскимъ) продажи овса и сѣна. Почва тутъ черноземъ, въ особенности между рѣками Кіемъ и Чулымомъ, не требующая большихъ удобреній. Въ лѣсистой части округа, кромѣ звѣроловства и продажи дичи, сельскіе жители дѣлаютъ колеса, сани, строятъ суда на Чулымѣ и по притокамъ Томи, сплавляютъ строевой лѣсъ. Прежде на золотые пріиски въ Сибири нанимали преимущественно ссыльно поселенцевъ. Мѣщане и крестьяне (въ особенности первые изъ амбиціи, а послѣдніе отъ неохоты разставаться съ домомъ и хозяйствомъ) туго шли на разработки. Но въ послѣдніе годы, неурожаи и развитіе золотопромышленности подняли цѣны на всѣ жизненные припасы, и расшевелили мѣщанъ (прежде все глядѣвшіе въ служащіе по пріискамъ, а не въ простые промысловыя и рабочіе); стали ходить и крестьяне, даже потянулись на промыслы мѣщане и крестьяне изъ Россіи. Впрочемъ они извлекаютъ немного выгоды отъ найма въ работы на золотыхъ пріискахъ. Получивъ хотя 15 р. с. въ мѣсяцъ (а это *maximum* платы, которая рѣдко дается, развѣ пріискъ очень богатъ золотосодержащими песками), за рабочее время съ Мая по Октябрь немного принесетъ онъ домой. Одежда, бѣлье и обувь скоро въ этихъ тяжелыхъ работахъ носится (есть работы болотистыя, либо въ вязко-глинистой почвѣ), искушеній на пути туда и обратно много, да и при самомъ наймѣ ихъ не

мало; наемъ на золотые прииски и доселѣ очень похожъ на знаменитую „вербунку“ въ древней Польшѣ, когда вербовщики зазывая въ корчму свою жертву, обѣщали ей по словамъ, извѣстной польской пѣсни „ѣду корки съ масломъ, питье водки *ad libitum* и щегольской нарядъ весь въ золоты!“ Рѣдкій приноситъ домой лишнюю деньгу; даже и для служащихъ прошли блаженные времена наживанья! Мы сами помнимъ, какъ 20 лѣтъ тому назадъ жили да поживали управляющіе могучихъ компаній. Съ 12 часовъ утра до глубокой ночи, былъ ежедневный пиръ на весь міръ (разумѣется зимой, когда эти господа выѣзжали изъ тайги въ городъ), столы въ залѣ ломились подъ питіями, начиная съ ерофеича и заканчивая въ шампанскимъ во льду. Хотя золото и не гребли еще лопатами въ тайгѣ, но уже бросали его пригоршнями полумперіаловъ въ городъ, дорогой, на приискѣ. И въ этомъ Вальтасаровскомъ пиру участвовали не одни званные да избранные, а вся таежная Сибирь, отъ ссыльно-поселенца, расхаживавшаго по городу въ парчевой курткѣ и парчевыхъ шароварахъ (бухвально такъ) до какого нибудь Коммерціи Совѣтника, котораго городскія власти встрѣчали на перевозѣ, на дворѣ почтовой конторы, или у крыльца квартиры въ мундирахъ со страхомъ и трепетомъ пуще Генераль-Губернатора, потому что онъ былъ „золотое могущество“, которое имѣло силу не только въ Омскѣ и въ Иркутскѣ, но и въ Петербургѣ. Теперь уже далеко не то. Присмирѣли.....

Маріинскъ названъ окружнымъ городомъ Томской губерніи въ 1853 году. Онъ построенъ на довольно крутомъ берегу рѣки Кія по сю сторону сибирскаго главнаго почтоваго тракта, когда ѣдешь изъ Томска. Въ немъ 2 каменныхъ церкви, 488 домовъ (всѣ деревянные) и 1 каменная кладовая для Окружнаго Казначейства, 1 приходское училище для мальчиковъ (уѣзднаго

пока нѣтъ) и гостинный дворъ съ 30 лавками. Вотъ и все. Городское общество составляютъ: почетные граждане (5 муж. и 2 женщ.) купцы (106 муж. и 67 женщ.), изъ коихъ по 1 гильдіи 1 капиталъ, а по 2-ой уже 37, даромъ что городъ недавный; да 978 мѣщанъ (муж. 526 а женщ. 452). Сверхъ того въ округѣ торгующихъ по свидѣтельствамъ 4, да прикащиковъ въ городѣ и округѣ 98. Значитъ торговля порядочно развита, да и не можетъ быть иначе; ибо тутъ центръ золотопромышленной Маріинской системы, главный Кяхтенскій обозный трактъ, закупъ и сбытъ всякаго роду. Отъ этого видъ Маріинскаго базара очень оживленъ. Тутъ встрѣчаешься, въ первый разъ въ Сибири, съ сибирскимъ медомъ изъ Бійска и Кузнецка (ароматъ и вкусъ превосходные), съ сибирскимъ хмѣлемъ (неуступающимъ русскому) и табакомъ; того и другаго много разводятъ въ Кузнецкомъ и Бійскомъ же округахъ, гдѣ у предгорій Алтая климатъ напоминаетъ лучшія мѣстности Малороссіи. Открытіе окружнаго города въ Кійской слободѣ было мѣрой вполне разумной и логичной; потому что на пространствѣ 358 верстъ отъ Томска до границы Енисейской губерніи (у города Ачинска) необходимо было имѣть административный центръ. Къ тому же, Томскій округъ своей обширностью (онъ простирался до Ачинска, Алтая и Березовскихъ пустынь!) превосходилъ размѣры всѣхъ другихъ сибирскихъ округовъ и естественно долженъ былъ раздѣлиться на двое. Доходы города Маріинска покуда самые ничтожные (2212 р. 8¼ к. с. по смѣтѣ 1862 г.).

На Маріинскую систему золотыхъ промысловъ есть двѣ дороги: изъ села Ишимскаго въ 87 верстахъ отъ города, поднимаясь вверхъ по теченію рѣки золотого Китата и изъ самаго Маріинска тоже вверхъ по теченію Кіи. На Китатѣ и Кіи съ ихъ рѣчками разбросаны всѣ почти прииски, достигая самаго отдаленнаго угла

округа у соединенія Кузнецкой черни съ отрогами Саянскаго хребта въ Енисейской губерніи. Но что такое золото-промышленность Сибири, почему она не оправдала общихъ ожиданій и не сдѣлалась Калифорніей либо Австраліей для Россіи? точно ли Сибирь бѣдна золотомъ или къ развитію этого промысла необходимо приложить другіе законодательныя мѣры съ болѣе широкимъ взглядомъ и съ совершенной свободой дѣйствій? По этимъ вопросамъ являются самыя разнорѣчивыя мнѣнія. Одни—скажемъ откровенно—боятся быстраго развитія Сибири, боятся ея богатства и просвѣщенія; имъ все мерещится страшилище сепаратизма и русскіе соединенные Штаты отъ Уральскаго хребта до Восточнаго Океана..... Другіе напротивъ,—благоразумно полагаютъ, что въ богатствѣ и просвѣщеніи этого громаднаго края, прилегающаго къ крайнему Востоку, залогъ богатства и всякихъ преуспѣній для самой Россіи; всегда вѣрный рынокъ для ея мануфактуръ, кусокъ хлѣба и занятія для переполненныхъ народомъ русскихъ губерній, неистощимая запасная кладовая для государственнаго казначейства. Право искать золото, да и вообще всѣ другіе драгоцѣнные металы (серебро, платину) считалось издревле регаліей и составляло монополію казны. Въ послѣдствіи времени (уже въ 19-омъ столѣтіи) оно сдѣлалось исключительно принадлежностью Кабинета Его Величества. Лишь съ 1811 года начинаютъ разрѣшать уральскимъ горнозаводчикамъ искать золото, но только въ „своихъ заводскихъ дачахъ“, а въ 1813 году уже начинается разработка такъ называемаго разсыпнаго золота, т. е. промываемаго изъ разнаго или болѣею частью прирѣчнаго песка. Въ 1826, 1827, 1828 и 1829 годахъ, когда золото стало уже обнаруживаться не только на Уралѣ но и въ Сибири, разрѣшеніе искать его и промывать давалось лишь весьма немногимъ, да и то не иначе, какъ съ Высочай-

шаго каждый разъ разрѣшенія и въ видѣ особыхъ привилегій. Наконецъ, съ 1839 года разрѣшаютъ искать и добывать золото всѣмъ потѣственнымъ дворянамъ и купцамъ 1 и 2 гильдіи. Теперь вотъ кто добываетъ золото: 1) Казна исключительно на Уралѣ. 2). Кабинетъ Его Величества, въ районѣ своихъ заводовъ (Алтайскихъ и Нерчинскихъ). 3). Горн. заводчики на своихъ земляхъ, принадлежащихъ имъ на владѣльческомъ либо посессиономъ правѣ. И 4). Частныя лица, на земляхъ казенныхъ и общественныхъ разныхъ наименованій.

1. Казенная разработка золотоносныхъ россыпей находится исключительно въ районѣ Уральскихъ заводовъ, въ горныхъ округахъ: екатеринбургскомъ, златоустовскомъ, гороблагодатскомъ и богословскомъ. Завѣдуетъ имъ Уральское горное Правленіе (находящееся въ городѣ Екатеринбургѣ) подъ высшимъ начальствомъ „Главнаго Начальника заводовъ хребта Уральского“. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что въ 1861 году разработки золотоносныхъ россыпей въ гороблагодатскомъ горномъ округѣ прекращена какъ не приносящая уже казнѣ никакой прибыли и россыпи сіи предоставлены частнымъ лицамъ. За симъ, добыча золота производится преимущественно съ россыпей: минскихъ, кумейскихъ и турьинскихъ, разрабатываемыхъ мѣстными горными округами по штатамъ и основному рабочему положенію 11 Мая 1847 года. Березовскіе же золотые промыслы (которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать съ Березовскимъ округомъ Тобольской губерніи, уже въ границахъ Сибири) нынѣ совершенно истощились. Въ 1860 году, они дали казнѣ только 5 ф. 22 зол. и 68 дол. золота. Издержки добыванія для казны огромныя. Уральское казенное золото несетъ на себѣ вотъ какія тягости. По „накладнымъ“ расходамъ: содержаніе мѣстнаго заводскаго управленія (съ большимъ числомъ горныхъ инженеровъ, класныхъ чиновниковъ, кондукторовъ, урядниковъ раз-

ныхъ статей и проч.), канцелярій (главныхъ и мѣстныхъ конторъ), церквей, школъ, госпиталей и аптекъ; потомъ въ отношеніи мастеровыхъ—ихъ обмундировку и содержаніе, равнымъ образомъ содержаніе сторожей и рассыльныхъ, отопленіе и освѣщеніе всѣхъ зданій заводскаго управленія, провіантъ нижнимъ и рабочимъ чинамъ и наконецъ всякаго рода казенныя смѣты, такъ называемые непредвидимые расходы! „Цѣховые“ расходы составляютъ: задѣльная плата рабочимъ людямъ, ихъ провіантъ, содержаніе казенныхъ лошадей, всѣ припасы и инструменты, сплавка золота въ штыки и наконецъ преміи за находимые рабочими золотые самородки! Удивительно ли послѣ этого, что по казеннымъ Уральскимъ заводамъ: всѣ неимоверныя хлопоты, труды и издержки съ громаднымъ управленіемъ и не менѣе громаднымъ дѣлопроизводствомъ давали и даютъ доселѣ только 5% чистыхъ, или говоря вразумительнѣе 5 копѣекъ на рубль! Понятно послѣ этого, что и добыча золота никогда не могла и не можетъ развиваться сильно, при подобной обстановкѣ и при такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ. Вотъ нынѣшнее нормальное количество ежегодной добычи золота, цѣна на которую должна обходиться добыча одного золотника и общая сумма накладныхъ и цѣховыхъ расходовъ, назначаемая „Положеніемъ“ 11 мая 1847 года.

Количество золота: Цѣн. доб. 1 зол. Сум. расход.

пуд. фунт. руб. коп. рубли коп. сер.

Въ горномъ округѣ

Екатеренбургскомъ: 24—36⁵/₉₆ . 1—77³/₄ . 236,521—26.

Златоустовскомъ: . 49—34²²/₉₆ . „—90 . . 172,301—10.

Гороблагодатскомъ: 15—13²²/₉₆ . 1—79 . . 105,441—74.

Богословскомъ: . . 40—10⁶³/₉₆ . 1—22¹/₄ . 189.033—95¹/₄.

А всего . . . 140—4²⁸/₉₆ . „— „ . . 703,298—35¹/₄.

Сначала разработки золотоносныхъ песковъ на Уралѣ до времени открытія золотыхъ россыпей въ Сибирѣ, а именно съ 1814 по 1829 годъ, казенные горные Уральскіе заводы добыли слѣдующее количество золота:

	пуд.	фун.	зол.	доли.
Въ 1814 году добыто первоначальн	16	—	3	— 44 — “
1815.	14	—	9	— 5 — ”
1816	15	—	31	— 82 — ”
1817	18	—	7	— 4 — ”
1818	16	—	26	— 49 — ”
1819	13	—	31	— 92 — ”
1820	18	—	15	— 74 — ”
1821	20	—	18	— 55 — ”
1822	23	—	2	— 17 — ”
1823	36	—	16	— 61 — ”
1824	53	—	14	— 15 — ”
1825	65	—	29	— 52 — 48
1826	69	—	25	— 37 — 60
1827	89	—	22	— 72 — 45
1828	86	—	39	— 80 — ”
И въ 1829 году.	100	—	9	— 86 — 24

А всего въ 15 лѣтъ . . 660 — 27 — 58 — 81

Это золото такъ называемое „лигатурное“ то-есть сплавленное и заключающее въ себѣ еще нѣкоторую примѣсь серебра. То же золото, которое добывается промывкою непосредственно изъ мѣсторожденій (песковъ) называется „шлиховымъ“. Все это общее количество золота составляло по передѣльнымъ цѣнамъ (золото по 3 р. 55⁵/₉ к. с. а серебро по 23¹⁹/₂₇ к. с. за 1 золотникъ) 8,741,862 р. п 80¹/₂ к. с. Подъ именемъ передѣльной цѣны разумѣемъ мы здѣсь ту, въ которой всякій металлъ выпускается у насъ въ Россіи въ мо-

нетъ. Надо пояснить, что цѣна золота отъ передѣлки его въ монету ничемъ не увеличивается въ сравненіи съ цѣною его въ слиткахъ; а потому всякій напимѣръ вольный приноситель на Монетный Дворъ золота не въ монетъ получаетъ за каждый золотникъ чистаго золота ту же передѣльную цѣну онаго, т. е. по 3—55 к. с. монетой.

Въ 1830 году, когда на Уралъ было обращено большее вниманіе Цравительства и произведены нѣкоторыя самонужнѣйшія реформы въ мѣстныхъ распорядахъ (т. е. при лучшемъ надзорѣ за работами, болѣе строгомъ контролѣ и проч.) и по 1845 годъ включительно, въ тотъ же періодъ 16 новыхъ лѣтъ, добыча золота уже значительно усиливается. Въ этотъ періодъ, добыто лигатурнаго золота 2,234—31—25—12 (среднимъ числомъ въ годъ 139—1—91—54³/₄). Эти среднія цифры ежегодной добычи золота и приняты были за основаніе для опредѣленія въ рабочемъ „Положеніи 1847 года“, нормальныхъ количествъ ежегодной добычи золота; но вслѣдствіе быстрого обѣднѣнія розсыпей (а можетъ быть и отъ обычнаго казнѣ хозяйствованія) норма эта не достигается. Съ 1846 по 1858 годъ включительно добыто лигатурнаго золота 1,702 пуда, 3 фунта съ золотниками, среднимъ числомъ въ годъ лишь 130 пудъ, 37 ф., 16 золотн., 12³/₄ дол.

Но въ слѣдовавшіе за 1858 годомъ добыча золота на Уральскихъ заводахъ не могла достигнуть даже средней нормы сихъ 13 лѣтъ (130 пуд.), не говоря уже о нормѣ обязательной по урочному „Положенію“ 1847 года (140 пуд.). Чрезвычайная дороговизна провіанта и всѣхъ вообще жизненныхъ припасовъ на Уралѣ, видимое истощеніе розсыпей — вотъ тому ближнія причины. Конечно добрую долю ослабленія казеннаго золотаго промысла можно отдать и извѣстному всѣмъ „казенному хозяйству!“ Поисковыя партіи ходятъ все лѣто не сп-

стематически, развѣдки производятся для очищенія совѣсти, наконецъ и неизбежная кража золота, то же не послѣднія причины. Какъ бы то ни было:

	пуд.	фунт.	зол.	долей.
Въ 1859 году, добыто золо-				
та уже только	105	— 31	— 42	— „
1860	107	— 28	— 57	— „
1861 г. } опубликованныхъ свѣдѣній нѣтъ, но по				
1862 г. } частнымъ было то же 100 пуд.				

А всего съ начала разработки золотоносныхъ песковъ, т. е. съ 1814 по 1860 г. включительно, добыто Уральскими казенными заводами лигатурнаго золота. 4,801 — 2 — 8 — 68
Сумма этого золота доходитъ до 63,524,875 р. и 25 к. с. по передѣльнымъ цѣнамъ.

2. Второе мѣсто въ разработкахъ золотоносныхъ розсыпей казенными людьми, принадлежитъ Алтайскимъ и Нерчинскимъ горнымъ заводамъ, которые съ 27 мая 1855 года, переданы изъ Министерства Финансовъ въ вѣденіе Кабинета Его Величества. До 1 января 1864 года, Алтайскими заводами управлялъ Томскій гражданскій губернаторъ, соединявшій въ себѣ и званіе „Главнаго Начальника“ оныхъ. Но съ прекращеніемъ обязательныхъ отношеній бывшихъ горно-заводскихъ крестьянъ къ горному вѣдомству и съ обращеніемъ ихъ въ общую массу сельскаго населенія, должность Томскаго гражданскаго губернатора отдѣлена отъ должности главнаго начальника Алтайскихъ заводовъ. Нерчинскіе же заводы управляются „Горнымъ Начальникомъ“ подъ ближайшимъ наблюденіемъ мѣстнаго генералъ-губернатора (Восточной Сибири).

И въ этихъ обоихъ горныхъ округахъ (Алтайскомъ

и Нерчинскомъ) золото добывается согласно съ ежегодными росписаніями мѣстныхъ „горныхъ совѣтовъ“, которые соображаясь съ штатными назначеніями и дѣйствительными средствами заводовъ опредѣляютъ: сколько должно быть добыто и промыто золотоносныхъ песковъ и какая сумма необходима для расходовъ по промысловой операци. Добытое же Алтайскими и Нерчинскими заводами золото поступаетъ все на Петербургскій Монетный Дворъ для раздѣленія и передѣлки на монету и деньги за оное передаются Кабинету за включеніемъ передѣльныхъ расходовъ. Съ этого золота, никакой подати въ казну не взимается; процентная подать (натурою) съ золота добываемаго частными лицами на прискахъ Верхнеудинскаго округа Забайкальской области по указу 14 января 1835 года и по „Положенію“ Сибирскаго Комитета (27 іюля 1836 года) обращается то же въ доходъ Кабинета; но денежная горная подать (на администрацію) поступаетъ въ Государственное Казначейство.

До 1830 года золотой промыселъ въ Алтайскихъ заводахъ, ограничивался одними развѣдками россыпей тамъ открытых; но съ учрежденіемъ правильной ихъ разработки, добыто золота въ теченіи одиннадцати лѣтъ 210 пуд. 9 фунт. 62 зол. 84 дол., на сумму 2,781,789 р. и 26½ к. сер. по передѣльнымъ цѣнамъ.

Но когда открылись въ 1841 году Нерчинскіе золотыя россыпи, то ежегодная добыча золота въ обоихъ горныхъ, Алтайскомъ и Нерчинскомъ, принадлежащихъ кабинету Его Величества, усилились въ слѣдующей прогрессіи:

Въ 1842 году 37 пуд. 1843 40; 1844 47; 1845 46; 1846 58; 1847 61; 1848 64; и въ 1849 году 61. А всего въ этотъ второй періодъ—417 пудъ 32 ф. на сумму 5,528,082 р. и 1½ к. с. по передѣльнымъ цѣнамъ.

Съ 1850 года началась усиленная разработка не толь-

ко прежнихъ россыпей, но и вновь открытыхъ (извѣстныхъ Карійскихъ, на рѣкѣ Карѣ въ Нерчинскомъ горномъ округѣ). По этой причинѣ добыча золота въ обоихъ горныхъ районахъ еще усилилась:

	пуд.	фунт.	зол.	долей.
Въ 1850 году.	111	— 24	— 48	— „
1851	105	— 37	— 66	— 48
1852	110	— 2	— 84	— 32
1853	236	— 31	— 81	— 41
1854	171	— 2	— 18	— „
1855	136	— 21	— 14	— „
1856	108	— 34	— 25	— 24
1857	103	— 34	— 79	— „
1858	117	— 28	— 88	— 48
1859	104	— 36	— 70	— „
и 1860	106	— 31	— 36	— „

Авсего въ этотъ третій періодъ 1,414 — 6 — 64 — 97 на сумму 18,711,324 р. и 89½ к. с. по передѣльнымъ цѣнамъ
Всего съ начала разработки съ 1831 года по 1860 годъ вклю-

чительно, добыто въ обоихъ пуд. фун. зол. дол.
горныхъ округахъ. 2,044 — „ — 14 — 85

На сумму—27,048,048 р. и 1 к. сер.

Подать натурою съ золотыхъ присковъ Верхнеудинскаго округа (за Байкаломъ) съ 1836 по 1860 годъ включительно . 210,687 р. и 41½ к. с.

Всего доходу Кабинета отъ золота съ 1831 по 1860 годъ включительно было по передѣльнымъ цѣнамъ монетой на 27,258,735 р. и 42¼ к. с.

3. За разработкой казенно-Уральской и Кибинетско-Алтайско-Нерчинской производившимися доселѣ на Ура-

лѣ и Алтай горными служителями, а въ Нерчинскомъ районѣ (на Карѣ и Шехтамѣ) ссыльно-каторжными, присуждаемыми къ „работамъ въ рудникахъ“, слѣдуетъ непосредственно разработка золота на земляхъ частныхъ горнозаводчиковъ. Поиски и разработка золотосодержащихъ песковъ на земляхъ сихъ, предоставляются единственно владѣльцамъ; другимъ же лицамъ, не иначе какъ по добровольному съ ними условію. Сверхъ сего самимъ заводчикамъ предоставляется неограниченное право на разработку золота въ посессионныхъ лѣсахъ и прочихъ дачахъ, отмежеванныхъ къ ихъ заводскому району.

Правила частно-заводскаго золотого промысла на Уралѣ состоятъ въ слѣдующемъ: вымываемое золото и самородки должны записываться ежедневно въ шнуровую книгу, выдаваемую Горнымъ Правленіемъ за подписью Управляющаго промысломъ, прикащиковъ, штейгеровъ и уставчиковъ: золото сіе представляется въ казенную лабораторію въ Екатеринбургѣ; подать взимается съ него натурою въ слѣдующей пропорціи: съ земель владѣльческихъ 10%, съ посессионныхъ же 15%. На сихъ общихъ основаніяхъ добыча золота частными лицами на Уралѣ (начатая еще съ 1819 года) стала давать слѣдующіе результаты:

	пуд.	фунт.	зол.	дѣлей.
Въ 1819 году	н	— 17 — 13	—	н
1820	1	— 9 — 2	—	н
1821	7	— 9 — 60	—	н
1822	28	— 29 — 92	—	н
1823	69	— 10 — 5	— 48	
1824	152	— 15 — 82	—	н
1825	171	— 27 — 56	—	н
1826	161	— 23 — 4	—	н
1827	192	— 10 — 49	—	н
1828	203	— 16 — 18	—	н
1829	187	— 21 — 1	— 28	

1830	204	— 17 — 59	— 72
1831	200	— 25 — 29	— 72
1832	200	— 6 — 52	— 48
1833	199	— 22 — 46	—
1834	171	— 14 — 87	—
1835	160	— 20 — 10	—
1836	153	— 34 — 44	—
1837	151	— 14 — 31	—
1838	146	— 7 — 81	—
1839	155	— 1 — 8	—
1840	145	— 14 — 2	— 10
1841	148	— 39 — 78	—
1842	149	— 14 — 47	— 24
1843	157	— 33 — 24	—
1844	160	— 17 — 43	— 72
1845	183	— 5 — 27	— 18
1846	167	— 21 — 22	— 24
1847	170	— 37 — 90	— 70
1848	176	— 12 — 39	—
1849	170	— 8 — 88	— 37
1850	149	— 26 — 1	—
1851	152	— 16 — 28	—
1852	159	— 21 — 18	—
1853	141	— 27 — 46	—
1854	167	— 24 — 56	—
1855	181	— 8 — 79	—
1856	147	— 9 — 33	—
1857	123	— 18 — 63	— 48
1858	105	— 27 — 47	—
1859	78	— 12 — 52	—
и въ 1860 году	88	— 28 — 41	—

А всего съ 1819 по 1860 годъ

включительно добыто 6,044 — 20 — 30 — 91

Подати натурой поступило въ

казну на сумму 11,387,488 р. и 37 к. сер.

И здѣсь, какъ въ казенныхъ Уральскихъ разработкахъ, равно въ Кабинетскихъ на Алтаѣ и въ Нерчинскомъ районѣ, добыча золота въ нынѣшніе года видимо истощается; частью отъ того, что истощались уже прежнія золотыя росыпи, да и отъ того, что развѣдки производятся вяло, несистематически, безъ прежняго увлеченія, порожденнаго золотой лихорадкой тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, увлекшей невольно и казенныхъ дѣятелей, примѣромъ и соревнованіемъ. Впрочемъ широкую долю (какъ это доказывали неоднократно производимыя слѣдствія и военные суды) и у казны на Уралѣ, въ Алтаѣ и въ хребтѣ Нерчинскомъ и у частныхъ Уральскихъ заводчиковъ — имѣла „кража золота“ и мы видѣли въ описаніи Тобольской губерніи, что тамъ нерѣдко попадалась фальшивая золотая монета (особливо въ Петропавловскѣ) выше пробой нежели казенная! значить краденое золото приходилось дешево и было выгодно чеканить подобную монету, которую впрочемъ брали на расходъ средне-азійскіе караванные торговцы на Омской линіи для вывоза въ Бухарію, Хиву и Ташкентъ.

IV. Частныя лица разрабатываютъ золотоносные пески на земляхъ казенныхъ и общественныхъ (во всей Сибири, въ губерніяхъ Пермской и Оренбургской, въ Киргизской степи обоихъ вѣдомствъ: Оренбургскаго и Сибирскаго), за исключеніемъ горныхъ районовъ: Уральскаго, Алтайскаго (гдѣ впрочемъ допущены нынѣ въ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ мѣстностяхъ) и Нерчинскаго — на слѣдующихъ правилахъ: къ производству золотого промысла допускаются исключительно дворяне потомственные и личные (сіи послѣдніе не иначе однако какъ съ установленнымъ для 2-й гильдіи свидѣтельствомъ), купцы обѣихъ гильдій и крестьяне торгующіе на правахъ гильдейскихъ, Киргизскіе солдаты и другіе имѣющіе почетные чины Киргизы (кромѣ тѣхъ окру-

говъ, гдѣ они состоятъ на службѣ), чиновники служащіе въ Западной Сибири (которымъ предоставлено имѣть золотые промыслы въ Восточной Сибири), чиновники служащіе въ Восточной Сибири (съ правомъ золотопромышленности въ Западной); чиновники служащіе въ обѣихъ частяхъ Сибири по военной и гражданской частямъ, кромѣ однако служащихъ на мѣстахъ ихъ приисковъ въ главныхъ, общихъ губернскихъ и окружныхъ управленияхъ, въ земской полиціи и судебномъ вѣдомствѣ съ ихъ женами и живущими съ ними и не отдѣльными дѣтьми; наконецъ лица бѣлаго духовенства, которымъ предоставлено участвовать въ золотопромышленныхъ компаніяхъ, но не производить лично золотого промысла. Не имѣютъ права искать и разрабатывать золото (хотя бы и принадлежали къ вышеозначеннымъ категоріямъ): служащіе въ Петербургѣ при главномъ горномъ управленіи, отставленные отъ службы съ тѣмъ чтобы впредь не опредѣлять и всѣ оглашенные по суду въ предосудительныхъ поступкахъ.

Сибирскіе частныя золотые промыслы подчинены: въ Восточной Сибири тамошнему генералъ-губернатору, а въ Западной Алтайскому горному правленію и главному начальнику Алтайскихъ заводовъ. Административно же Восточная Сибирь дѣлится на 4 золотоносныхъ округа, завѣдываемыхъ каждый особымъ „Горнымъ Ревизоромъ“. Первому подчинены золотые промыслы сѣверной и южной части Енисейскаго; второму промыслы Иркутской губерніи съ округами Канскимъ (въ Енисейской губерніи) и Олексинскимъ (въ Якутской Области); третьему промыслы въ Ачинскомъ, Красноярскомъ и Минусинскомъ округахъ Енисейской губерніи; четвертому промыслы забайкальской области. Въ обѣихъ же областяхъ приамурскихъ (собственно „Амурскій“ и „Приморской Восточнаго Океана“) гдѣ нынѣ находится уже разсыпное золото, есть особый реви-

воръ при Восточномъ губернаторѣ въ Николаевскѣ. Въ западной Сибири—3 горныхъ золотыхъ округа съ особымъ въ каждомъ изъ нихъ ревизоромъ: первому подчинены золотые промыслы Маріинскаго округа (въ Томской губерніи), второму промыслы Семипалатинской области, третьему промыслы области Сибирскихъ Киргизовъ.

Производить золотой промыселъ въ Сибири, можно (кромѣ вышеизложенныхъ условій сословныхъ, служебныхъ и неподсудности) на слѣдующихъ правилахъ: сперва берется дозволительное свидѣтельство, выдаваемое разъ навсегда съ разрѣшенія Министра финансовъ или главными начальниками Уральскихъ и Алтайскихъ заводовъ, или генералъ-губернаторами обихъ частей Сибири, смотря потому, гдѣ частное лицо намѣрено заниматься золотопромышленностью. Потомъ о намѣреніи искать золото въ денной мѣстности, заявляется предварительно мѣстному Земскому суду; наконецъ заявляется вторично о найденной розсыпи, по ея обследованію; когда подъ пріискъ должны отойти пашни, сѣнокосы и другія угодыя мѣстныхъ осѣдлыхъ обывателей или кочевыхъ инородцевъ, то слѣдуетъ предварительно заключить съ ними условіе; сверхъ сего, въ Киргизской степи золотые розсыпи на земляхъ состоящихъ въ безспорномъ владѣніи аула, либо волости пріобрѣтаются по условію съ Киргизами съ вѣдома ихъ непосредственныхъ властей и съ утвержденія мѣстныхъ Военныхъ губернаторовъ. Когда пріискъ такимъ образомъ заявленъ, къ нему отводится въ полную площадь не болѣе 1 квадр. версты (250,000 квадр. саж.), при томъ такъ, чтобы длина его не превышала 5 верстъ, а ширина 100 сажень. Отводъ сей не даетъ никакого права золотопромышленнику на землю, кромѣ добычи золота и съ прекращеніемъ разработки; площадь, гдѣ она производилась возвращается казнѣ либо обществамъ по принадлежно-

сти. Сверхъ сего золотопромышленникъ не иначе можетъ приступить къ разработкѣ розсыпи, какъ по полученіи надлежащаго плана съ межевымъ журналомъ на отведенную ему площадь. Наконецъ, по полученіи того и другаго, онъ обязанъ добывать и промывать золотоноснаго песку въ теченіи каждаго 2-хъ лѣтъ не менѣе 50 кубическихъ сажень, если площадь полная, а если не полная, то по соразмѣрности съ отведеннымъ ему пространствомъ, то-есть по 1 куб. саж. на каждыя 5000 кв. саж. За невыполненіе сего условія платится въ мѣстное окружное казначейство по 20 р. сер. за каждую непромытую кубическую сажень песку; когда же золотопромышленникъ постоянно въ теченіи 10 лѣтъ промывалъ менѣе опредѣленнаго выше количества песку (хотя и платилъ дополнительныхъ 20 р. с. штрафу за каждую непромытую кубическую сажень), пріискъ его отбирается въ казну и отдается другимъ. Добытое золотопромышленникомъ золото подвергалось съ самаго начала частныхъ разработокъ прогрессивно увеличеннымъ податямъ натурой и деньгами; сдача его для сплава и пробы въ горныя правленія (Алтайское или Уральское по принадлежности), полученіе за него денегъ въ Петербургѣ, надзоръ за пріисками, дѣла съ земскими судами, отводчиками площадей, ревизорами, горными исправниками, жандармскими штабъ-офицерами, наблюдающими за золотопромышленностью специально, хлопоты по выдачѣ дозволительныхъ свидѣтельствъ—все это не могло не вліять вредно на развитіе золотопромышленности! При взглядѣ на эту нескончаемую процедуру, на множество чиновниковъ, на цѣлую лѣстницу инстанцій, да вспомнивъ при томъ систему „круговаго кормленія“ не удивимся, что Австралія и Калифорнія не могли осуществиться въ Сибири, хотя въ ней есть для сего всѣ данныя.

Разсмотримъ теперь — что дала Сибирь даже при

этихъ столь неблагопріятныхъ и стѣснительныхъ условійхъ разработки.

Въ первый періодъ, съ 1829 года (времени начала разработки сибирскихъ розсыпей) по 1840 годъ включительно, подать взималась: натурою съ количества золота добытаго на каждомъ приискѣ по 15% и деньгами на расходы по управленію промыслами по 4 р. с. съ каждаго фунта лигатурнаго золота. Добыто:

	пуд.	фунт.	зол.	долей.
Въ 1829 году.	1	— 10	— 18	— 72
1830	4	— 22	— 40	— 72
1831	5	— 15	— 35	— 15
1832	15	— 37	— 49	— 72
1833	30	— 31	— 25	— 72
1834	53	— 21	— 50	— 36
1835	72	— 16	— 50	— 12
1836	84	— 19	— 20	— 66
1837	106	— 36	— 65	— 54
1838	165	— 8	— 50	— 24
1839	159	— 18	— 55	— 12
1840	225	— 25	— 83	— „

А всего въ эти 12-ть лѣтъ . . . 925 — 23 — 65 — 27

Подати съ этого золота деньгами и натурою поступило на сумму. 1,989,444 руб. и 84 к. сер.

Во второмъ періодѣ, съ 1841 по 1848 годъ включительно, по законодательству 1840 и 1843 годовъ, всѣ сибирскіе золотые промыслы были обложены вмѣсто 15% уже 20 и 24%, а верхнеудинскіе (въ нынѣшней Забайкальской области) и 30%. Кромѣ того, сверхъ обязательныхъ 4 р. с. съ фунта лигатурнаго золота на расходы по управленію промыслами, еще взималась денежная подать въ слѣдующемъ усиленномъ размѣрѣ: съ промысловъ, дающихъ отъ 2 до 5 пудъ золота, по 5 р.

с. съ фунта, отъ 5 — 10 пуд. по 7 р., а отъ 10 пуд. и выше по 8 р. с. Не смотря однако на это усиленіе казенныхъ податей, добыто:

	пуд.	фунт.	зол.	долей.
Въ 1841	320	— 15	— 57	— 24
1842	575	— 18	— 44	— 84
1843	887	— 13	— 89	— 84
1844	921	— 34	— 84	— 72
1845	932	— 39	— 20	— 73
1846	1,238	— 39	— 21	— 9
1847	1,371	— 15	— 48	— 32
и въ 1848	1,284	— 16	— 29	— „

А всего въ этотъ второй періодъ. 7,592 — 33 — 11 — 90

Подати съ этого золота деньгами и натурою поступило уже на сумму. 18,518,844 р. и 99 коп. серебромъ. Но необычайный толчокъ да нный золотопромышленности въ 1846, 1847 и 1848 годахъ произошелъ не вслѣдствіе разумаго и прочнаго развитія частной предпріимчивости, а отъ обстоятельствъ совершенно случайныхъ: семнадцать лѣтъ постоянного мира въ Россіи и въ Европѣ, отсутствіе большихъ частныхъ предпріятій кампанейскихъ, неимовѣрное накопленіе капиталовъ на русскомъ денежномъ рынкѣ, цвѣтущее положеніе государственнаго кредита; новостъ и соблазнъ дѣла въ странѣ вовсе неизвѣстной, которую всѣ представляли себѣ какимъ-то Эльдорадо, гдѣ «золото гребли лопатами, а соболей били коромыслами», вскружили голову всѣмъ сословіямъ не исключая и сельскаго. Служащіе сбрасывали мундиръ, помѣщики закладывали помѣстья, купцы бросали торговлю, мѣщане и крестьяне сибирскіе дома и хозяйство, и все это нахлынуло въ сибирскую тайгу искать золота и... раззоренія! Мы са-

ми лично купались въ этомъ омутѣ съ самаго начала «золотой лихорадки», разыгравшейся и за Байкаломъ въ мартѣ 1844 года. Въ октябрѣ 1848 года, обозрѣвая лично всю Сибирь отъ забайкалья до кургана, мы были поражены видомъ деревень на этомъ огромномъ пространствѣ почти 4000 верстъ, въ особенности въ Восточной Сибири. Это было истинное подобіе «французскаго нашествія» 1812 года, какъ мы живо его сами помнили еще въ 1816 году, въ Москвѣ и окрестныхъ мѣстностяхъ. Цѣлые ряды избъ въ селеніяхъ стояли безъ воротъ, дверей и оконъ; хозяева бросили хлѣбопашество и разбрелись на пріиски... Въ городахъ рядомъ съ самою безумною роскошью и самодурствомъ золотопромышленниковъ и ихъ служащихъ, царствовала глубокая нищета и страшная дороговизна на всѣ жизненные припасы. Золотопромышленники строили себѣ паладцо, а мелочь приказная ѣла разъ въ недѣлю съ мясомъ хотя бы въ Красноярскѣ! Но такъ какъ все это было создано искусственно, да и съ насиліемъ со стороны бюрократіи, то все и пало... Притомъ русскій характеръ, безпечный и на авось дѣйствующій, сему много способствовалъ...

Сверхъ этихъ причинъ случайныхъ, напоминающихъ времена Лоу во Франціи и золотую лихорадку стремившую капиталы къ мнимо-благословеннымъ берегамъ Миссисипи — были еще причины, истекающія изъ дѣйствій тогдашняго Правительства. По закону 30 Апрѣля 1841 года, золотonosныя площади предоставлялись частнымъ лицамъ лишь на 12 лѣтъ, по истеченіи которыхъ право ихъ на дальнѣйшую разработку уничтожалось и пріискъ отбирался въ казну. Въ 1846 году предполагалось увеличить подать до 35% (что и было выполнено въ 1849 году). Наконецъ, къ стыду тогдашнихъ вліятельныхъ людей, многіе изъ нихъ умышленно завели тяжбы съ владѣльцами пріисковъ, дававшихъ

наиболѣе золота и спекулируя на свой авторитетъ, хотѣли просто отнять то, что было ограждено и освящено закономъ... Исторія разоблачитъ когда-нибудь сіи постыдныя побужденія и происки. Естественно, что въ виду всего этого, хозяева пріисковъ лѣзли какъ говорится изъ кожи, чтобы во что бы то стало поскорѣй «выработать» свою площадь, выхватывая изъ нея все золото, какое только она могла содержать. Напримѣръ, на 12-ти извѣстнѣйшихъ тогда пріискахъ, а именно: 1) Святодуховскомъ купца Соловьева, 2) Спаскомъ купца Никит. Мисникова, 3) Крестовоздвиженскомъ купца Щеголева, 4) Даниловскомъ купца Красильникова, 5) Петропавловскомъ извѣстныхъ Екатеринбургскихъ миллионеровъ купцовъ Рязановыхъ, 6) Константиновскомъ Екатеринбургскаго же богача, купца Зотова, 7) Титовскомъ его же, 8) Платоновскомъ и 9) Успенскомъ откупщика чинovníка Голубкова, 10) Отрядномъ чиновника Малевинскаго, 11) Прокопьевскомъ чиновника же Боровкова и 12) Викторовскомъ брата откупщика-чиновника Базилевскаго — выхвачено было (самое приличное выраженіе) въ 1846 году — 608 пуд., въ 1847 г. — 702 пуда, а въ 1848 году — 803 пуда, а потомъ въ слѣдующіе годы громадная цифра сія не только стала быстро понижаться, но къ 1860 году нѣкоторые изъ сихъ золотonosныхъ знаменитостей уже вовсе не разрабатывались, съ остальныхъ же всѣхъ вмѣстѣ получено въ этомъ году лишь 192 пуда.

Система столь не экономическая, всячески отягощающая золотопромышленность, дѣлая ее между тѣмъ кастовою привилегіей, способною возбудить зависть и даже ненависть (что и случилось на самомъ дѣлѣ, ибо въ цѣлой Сибири золотопромышленниковъ не считали въ зависти и еще худшихъ къ нимъ чувствахъ отъ тогдашнихъ пѣявковъ-откупщиковъ, и рѣдкіе вынырнули изъ омула золотонисканія съ добрымъ словомъ и доброй па-

матью народа) не уставала дѣйствовать въ явный вредъ какъ золотопромышленникамъ, такъ и казнѣ. 14 апрѣля 1849 года, въ самомъ началѣ третьяго періода, изданъ былъ новый законъ, коимъ всѣ золотые прииски въ обѣихъ частяхъ Сибири (Западной и Восточной) раздѣлены были на 10 разрядовъ и обложены слѣдующимъ прогрессивнымъ сборомъ:

натурой. деньгами:

I. отъ 1 до 2 пудовъ добытаго золота			
платили	5%—	4 р. с.	
II. — 2 — 5	10 —	5	
III. — 5 — 10	15 —	6	
IV. — 10 — 15 .	{ за первые 10 пудовъ. 17 —	{ 7	
	{ а за послѣдніе. 25 —		
V. — 15 — 20 .	{ за первые 15 21 —	{ 7	
	{ а за послѣдніе. 28 —		
VI. — 20 — 25 .	{ за первые 20 пуд. 23 —	{ 8	
	{ а за послѣдніе. 30 —		
VII. — 25 — 30 .	{ за первые 25. пуд. 25 —	{ 9	
	{ за послѣдніе 32 —		
VIII. — 30 — 40 .	{ за первые 30 пуд. 28 —	{ 10 р. с.	
	{ а за послѣдніе. 33 —		
IX. — 40 — 50 .	{ за первые 40 30 —	{ съ фун.	
	{ а за послѣдніе. 34 —		
и X. — 50 и болѣе.	{ за первые 50 пуд. 32 —	{ 10 р. с.	
	{ а за послѣдніе 35%—		

Мало этого. Мелкіе прииски, дававшіе менѣе 1 пуда, обложены были податю по 300 р. серебромъ. А наконецъ — съ остатковъ и съ приисковъ, поступившихъ изъ казеннаго вѣдомства въ частное владѣніе, взымалась сверхъ опредѣленной подати, еще дополнительная, а именно:

Съ приисковъ и остатковъ III разряда по . . .	1%.
IV и V	2
VI и VII.	3
VIII и IX.	4
и X	5%.

Результаты такого непрактичнаго закона, наносящаго явные убытки дѣлу истинно-полезному казнѣ и народу, какъ и слѣдовало ожидать, не замедлили обнаружиться. Въ періодъ времени, объемлющій 6 лѣтъ съ 1849 по 1854 годъ включительно, развитіе золотого промысла въ Сибири останавливается, и съ тѣхъ поръ все вертится около завѣтной цифры 1000, нерѣдко ниже ея:

пуд. фунт. зол. долей.

Въ 1849 году, Сибирь дала			
съ частныхъ приисковъ ли-			
гатурнаго золота	1,184 — 20 — 93 — 85		
1850	1,010 — 24 — 36 — 92		
1851	1,035 — 24 — 68 — 47		
1852	900 — 11 — 86 — 22		
1853	878 — 6 — 84 — 48		
и въ 1854	1,025 — 2 — 78 — 60		

Всего 6,034 — 11 — 64 — 66

Подати же съ этого золота, леньгами и натурой поступи-

до лишь. 18,155,543 р. и 13 к. сер.

Увидавши такой неутѣшительный результатъ новаго закона, придумали въ 1854 году (послѣ 878 пуд. 1853 года) издать такъ называемыя «временныя правила» въ видѣ опыта на 3 года. По симъ смягченнымъ правиламъ всѣ частные золотые прииски сибирскіе опять были раздѣлены, но лишь на 4 разряда и съ значительнымъ пониженіемъ пошлиннаго сбора какъ натурой такъ и деньгами а именно:

натурой. деньгами.

Съ I разряда отъ 1 зол. до 2 пудовъ. 5% . 4 р. с.	
II 2 пуд. до 5 10% . 6	
III 5 10 15% . 8	
IV 10 и болѣе „ 20% . 10	
Съ казенныхъ приисковъ и остатковъ:	

III	2% . .
IV	4% . .

На семь основаніи, количество промытаго лигатурнаго золота не много возрасло и было добыто:

	пудовъ.	фунт.	золотн.	долей.
Въ 1855 году	1,110	— 25	— 34	— 72
1856	1,177	— 19	— 16	— 72
и въ 1857	1,275	— 17	— 89	— „

А всего въ три года 3,563 — 22 — 44 — 48

Подати въ казну деньгами и

натурой поступило. 8,760,642 р. и 12 к. сер.

Наконецъ 19 апрѣля 1858 года, состоялся новый законъ (и доселѣ дѣйствующій), по которому все Сибирскіе золотые прииски опять раздѣлены, но уже на 3 разряда, съ слѣдующей податью:

	натурой	деньгами.
Съ 1 ризрида отъ 1 зол. до 2 пудовъ	5%	4 р. с.
II 2 пуд 5	съ первыхъ двухъ пуд. 5	6
	съ остальныхъ 10	10
и съ III 5 и болѣе.	съ первыхъ 5 пуд. 10	8
	съ остальныхъ 15	15

Казенные прииски и остатки никакою особенною дополнительною податью не облагаются. Но Крымская война, отразившаяся на общемъ благосостояніи государства, потрясенный кредитъ, освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ, заставившее помѣщиковъ поджаться, а въ послѣдствіи новая денежная лихорадка „акціонерная“, поглотившая столь же сумасбродно огромные капиталы, наконецъ и самыя стѣсненія, ослабившія въ золотопромышленникахъ капиталистахъ надежду на что либо прочное—все это способствовало явному и положительному застою дѣла добычи золота. Цифра добычи продолжала, не смотря на уже значительныя льготы въ податяхъ, вертѣться на среднемъ числѣ 1000 пуд. Такъ добыто:

	пудовъ.	фунт.	золотн.	долей.
Въ 1858 году	1,230	— 26	— 70	— 84
1859	1,143	— 20	— 48	— 48
и въ 1860 году	1,031	— 27	— 76	— 60

А всего въ три года 3,405 — 35 — 4 — „

Подати въ казну натурой и

деньгами поступило. 5,988,824 р. и 58 к. сер.

Общій итогъ золота добытаго на сибирскихъ приискахъ съ 1829 по 1860 годъ, простирался до 21,462 пуд. 5 фунт. 94 золотн. и 39 долей. Подати натурой и деньгами получила казна 53,413,299 р. и 66 к. серебромъ.

Сверхъ того золотой промыселъ существуетъ въ губерніяхъ Оренбургской и Пермской, а также въ Тобольской (въ глухомъ и пустынномъ Березовскомъ краѣ) гдѣ слѣдовало бы вовсе запретить искать золото; ибо этотъ округъ и безъ того голодаетъ, а въ прошломъ 1863 году, нѣсколько Остяковъ и Самоѣдовъ буквально умерли отъ голода, что фактически доказано производившимися о семъ по распоряженію Тобольскаго губернатора слѣдствіемъ! Все прииски этого района подчинены Уральскому горному правленію (а сибирскіе Березовскаго округа, потому, что далеко отъ Барнаула и Алтая) подъ наблюденіемъ тамошняго „главнаго начальника“. Изъ числа сихъ промысловъ, состоящіе на земляхъ Оренбургскаго казачьяго войска, на казенныхъ Тептярскихъ и на вотчинныхъ Башкирскихъ завѣдываются горнымъ „Ревизоромъ“ а остальные (въ Березовскомъ краѣ Тобольской губерніи и въ частныхъ заводскихъ дачахъ) горными „исправниками“.

Хотя по закону золотопромышленность на казенныхъ земляхъ въ Оренбургской и Пермской губерніяхъ производится согласно съ „Положеніемъ“ о частной золотопромышленности на казенныхъ земляхъ сибирскихъ

однако соблюдаются при семъ нѣкоторыя особыя правила, какъ то: 1) На казенныхъ земляхъ Оренбургскаго Казачьяго Войска и Тептярскихъ, золотопромышленники обязаны вознаградить только за отходящія подѣ приски угоды, то есть пахатныя поля и сѣнокосы, а не за пустоши и неудобныя земли; сверхъ сего уплачивать казнѣ съ добытаго золота подать, которая до 1857 года взималась въ дачахъ Тептярскихъ натурою по 20% а на земляхъ Оренбургскаго казачьяго войска 15%, съ казенныхъ же присковъ и остатковъ казна получала 24% и сверхъ сего на расходы по управленію золотыми присками взималось со всѣхъ вообще по 4 р. с. съ каждаго фунта лигатурнаго золота; но съ 1 января 1857 года, всѣ золотыя промыслы Оренбургской губерніи сравнены въ отношеніи подати съ сибирскими. Оренбургскому же казачьему войску за право добычи въ его земляхъ золота и прочихъ драгоценныхъ металловъ уплачивается изъ казны (по закону 12 марта 1835 г.) въ видѣ вознагражденія 42 857 р. 12³/₄ к. с. ежегодно. Чтожъ касается вознагражденія Тептярамъ и Оренбургскимъ казакамъ за ихъ угоды, то оно опредѣлено въ слѣдующемъ размѣрѣ: за каждую указную десятину доколѣ будетъ производиться разработка золота — луговой по 3 р. с., пахатной неподготовленной подѣ по 1 р. 35³/₄ к. с., а подготовленной та же дѣна съ надбавкой за распашку одновременно по 4 р. с. 2) На земляхъ, принадлежащихъ Башкирцамъ на вотчинномъ правѣ, золотопромышленники обязаны прежде разработки открытыхъ ими розсыпей заключать условія съ вотчинниками о вознагражденіи. До 1857 г. подать съ добытаго металла взималась по 10%, а съ этого времени дѣйствуютъ и здѣсь правила, для сибирскихъ присковъ установленныя, съ тою разницею, что десятипроцентная подать не увеличивается даже и тогда, когда добыча золота превышаетъ 5 пудовъ на одномъ прискѣ.

Въ Оренбургской губерніи золотыя розсыпи открыты въ 1832 году; но разработка ихъ началась не ранѣе 1836 года. Со всѣхъ промысловъ, состоящихъ на земляхъ Башкирскихъ, Тептярскихъ и Казачьихъ (равно и съ Березовскаго округа Тобольской губерніи, въ коемъ разрабатывался доселѣ лишь одинъ прискъ, давшій 22 фунт. золота) получено съ 1836 по 1856 годъ включительно, то есть при дѣйствіи прежнихъ узаконеній о податяхъ (въ 10, 15 20 и 24%) лигатурнаго золота: 802 пуд., 35 золотн. и 29 д., а подати натурой и деньгами получила казна, 1,701,721 р. и 96 к. сер., такъ что среднимъ числомъ поступало ежегодно лишь 38 пуд. 7 ф. 61 золот. и 10¹/₂ долей. Но въ 1857 году, когда подать съ золота взималась и здѣсь на основаніи закона, изданнаго въ 1854 году для Сибири, поступило 98 пуд. 25 ф. 10 зол. 58 долей, и казна получила подати натурой и деньгами 98,789 р. и 27 к. сер. Наконецъ, при дѣйствіи существующихъ нынѣ узаконеній (законъ 1858 года), добыча золота нѣсколько возрастаетъ, а именно:

	пуд.	фунт.	золотн.	долей.
Въ 1858 году добыто лигатурн. золота	102	— 34	— 53	— „
1859	109	— 12	— 55	— 36
и въ 1860	122	— 19	— 76	— 48

А всего въ трехлѣтіе . . . 334 — 26 — 88 — 84
Подати натурой и деньгами
получила казна на сумму . 325,989 р. и 84 к. сер.

Общій итогъ:

	пуд.	фунт.	золот.	долей.
1. Добыто частными лицами съ 1819 по 1860 годъ включительно лигатурнаго золота	28,742	— 6	— „	— 13
2. Казной на Уралѣ . . .	4,801	— 2	— 8	— 68

3. Казной же на Алтаѣ и въ

Нерчинскѣ 2,044 — „ — 14 — 85

А всего добыто въ госу-

дарствѣ 35,587 — 8 — 23 — 70

На сумму 470,746,170 руб. и 25¹/₄ к. сер.

Подати натурой и день-

гами казна получила. . . 66,927,289 руб. и 10 к. с.

По послѣдне-обнародованнымъ свѣденіямъ, за 1861 годъ, частная золотопромышленность находилась въ слѣдующемъ положеніи:

1) Вновь заявленныхъ золотосодержащихъ приисковъ было:

I. Въ Восточной Сибири	152	} Всего 370.
II. Въ Западной Сибири	37	
III. На Уралѣ	2	
IV. На земляхъ частныхъ заводчи- ковъ	2	
V. Въ Оренбургскомъ казачьемъ войскѣ	49	
и VI. На казен. и обществ. земляхъ Перм. губ.	128	

2) Разрабатывалось золотыхъ приисковъ:

I. Въ Восточной Сибири	283	} Всего 538.
II. Въ Западной Сибири	84	
и III. На Уралѣ (Оренбург. и Пермс. губ).	171	

3) На всѣхъ этихъ приискахъ добыто было шлиховаго золота въ общей сложности 1,348 пуд. 17 фунт. 88 золот. и 11 долей, а именно:

I. Въ Восточной Сибири	1026 п. 37 ф. 81 з. 59 д.
II. Въ Западной Сибири	36 — 36 — 47 — 74
и III. На Уралѣ (Оренб. и Пермск. губ.)	184 — 23 — 54 — 70

4) Промыто золотоносныхъ песковъ: 781,959,454 п.
Состояло на этой промывкѣ рабочихъ 48,146 чел.

5) По количеству золота, заслуживаютъ вниманія только 24 прииска, всѣ въ Восточной Сибири. Изъ нихъ на одномъ добыто было въ 1861 году свыше 78 пудовъ. Ни въ Западной Сибири (Маріинская система въ Томской губерніи, области: Семипалатинская и Сибирскихъ Киргизовъ), ни на Уралѣ (Оренбургская и Пермская губерніи) ни одинъ приискъ не далъ даже и 10 пудовъ.

6) Промывка золота изъ песку производилась главнымъ образомъ въ Восточной Сибири, гдѣ изъ 36 приисковъ на одномъ оказалось изъ 100 пуд. песку свыше 6 золот. золота; въ Западной же Сибири и на Уралѣ ни одинъ приискъ не далъ и 1 золотн. шлиховаго золота на 100 п. песку.

7) Съ добытаго частными лицами въ 1861 году золота, получено казною:

	пуд.	фун.	зол.	дол.		
Натурой:	золота	119	38	77	63	{ На 1,693,199 { р. и 96 ¹ / ₂ к. с.
	отдѣл. серебра.	6	26	57	62	
Деньгами					379,407 р. и 18 ³ / ₄ к. с.	

А всего казна получила на-

турой и деньгами на 2,072,607 р. и 15¹/₄ к. с.

Чтожъ касается расходовъ по управленію частными золотыми приисками, то они составляли въ 1861 году:

Въ Сибири 103,425 руб. (82,974 въ Восточной и 20,451 р. въ Западной), на Уралѣ 118,581 руб. Сверхъ сихъ общихъ собственно по управленію золотыми промыслами въ государствѣ расходовъ, отнесены еще по смѣтѣ 1861 года на счетъ денежной подати, слѣдующіе по Сибири расходы: 1) На содержаніе горнаго чиновника, состоящаго при управленіи Амурской Области (въ городѣ Благовѣщенскѣ) 700 р., 2) Части Генеральнаго Штаба при Гегераль-Губернаторѣ въ Иркутскѣ 11,098 р. и 3) Въ пособіе на выполненіе земскихъ повинностей по Сибири 52,722 р. Общій итогъ всѣхъ

расходовъ по золотой операціи въ государствѣ 183,191 р. и 72 $\frac{1}{4}$ к. сер.

Таковы чрезвычайно-любопытныя данныя, обнаруживаемыя и тщательно проверенныя нами при содѣйствіи главнаго начальства Алтайскихъ заводовъ. Невольно возникаетъ вопросъ: отчего золотопромышленность, подававшая такія блестящія надежды въ концѣ сороковыхъ годовъ (въ 1846 году—1,238 пуд., въ 1847 г. 1,371 пудъ) стала постепенно понижаться въ цифрѣ ежегодно добываемаго золота и наконецъ, напримѣръ, Западная Сибирь, внѣ казеннаго района Алтайскаго горнаго вѣдомства, весь золотоносный Алтай прилинейскій, вся киргизо-сибирская степь могла дать въ 1861 году ничтожное количество 36 пудовъ золота? Объясненіе добычи приискаго золота нѣкоторые полагаютъ „въ неурожаяхъ 1859 и 1860 годовъ, въ дороговизнѣ на хлѣбъ и всѣ жизненные припасы, даже въ ненастной погодѣ“. Но не рациональнѣе ли искать причины глубже, не зависящей отъ роста хлѣба? Именно въ концѣ сороковыхъ годовъ (въ путешествіе наше въ 1848 году изъ за Байкала къ границѣ Оренбургской губерніи) цѣны на все въ Восточной Сибири доходили почти до голодовки; однако 1847 г. далъ 1371 пудъ золота! Истинныя причины упадка золотопромышленности—суть слѣдующія: сословныя привилегіи, сосредоточивающія право искать золота въ немногихъ рукахъ, непрерывная въ теченіи 40 лѣтъ подвижность административной регламентаціи съ непрерывнымъ же вмѣшательствомъ казны въ дѣло частной золотопромышленности, неуверенность отъ сего въ завтрашнемъ днѣ и даже въ правѣ владѣнія, постыдныя дѣйствія многихъ вліятельныхъ лицъ, задумавшихъ оттягивать богатѣйшіе частные приiski подъ всякими каверзными придирами и кривыми толкованіями закона, о чемъ свидѣтельствовалъ еще и ревизовавшій Восточную Сибирь съ 1843 по 1846 годъ

сенаторъ: „съ 1840 по 1844 годъ (говоритъ онъ) даровано было нѣкоторымъ лицамъ, въ числѣ 25 чело-вѣкъ, право на безочередный выборъ полныхъ отводовъ въ 250,000 квадр. сажень изъ свободныхъ въ сибиріи казенныхъ золотодержащихъ остатковъ и втуне лежащихъ приисковъ. При выборѣ этихъ остатковъ и приисковъ, возникли тотчасъ столкновенія могущественныхъ тогда безочередныхъ избирателей съ золотопромышленниками. Многіе изъ довѣренныхъ сихъ избирателей, надѣясь на силу ихъ довѣрителей и усердствуя личнымъ пользамъ, позволяли себѣ изъяснять по своему не только права ихъ вѣрителей, но и самый смыслъ закона. Въ прошеніяхъ, ими подаваемыхъ, они нагло требовали всѣ возможные остатки, да сверхъ этаго простерли свои притязанія даже на собственность другихъ, на приiski уже давно отданные въ частное владѣніе и разрабатывавшіяся законно! Не надѣясь одними остатками удовлетворить свои алчныя ожиданія, они, не приступивъ даже къ развѣдкѣ и разработкѣ избранныхъ ими остатковъ, стали обращаться съ просьбами объ отобраніи у нѣкоторыхъ золотопромышленниковъ наиболѣе богатыхъ приисковъ, и, по зачисленіи въ казну, будто бы яко неправильно присвоенныхъ, объ отдачѣ ихъ вѣрителямъ по дарованному имъ праву! Обязательство это, подавшее поводъ къ многочисленнымъ тяжбамъ, встревожило золотопромышленниковъ, которые, встрѣтивъ подобныя притязанія на ихъ состояніе, и видя съ какою смѣлостью и настойчивостью дѣйствуютъ довѣренные безочередныхъ избирателей, начали не безъ основанія опасаться за свою собственность, тѣмъ болѣе, что въ противникахъ видѣли лицъ сильныхъ....“

Дополнимъ эту начертанную такъ безпристрастно и такъ прямоудшно мрачную картину нашими личными документальными свѣдѣніями за время съ 1844 по 1848 годъ. Изъ страха, нѣкоторые золотопромышленники

приняли или точнѣе выразиться, были вынуждены принять къ себѣ въ компанію лица извѣстныя и сильныя, лишь бы только упрочить за собой владѣніе разрабатываемыхъ ими пріисковъ и охранить свои права; богатѣйшіе капиталисты-золотопромышленники были поголовно купцы и откупщики, которые никогда не имѣли прежде въ Россіи никакого нравственного авторитета, и едва теперь начинаютъ имѣть его, все еще считаясь въ глазахъ большинства „сильныхъ міра сего“ не болѣе какъ „аршинниками“ и „самоварниками“ и которыхъ слѣдовательно благородно можно обирать елико возможно. Были и такіе, которые, во избѣжаніе всякихъ дальнѣйшихъ споровъ и раззорительныхъ тяжбъ, прекратили всякіе помыслы о новыхъ открытіяхъ, напрягая всѣ свои средства лишь къ тому, чтобы поскорѣе и какъ нибудь выработать или „выхватить“ богатѣйшія мѣста на своихъ пріискахъ. По удостовѣренію бывшаго въ тѣ времена (въ 1846 году) Генералъ-Губернаторомъ Западной Сибири, Генерала Рупперта, съ появленія сихъ „избирателей остатковъ“, ни одинъ изъ первостепенныхъ золотопромышленниковъ не посылалъ уже поисковыхъ партій для открытія новыхъ золотыхъ розсыпей. Не смотря на то, что съ 1 января 1853 года прекращена раздача остатковъ и пріисковъ безочереднымъ избирателямъ, и золотопромышленники могли начать безъ опасенія развѣдки новыхъ мѣсторожденій, неутомимые „искатели золота начужой счетъ“ и въ чужихъ карманахъ не преставали, къ стыду ихъ и нашего „добраго новаго времени“, еще кланяться и ходатайствовать о предоставленіи имъ опять означеннаго „благороднаго“ права, такъ что наконецъ ихъ темныя домогательства, по докладу Министра финансовъ Княжевича, повелѣно было, 26 сентября 1861 года, оставить безъ послѣдствій.

Могли ли подобныя вещи не отразиться на разумной

и постепенной разработкѣ золотыхъ пріисковъ? Возможно ли было думать, въ виду подобнаго наглаго посягательства на чужіе карманы и чужіе труды, опирающагося на силу, объ усовершенствованіяхъ механическаго производства, о тщательной и безостаточной промывкѣ песковъ, о приспособленіи силы пара къ ручнымъ работамъ? Конечно нѣтъ. Вотъ почему и „выхватывалось“ золото во что бы то ни стало! Вотъ почему самые лучшіе пріиски, считавшіеся просто „золотымъ дномъ“ на многіе еще годы, быстро истощились, даже не дотянувши и завѣтныхъ 12 лѣтъ. Кромѣ того, регламентація смѣняла регламентацію, привилегіи и сословныя перегородки стѣсняли всѣхъ. Очень немногіе уцѣлѣли въ почти полувѣковомъ водоворотѣ золотопромышленности, остались богачами quand même и прошли цѣло, здраво и невредимо сквозь лабиринтъ тяжбъ, придирокъ, взяточничества, даже преслѣдованія?... Неудивительна жъ напримѣръ слѣдующая таблица, показывающая какъ разрабатывались лучшіе и богатѣйшіе пріиски въ Сибири:

Названіе пріиска. хозлицъ:		Содерж. золоти. зол. въ 100 п. пес.								
		к у п ц ы.	1846	-47	-48	-49	-58	-59	-60	
1.	Святодуховскій.. Соловьева.....	2	—	2	—	3	—	3	—	1
2.	Спасскій..... Мясникова....	5	—	4	—	5	—	5	—	1
3.	Крестовоздвиж.. Щеголева.....	3	—	2	—	1	—	1	—	»
4.	Давыдовскій..... Красильникова.	5	—	5	—	3	—	4	—	1
5.	Петропавловскій. Рязановыхъ,...	»	—	3	—	2	—	2	—	»
6.	Константиновск. } Зотова.....	6	—	3	—	3	—	1	—	2
7.	Титовскій.....	6	—	6	—	6	—	2	—	»
8.	Наркизовскій.... }	3	—	»	—	»	—	1	—	»
о т к у п щ и к и.										
9.	Платоновскій.... } Голубкова.	6	—	8	—	5	—	3	—	»
10.	Успенскій.....	»	—	»	—	»	—	3	—	»
11.	Ольгинскій..... } Маловинскаго	»	—	5	—	5	—	4	—	»
12.	Отрадный.....	2	—	2	—	2	—	1	—	»
13.	Прокляевскій.. Боровкова.....	3	—	2	—	2	—	1	—	»
14.	Викторовскій... Базилевскаго..	2	—	1	—	1	—	1	—	»
Всего поступило золота...		608	702	803	697	265	220	192		

И такъ, въ концѣ сороковыхъ годовъ выхвачено только съ 14 приисковъ, въ 4 года, золота 2810 пудовъ, съ содержаніемъ на Платоновскомъ у извѣстнаго откупщика Голубкова до 8 золотниковъ на 100 пуд. песку, хотя бы въ Калифорніи и Австраліи впору! Можно ли подумать, что подобныя залежи пластовъ были случайныя и чтобы въ пескахъ, отмѣтанныхъ небрежно, на скорую руку, жадно и устрашенно, не содержалась при тщательной промывкѣ (въ особенности учено-технической) еще на столько же кинутого на произволъ судьбы золота? Самое количество промытыхъ песковъ сіе наглядно доказываетъ. Изъ свѣдѣній, имѣющихся въ Алтайскомъ и Уральскомъ Горныхъ Правленіяхъ (въ Барнауль и Екатеринбургѣ) видно, что съ 1846 по 1860 годъ включительно, т. е. въ 13 лѣтъ, промыто громадное количество 7,264, 679,296 пудовъ песку. Въ 1846 году добыто золота (собственно въ Сибири) 1034 пуд. 33 фунт. и 84 золотн., а чрезъ 15 лѣтъ, не взирая на то, что дѣло было уже не новое, районъ мѣстностей достаточно обследованъ, техническіе приемы приспособлены; 1860 годъ даетъ только 1053 пуд. 8 фунт. 11 золотн. Сибирская золотопромышленность не развивалась и не развивается доселѣ оттого что была стѣснена съ самаго начала; что золото дѣлалось привилегіей сословной, такъ называемой „благородной“; что люди сильные захотѣли и это себѣ присвоить, какъ крѣпостное право, откупа и т. п.; что наконецъ самое правительство (и это идетъ издавна, еще съ 1824 года) ограничивало ходъ частной предприимчивости по этой части. Въ журналъ „комитета финансовъ“ 15 іюля 1824 года, было положительно сказано: „что въ открытіи вдругъ всѣхъ золотыхъ песковъ не представляется надобности“. Согласно съ такимъ взглядомъ, съ 1824 по 1829 годъ права на поиски золота содержащихъ песковъ давалось лишь въ видѣ особыхъ привилегій и не иначе

какъ съ представленіемъ о семъ каждый разъ Комитету Министровъ. Въ 1838 году положеніемъ, тогда состоявшимся, право искать золото предоставлено исключительно потомственному и личному дворянству, потомственнымъ почетнымъ гражданамъ, купцамъ первыхъ двухъ гильдій съ ограниченіями и для нихъ не только служебными но и „нравственными“! Въ 1844 году узаконено: свидѣтельства на поиски золота выдавать лишь на 5 лѣтъ, а разработка розсыпей, отводныхъ въ теченіи сихъ 5 лѣтъ ограничена 12-ю годами, по истеченіи которыхъ прииски отбирались въ казну. Мало этаго. Самая выдача свидѣтельства даже при такихъ условіяхъ была два раза приостановлена: 3 января 1837 года, срокомъ на одинъ годъ, а потомъ 5 мая 1844 года на семь лѣтъ, т. е. впредъ до изданія новыхъ правилъ о частной золотопромышленности, именно до 1852 года. Да и число сихъ свидѣтельствъ, всегда было крайнее ограничено. Съ 1829 по 1837 годъ (время первой приостановки) ихъ выдано было только 230; а по 5 мая 1844 года (время второго запрета) число ихъ простиралось только до 371. При такомъ положеніи дѣла не могъ развиваться духъ предприимчивости. Сверхъ того, подать увеличивалась въ такой прогрессіи, что сдѣлалась наконецъ даже самымъ миллионерамъ—монополистамъ золотоисканія неможготу. Присоедините къ этому стѣснительныя правила относительно разработки приисковъ, по коимъ слѣдовало непременно разработывать ихъ вполне, а за недоработку вносить пѣню; узаконенія объ остановкѣ работъ въ случаѣ споровъ и тяжбъ, что давало поводъ спекулярамъ и аферистамъ, охотникамъ до чужихъ миллионовъ пугать и запугивать, страшать и застрашивать золотопромышленниковъ; присоедините наконецъ недостатокъ конкуренціи между золотопромышленниками, напрасное ограниченіе мѣстностей, доступныхъ для частной золо-

топромышленности, не действительность существующихъ узаконеній для побужденій самихъ монополистовъ къ непремѣнной разработкѣ приисковъ, такъ что бывъ, напримеръ, захвачены въ одни руки они остаются неприкосновенными для другихъ лицъ безъ всякой существенной пользы общества а въ явный ущербъ казны—и вы поймете, почему и золота мало, и край не богатѣетъ, и движеніе торговли и промышленности нѣтъ, и все живетъ кое-какъ и на авось; а изъ за нѣсколькихъ монополистовъ-миллионеровъ, массы людей предприимчивыхъ сидятъ сложа руки и косиѣ въ нищетѣ въ такомъ краѣ, гдѣ богатства рудныя у нихъ подъ рукою, имъ извѣстны, имъ домашни.... а они не смѣютъ къ нимъ прикоснуться.

Сибирь — золотое дно, не въ слѣдствіе только сложившейся такъ народной поговорки, а реально и осязательно. Не тысячу пудовъ золота, не жалкую тысячу пудовъ серебра, которую дастъ съ трудомъ ежегодно громадный казенный Алтай, можно извлечь изъ ея дѣйственной почвы, а неимоверныя богатства, какихъ можетъ быть не дастъ и Австралія! Къ тому же, по своей мѣстности и по своему топографическому, въ отношеніи метрополіа, положенію Сибирь—драгоценнѣйшая колонія въ мірѣ! Непрерывнымъ сухопутнымъ посредствомъ почтоваго сообщенія связана вся Россія съ самыми крайними пунктами крайняго Востока въ Сибири (у границъ Кореи, Западнаго Китая, Коканда); почти непрерывными водными путями связаны тоже Астрахань и Амуръ, Нижній Новгородъ и Семипалатинскъ (самый большой изъ волоковъ, между Пермью и Тюменю 668½ почтовыхъ верстъ будетъ прямо соединенъ желѣзной дорогой отъ Камы до Туры); пароходство усиливается на Оби, Иртышѣ и Амурѣ; телеграфическая линія соединяетъ Европу и Россію съ крайнимъ Востокомъ; въ самой Сибири населеніе быстро

развивается, крѣпнеть мыслью и волей, наследовавъ духъ предприимчивости предковъ-поморянъ; наконецъ Сибирь—сходбище Россіи, и ссылка тѣмъ здѣсь приносить огромную пользу, что бросаетъ на дѣйственную почву ежегодно многихъ даровитыхъ людей, которыхъ умъ и познанія никогда не лишнее для массъ народныхъ. Въ теченіи 35 лѣтъ (1828—1863) мы избороздили всю Сибирь и неоднократно, отъ Пелыма до Кяхты и отъ Тюмени до верховьевъ Амура; знаемъ мы по личному опыту, какъ въ нѣдрахъ этой страны ея минеральная сокровищница лежитъ съ сотворенія міра нетронутою, даже умышленно затаивается; знаемъ мы, какъ людей простыхъ, не имѣвшихъ защиты и голоса (крестьянъ, мѣщанъ, горныхъ служащихъ въ особенности) преслѣдовали за открытіе и заявку драгоценныхъ металловъ, частью изъ зависти и недоброжелательства, а нерѣдко и отъ того, что казенные люди тутъ ходили и искали бесплодно, (расхаживая лѣтомъ по деревнямъ, съ журналомъ ходьбы, писаннымъ въ глаза не выдавши тайги, да упражняясь вмѣсто работъ и развѣдокъ въ пляскѣ пьяно на деревенскихъ вечерахъ!), а мѣстники знали и заявляли мѣсторожденія. Драгоценное, не уступающее Англійскому, олово лежитъ доселѣ мертвымъ капиталомъ въ Нерчинскомъ горномъ районѣ; лежитъ тутъ богатая серебряная руда, между Верхнеудинскомъ и Петровскимъ казеннымъ заводомъ; золото есть даже въ глухомъ Пелымѣ и не монополисты миллионеры наткнулись на него при первыхъ развѣдкахъ въ Сибири. Богатѣйшія мѣсторожденія найдены не аферистами и пройдохами изъ раззолоченныхъ кабинетовъ, а простыми людьми: крестьянами, мѣщанами, малограмотными штегерами. По нашему мнѣнію не слѣдуетъ дѣлать монополію изъ драгоценной земли сибирской, и открыть къ ея нѣдрамъ широкій доступъ всѣмъ сословіямъ, безъ всякихъ привилегій и регламен-

тацій, кромѣ умѣренной подати, и то лишь за земли казенныя, частныя жъ пусть вѣдаются съ промысленниками полюбовно. Облагать податью драгоцѣнный металлъ, полагаемъ, тоже не слѣдуетъ, да и это было возможно лишь при монополіи, когда золотопромышленники и ихъ пріиски были всѣ на виду и на учетѣ. Но добытое крестьяниномъ, инородцемъ, мѣщаниномъ золото, найденныя ими драгоцѣнные камни—какъ ихъ учитывать и усматривать? Изъ раскопки древнихъ кургановъ, такъ называемыхъ въ Сибири „чудскихъ могилъ“ видно, что народы здѣсь обитавшіе добывали и плавили золото и серебро, дѣлали изъ него разныя вещицы, а иногда и крупную утварь. Доселѣ Киргизы въ Западной Сибири и Буряты за Байкаломъ плавятъ тайкомъ серебро, а иногда и золото, украшая имъ разныя житейскія подѣлки: сѣдла, гамзы (мѣдныя табачныя трубочки), огнива, дѣлая изъ него кольца, серьги, запястья.

Вникая въ сущность Исторіи золотопромышленности въ Россіи ясно видимъ, что, при разныхъ стѣсненіяхъ и регламентаціяхъ, ей не посчастливилось, да и не могло быть иначе. Извѣстная аксіома политической экономіи *laissez faire, laisser passer*, частью примѣняющаяся ко многому въ Англіи, а безусловно ко всему въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, оправдана на практикѣ неслыханнымъ въ исторіи всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ благосостояніемъ Англичанъ и сѣверо-Американцевъ. Первые въ Австраліи, послѣдніе въ Калифорніи ничѣмъ не стѣсняли и не стѣсняютъ доселѣ золотопромышленности. Золотой песокъ у нихъ—товаръ, взвѣшиваемый на вѣскахъ въ лавкѣ, тѣ же деньги, на которыя купить можно что угодно. Нѣтъ причины не распространить право искать золота и на ссыльныхъ. И теперь есть въ Сибири не только ссыльно-поселенцы, а и каторжные, даже въ Нерчинскихъ рудникахъ, вѣрочающіе большими капиталами, торгующіе широко

на имя женъ либо взрослыхъ сыновей; а между тѣмъ ихъ сотни тысячъ не даютъ имъ права свободнаго состоянія, права выѣзда изъ Сибири. Что за надобность казнѣ, кто будетъ искать и находить золото, кто будетъ отъ находокъ своихъ пользоваться? При обиліи капиталовъ оживетъ страна, обратится предпримчивость и не на одни розыски золота, серебра, платины, драгоцѣнныхъ камней, а найдетъ себѣ и другіе пути дѣятельности. До сихъ поръ въ громадной Сибири, на пространствѣ 8000 верстъ отъ Тюмени до усть Амура, всего 4 желѣзныхъ завода (всѣ казенные) и съ ничтожной производительностью, а желѣзо ли не нужно Сибири? Не говоря уже объ открытіи драгоцѣнныхъ залежей графита Сидоровымъ въ Енисейскѣ, а Алиберомъ въ прибайкальи—развѣ мѣдь, олово, свинецъ, ртуть, сѣра, каменный уголь ненужны здѣсь вовсе? Развѣ ненужны здѣсь лишніе капиталы для фабрикъ и заводовъ, которыхъ въ Сибири еще вовсе нѣтъ при населеніи свыше 4,000,000 душъ и безпрестанно возрастающемъ? Произносятъ слово: „сепаратизмъ“, это современное пугало наше въ Петербургѣ, Финляндіи, Малороссіи, Остзейскомъ краѣ. До Сибирскихъ Соединенныхъ Штатовъ еще очень далеко, и не въ Сибири думать о сепаратизмѣ, когда еще у нея ничто не улеглось, не установилось прочно, когда самая почва ея не сказала еще своего послѣдняго слова, когда наконецъ самое просвѣщеніе и проистекающее изъ сего движеніе мысли еще въ зародышѣ..... Сибирь нуждается теперь въ торговой, фабричной и мануфактурной дѣятельности, въ заводахъ металлическихъ, какъ болѣе свойственныхъ ея произведеніямъ, въ Университетѣ, какъ въ центрѣ, откуда распырнутся по всему краю благодатные лучи науки, техники и мышленія, наконецъ нуждается она и въ своевременныхъ учрежденіяхъ, послѣ устарѣлаго законодательства 1822 года, начертаннаго для нея незабвеннымъ Сперанскимъ

и много пособившаго ей въ тѣ времена устроиться и сформироваться.

Прим. О работахъ на золотыхъ приискахъ и житьѣ-бытьѣ тамошнемъ поговоримъ мы подробно въ „третьемъ“ томѣ этого полнаго «Описанія Сибири» нами принятаго.

ГЛАВА XIV.

КУЗНЕЦКЪ.—БІЙСКЪ.

Изъ Мариинска дорога въ Кузнецкъ и его округъ двоякая: почтовымъ трактомъ на Томскъ (назадъ, ибо ближайшаго и прямаго нѣтъ), и таежнымъ съ прииска на приискъ, поднимаясь сперва вверхъ по теченію рѣки Кія, а потомъ на перевалъ къ рѣкѣ Томи. Переправившись черезъ нее и пройдя людныя села—Борисово, Ильинское и Христорождественское, путешественникъ достигаетъ Кузнецка, гдѣ Томь, Мраса и Кондома сходятся въ одну точку, образуя широкую и судоходную Томь. Не ищите тутъ никакихъ путевыхъ удобствъ! Если ужъ ихъ мало и на главномъ сибирскомъ тракѣ, то здѣсь, въ этой страшной глуши о нихъ не можетъ быть и рѣчи. Вѣковыя дремучія тайги, лабиринтъ горныхъ рѣчекъ и ручьевъ; ѣзда либо верхомъ черезъ пни и колоды, по камнямъ и вплавь на авось, либо, что еще хуже, на вертлявой лодкѣ или на плоту. Въ первомъ случаѣ, лошадь едва продирается узенькой тропкой сквозь древесную чащу, такъ что надо непрерывно отклонять сучья, направляющіеся прямо въ лицо и не рѣдко срывающіе шапку. Плаваніе на плоту тоже не всегда кончается счастливо: всѣ здѣшнія горныя рѣки крутобереги, усыпаны скалами и подводными камнями; плодъ несется быстро, и вдругъ налетаетъ на камень, перебирающій всѣ бревна его по одному, словно пере-

считывая ихъ и пересѣкающій будто взмахомъ топора бревно 9 вершковъ въ отрубѣ. Несется путешественникъ на разбитыхъ остаткахъ плота и долженъ благодарить Бога, если отдѣлается только потерей либо подмочкою своихъ чемодановъ; нерѣдко такъ хватить объ утесъ, что все пойдетъ ко дну въ одно мгновеніе, ибо около утесовъ всегда бываетъ страшная глубина и самое сильное теченіе, а иногда и водоворотъ, въ которомъ бѣшенныя волны кипятъ какъ въ котлѣ.....

За то для туриста, для поклонника красоты природы неистощимы въ этихъ заповѣдныхъ пустыняхъ эстетическія наслажденія. Это не печальныя тундры Березовскаго края, не зыбуны Пелымскіе, не дикій Нарымъ. Здѣсь все эффектно, картинно, живописные виды на каждомъ шагу; самый воздухъ близъ границъ Китая теплый, благоуханный, съ тонкимъ ароматомъ душистыхъ горныхъ цвѣтовъ и травъ. Липа здѣсь нерѣдко въ нѣсколько обхватовъ. Душистая Китайская яблоня, усыпанная весной бѣлыми цвѣтами, чудно хороша. Иногда, въ жаркій лѣтній день, стоитъ надъ горами и дремучей тайгой ихъ такъ называемое въ Сибири «марово». Жаръ облекъ будто бѣлой дымкой и уснувшія горы, и смолкнувшій лѣсъ. По скату горъ, идетъ узкая извилистая тропка, едва только ступить конскому копыту, изрытая горными потоками и обрамленная тѣснымъ строемъ гигантскихъ пихтъ, лиственницъ, кедровъ. Медленно плетешься, изнемогая отъ жару, глаза слипаются, вздремнулъ бы..... и вдругъ при поворотѣ за громадную скалу ахнешь; забудешь сонъ, усталость, зной, залюбуешься..... соскочишь съ коня, бросишь поводья проводнику и долго-долго не можешь оторвать взоровъ! Съ скалы, на которой стоишь, разстилается у ногъ зеленая падь, лежащая среди горъ будто въ чашѣ; горы эти, покрытыя дремучими лѣсами, идутъ амфитеатромъ: снизу темно-зеленыя, далѣе блѣднѣе, блѣднѣе, наконецъ

фіолетовыя, наконецъ чуть видимой чертой снѣжныхъ гольцовъ прорѣзывающія далѣе дымкоглубое небо! Въ падѣ вѣтся змѣйкой хрустальная горная рѣчка, образовывая вправо изъ зимнихъ напелей природный ледникъ, еще не растаявшій и въ іюнѣ, когда мы были въ Кузнецкой «черни». Отъ всегдашней свѣжести почвы онъ является тутъ восхищеннымъ взорамъ обрамленнымъ самыми яркими цвѣтами чудной Алтайской флоры. Нигдѣ, даже въ горахъ забайкальскихъ, славящихся тоже своею растительностью, не видали мы такихъ великолѣпныхъ желтыхъ лилій, пунцовой сараны, такихъ крупныхъ синихъ колокольчиковъ; даже скромная незабудка здѣсь и больше, и пахучѣе. А розовый багульникъ сбѣгаетъ всюду съ темени этихъ мрачно-зеленыхъ горъ свѣжъ и благоухающъ, какъ дѣтская радость.....

Кузнецкій округъ граничитъ: съ сѣвера съ Маринскимъ и Томскимъ округами, съ юга съ Бійскимъ, съ запада съ Барнаульскимъ своей губерніи, а съ востока съ Ачинскимъ округомъ Енисейской. На пространствѣ около 67,065 квадр. верстъ живетъ 99,453 душ. об. пола, по 10-й народной переписи, включая въ это число и городъ Кузнецкъ (1687 ж. о. п.). Прежде этотъ округъ (какъ Бійскій и Барнаульскій) почти исключительно принадлежалъ горному вѣдомству Алтайскихъ заводовъ Кабинета Его Величества; но послѣ 19 февраля 1861 года и на него распространено благодѣяніе освобожденія отъ почти „крѣпостной“ зависимости. Справедливость требуетъ сказать, что не смотря на всѣ заботы и надзоръ Правительства, жизнь горно-заводскихъ крестьянъ была не легка. Въ каждой волости сидѣлъ „чиновникъ-управитель“, надъ которымъ была еще цѣлая іерархія чиновниковъ до главнаго начальника Алтайскихъ Заводовъ включительно. Вывозка руды, песковъ, угля, рубка дровъ, все это съ доставкой на заводы и

рудники было крайне отяготительно. Но теперь, благодаря общей эманципации крепостных и чѣмъ либо «обязанныхъ», и крестьяне Алтайскихъ заводовъ вошли въ общій составъ государственныхъ, на одинаковыхъ съ ними правахъ. Изъ общаго пространства приблизительно подъ пашнями 700 к. с., подъ лугами до 11,000, а подъ лѣсами до 21,000. Остальное воды, болота, песчаники, а индѣ и солончаки. Округъ гористъ. Между вершинами притоковъ рѣки Томи и Чулыма до рѣки Ини—тянется цѣпь горъ Оттырганскихъ и Караканскихъ, наполняя всю площадь до села Бочатскаго. На правомъ же берегу Томи проходитъ отрасль Алатаускаго хребта, подъ именемъ Кузнецкихъ горъ, а на границѣ округа съ Війскимъ и Агинскимъ Енисейской губерніи хребетъ Абаканскій, составляющій связь между малымъ — Алтаемъ (Эктахъ — Алтай) и Саянскимъ хребтомъ въ Минусинскомъ краѣ. Первенствующая рѣка здѣсь Томь. Она принимаетъ въ предѣлахъ округа до 90 рѣчекъ и нѣсколько довольно значительныхъ рѣкъ: Мрасу, Кондому и Тайдонъ. Озеро насчитывается до 510, но особенно обширныхъ нѣтъ. Кузнецкій округъ, какъ и сосѣдніе Бійскій и Барнаульскій, одинъ изъ лучшихъ въ южной части Сибири по хлѣбородству и обилію луговъ. Лишь по рѣкѣ Алею есть солонцы. Особенно славятся плодородіемъ земли по рѣкамъ Чумышу, Ини, Мунгаю, Уксунаю, Касымъ, Торевмъ и вообще по равнинамъ прилежающимъ къ Маріинскому округу. Здѣсь родится отличная бѣлизной и укукомъ пшеница, рожь, ярица, греча, просо, а въ тридцатыхъ годахъ введенъ посѣвъ и Китайской пшеницы. При достаточной мягкости климата, растительность травъ здѣсь такъ сильна, что въ одно лѣто косить два раза сѣно; оттого и скотоводство очень развито. Кромѣ того, вотъ уже болѣе 70 лѣтъ какъ началось здѣсь пчеловодство (съ 1790 года), перешедшее

сюда изъ Усть-Каменогорска, гдѣ ввелъ его командовавшій на тогдашней Кузнецкой линіи Полковникъ Аршеневскій. Кромѣ обильныхъ урожаевъ арбузовъ и дынь и всякаго рода огородныхъ овощей, много сѣютъ льну и конопли, и торговля холстами крестьянскаго издѣлья очень значительна. Здѣшніе промыслы соображаются какъ и вездѣ съ мѣстностями. Такъ напримѣръ, рыболовствомъ занимаются въ особенности прибрежные по рѣкѣ Томи крестьяне. Зимой мерзлая рыба вывозится во множествѣ на заводы и рудники. Въ Босватской волости есть значительныя каменно-угольныя ломки при деревнѣ Аюниной; уголь хорошаго качества и доставляется крестьянами на казенные заводы Гурьевскій и Гавриловскій и на Салапрскій рудникъ. Около деревни Кузедѣвой, добываютъ жерновой камень, расходящійся въ Кузнецкомъ и сосѣднихъ округахъ. Крестьяне волостей Кузнецкой и Касминской занимаются извозомъ товаровъ и всякой клади, въ особенности по зимнему пути на Мрасскіе и Терсинскіе золотые прииски, находящіеся на западномъ склонѣ Абаканскихъ горъ по верховьяхъ Мрасы и Терси. Какъ и въ Пелымскомъ и Нарымскомъ краѣ, звѣроловство и здѣсь одно изъ обильнѣйшихъ средствъ къ довольству крестьянъ, не взирая на то, что хлѣбопашество, скотоводство и пчеловодство очень сильно развиты. Лишь только первые осенніе заморозки сковали болота, мелкіе ручьи и рѣчки, да выпала первая пороша — крестьяне звѣропромышленники отправляются въ тайгу, откуда и выходятъ къ Николѣ (6-го декабря). Въ здѣшнихъ дремучихъ тайгахъ, при относительно мягкомъ климатѣ и спѣльной растительности, водятся въ обиліи: бѣлка (Кузнецкая даже въ особенномъ почетѣ у торговцевъ, ворсы и пышность ея лучше нежели у Тобольской и Нарымской) соболь, лисица, бурундукъ, сурокъ, медвѣдь, лось, морась. На семъ послѣднемъ животномъ слѣдуетъ оста-

новить вниманіе, ибо онъ вовсе не извѣстенъ Европѣ и даже Россіи, а между тѣмъ рога его представляютъ большую цѣнность. Въ сѣверо-восточныхъ отрасляхъ Алтайскаго хребта (въ горахъ Кузнецкихъ и Абаканскихъ) водится видоизмѣненіе Лапландскаго оленя (*Cervus Tarandus*), называемое русскими *Морасъ* (*Cervus Elephus*, Linn.) а по Телеутски и по Калмыцки *Сагынъ*. Имъ промышляютъ не только русскіе звѣропромышленники, но и живущіе въ Алтайскихъ ущельяхъ Калмыки *двоеданцы* (т. е. платящіе дань Россіи и Китаю, потому что они Китайскіе подданные, но живутъ въ нашихъ границахъ). Онѣ платятъ свой ясакъ и русской казнѣ Морасыми рогами, да и Китаю тоже, для чего и отвозятъ ихъ въ китайскій городъ Кобдо, получая по принятой у Китайскаго Правительства системѣ соразмѣрные цѣнности ясака подарки. Калмыки и Телеуты ѣдятъ морасье мясо, очень нѣжное и вкусное; оно составляетъ даже лакомую ихъ пищу; но главную цѣнность при охотѣ за морасемъ имѣютъ его рога, столь охотно и дорого покупаемые Китайцами.

Извѣстно, что рога этой породы оленя спадаютъ каждую весну, и вмѣсто ихъ ежегодно вырастаютъ новые съ такимъ числомъ отростковъ, сколько лѣтъ животному, на примѣръ: у годовалаго мораса съ двумя, у трехгодоваго съ тремя и такъ далѣе до 6. Но достойно особаго вниманія, что далѣе этого завѣтнаго счета годовъ уже ростки не идутъ, и какъ бы старое животное ни было, больше шести ростковъ у него не бываетъ; еще любопытнѣе (природа такъ неистощимо-прихотлива въ проявленіяхъ своей тайной творческой силы!), что послѣ шести ростковъ и когда слѣдовательно наступитъ 7-ой годъ морасу, драгоценная эссенція, которой Китайцы придаютъ такую чудодѣйную лекарственную силу, уже исчезаетъ изъ роговъ, хотя они и продолжаютъ сваливаться и вырастать ежегодно! Вы-

шедшіе весной молодые рога, состоятъ изъ одного мягкаго хряща и одѣты молоденькой кожицей, обросшей низенькой и атласистой шерстью. Внутри этихъ хрящевыхъ роговъ (наиболѣе въ концахъ отростковъ, пока они не застарѣли и не окостенѣли, что бываетъ только до Петрова дня, далѣе рога уже негодны и жидкость студенистѣетъ, а потомъ костенѣетъ) находится эта жидкость, столь дорого цѣнимая не только въ Китаѣ, но и въ Хивѣ, Бухаріи, Ташкентѣ, Коканѣ. Нынѣ по всей границѣ Западнаго Китая она составляетъ предметъ важной мѣнковой торговли для округовъ Кузнецкаго, Бійскаго, Барнаульскаго и части Семипалатинской области (внутренній округъ съ городомъ Семипалатинскомъ, съ крѣпостями Усть-Каменогорской и Бухтармой). Покалмыцки морасьи рога называются „сыгынъ—мюнезъ“. Они бываютъ простые и съ такъ называемыми *гнѣздами* (по Калмыцки: „сыгынъ—мюзинъ—канду“). У простыхъ роговъ концы отраслей столь же тонки, какъ и вся отрасль, только мягки отъ вмѣщающейся въ нихъ жидкости; а у роговъ съ гнѣздами въ концахъ отраслей или отростковъ жидкости такъ много, что каждая отрасль оканчивается какъ бы шаромъ.

Въ Бухтарминскомъ краѣ, въ деревняхъ: Фыкалѣ, Бѣлой, Езовой, Верхнебухтарминской и Сѣнной, морасовъ крестьяне держатъ въ особыхъ поскотинахъ, достаточно высокихъ, чтобы они не могли выпрыгнуть и кормятъ ихъ до 7 лѣтъ (лѣтомъ они пасутся въ этихъ поскотинахъ, а зимой ихъ кормятъ печенымъ хлѣбомъ и поятъ водой, въ которой разболтана мука). Далѣе 7 лѣтъ ихъ не держатъ, ибо съ этого возраста рога уже не имѣютъ жидкости. Такъ какъ драгоценная эссенція бываетъ только въ маѣ и іюнѣ (не позже Петрова дня) и послѣ этого срока твердѣетъ и обращается въ кость, то морасовъ ловятъ ранней весной. Способъ же сохраненія эссенціи слѣдующій: ког-

да убьютъ мораса (на охотѣ), тотчасъ снимаютъ, т. е. отрѣзываютъ рога, которые въ ту же минуту поворачиваютъ концами къ низу, замазывая отрѣзанную часть тѣстомъ либо сѣрой и обвязавши накрѣпко тряпичей. Потомъ вѣшаютъ на веревочкѣ рога внизъ концами, всячески стараясь, чтобы драгоцѣнная жидкость не вытекла. Въ послѣдствіи она подсыхаетъ, принимаетъ нѣкоторую твердость, получаетъ коричневый цвѣтъ, схожій съ цвѣтомъ бобровой струи. У тѣхъ же морасовъ, которыхъ крестьяне ловятъ маленькихъ и воспитываютъ въ поскотинахъ, когда всѣ отрасли выйдутъ (около половины іюня), рога отпиливаютъ и тотчасъ залѣпляютъ оставшіяся на головѣ комельки тѣстомъ и обвязываютъ тряпичами, чтобы животное не истекло кровью; съ отпиленными рогами поступаютъ такъ же, какъ и въ лѣсу на охотѣ.

Китайцы платятъ за пару морасыхъ роговъ на рѣкѣ Чуѣ (въ маломъ Алтаѣ) слѣдующія цѣны:

За простые съ отраслями:		За рога съ гнѣздами:	
	руб. сер.		руб. сер.
Въ 2 отрасли.	10	20	
3 отрасли.	20	40	
4	30	50	
5	60	80	
и 6	70	90 и 100 р. с.	

Въ Кунтай:

	руб. сер.	
Въ 5 отраслей.	250	300 р. с. (на наши деньги).
и 6	350	400 и выше.

Китайцы утверждаютъ, что эссенція морасыхъ роговъ благотворно содѣйствуетъ труднымъ родамъ; что она сильное генеративное средство, поддерживающее

въ старости способность дѣторожденія; наконецъ, что она предохраняетъ отъ вылезанія волосъ. Сверхъ сего мы лично испытали, что эссенція изъ морасыхъ роговъ, приложенная къ ранамъ отъ порѣзовъ и вообще при разрывахъ покрововъ и мышцъ (кожи и тѣла) у человѣка и у животныхъ чрезвычайно скоро ихъ заживляетъ. Не бесполезно бы было русской медицинѣ, обратитъ особенное вниманіе на способъ лѣченія такъ называемыми *задачами*, употребляемый забайкальскими ламами (у Бурятъ) и здѣшними (у Калмыковъ—Буддистовъ). Необыкновенно удачныя излѣченія установили такъ прочно ихъ репутацію, что они охотно призываются и русскими тяжело больными почти всегда съ успѣхомъ.

Кромѣ природныхъ сибиряковъ (бывшихъ горнозаводскихъ, а нынѣ государственныхъ крестьянъ) и нѣкоторой части выселенныхъ сюда изъ Россіи въ 1765 году старообрядцевъ (Стародубскихъ и Вѣтковскихъ) и живущихъ на югѣ Кузнецкаго округа къ сторонѣ Бійскаго, есть еще здѣсь Калмыки — двоedanцы и Алтайскіе Калмыки, равно Телеуты (*Теленгиты* или *блѣдые Калмыки*), коихъ стойбища разбросаны въ округѣ около вершинъ рѣки Томи. Число всѣхъ инородцевъ сихъ простирается до 17,687 душъ (9021 муж. и 8666 ж.), кромѣ Калмыковъ—двоedanцевъ, кочующихъ съ своими стадами на обѣихъ территорияхъ: русской и китайской. Калмыки, кочующіе на юго-востокѣ здѣшняго округа, ведутъ такую же пастушескую жизнь, какъ и Калмыки приволжскіе, съ тою однако особенностью, что они вмѣстѣ съ симъ и звѣроловы. Они дѣлятся на роды, управляемые Зайсангами и старшинами. Званіе Зайсанга наследственно по праву первородства. Если же нѣтъ сыновей, то наследуетъ братъ, дядя или ближайшій по мужскому колѣну родственникъ. Здѣшніе Калмыки нрава довольно грубаго, умны и смѣтливы, вѣ-

рно выполняют данное слово, гостеприимны и честны. Замѣчательно, что, не взирая на грубую оболочку по наружности, они не склонны къ буйству, воровство у нихъ почти неизвѣстно, уголовныхъ преступленій не бываетъ. Образъ жизни ихъ (за исключеніемъ звѣриныхъ промысловъ въ определенное поздне-осеннее время какъ и у крестьянъ) тихій, мирный, пастушески—созерцательный. Сидѣть по цѣлымъ часамъ поджавши ноги передъ тлѣющимъ въ войлочной кибиткѣ огонькомъ, пить опьяняющую слегка *араку*, ѣсть жирную баранину либо изжаренныя ломти бараньяго курдюка (ломоть надѣваютъ на длинную деревянную спицу и жарятъ, медленно повертывая надъ огнемъ), ѣздить другъ къ другу въ гости преимущественно лѣтомъ, слушать длинные разказы о батыряхъ (богатыряхъ), легенды ихъ мифическаго міра, пѣсни (всегда заунывно-протяжныя) подъ звуки неуклюжаго инструмента въ родѣ остяцкой *домбры* — суть ихъ обычныя занятія. Инструментъ этотъ можно назвать самымъ первобытнымъ и достаточно доказывающимъ степень развитія сихъ наивныхъ дѣтей природы! Вообразите себѣ длинный деревянный уполовникъ, коего внутренность закрыта бараньей кожей. По срединѣ кружокъ и шесть малыхъ отверстій, между которыми подставочки подъ струны. Струнъ только двѣ: тонкая изъ шести конскихъ волосъ, а басъ изъ девяти. Смычокъ тоже изъ конскаго волоса. Подъ пронзительные взвизги этого страдиварія, кобзарь—легенщикъ сказываетъ сказки, дребезжащей октавой растягивая каждое слово. Голосъ пѣсенъ заунывенъ и монотоненъ. Онѣ всегда начинаются скороговоркой, потомъ слѣдуетъ постепенное повышеніе, на одной нотѣ, потомъ еще повышеніе, и стихъ заканчивается крутымъ обрывомъ. Вотъ легенда *о сотвореніи міра*, слышанная нами въ кибиткѣ богатаго Зайсанга, въ одну тихую, лунную и благоуханную лѣтнюю ночь, среди

приволья широкой зеленѣющей пади съ амѣтеатромъ дальнихъ Кузнецкихъ горъ. Огонь чуть тлѣетъ, разбрасывая изрѣдка искры свѣта, когда калмыкъ начнетъ разворачивать угольки, добывая огня для своей неизмѣнной гамзы, музыка визжитъ, старикъ-легендистъ напѣваетъ дребезжающимъ голосомъ:

„Когда еще не было ни неба, ни земли, былъ одинъ Ульгенъ (по Ойротски „Курбуганъ—Аакай“): онъ носился и какъ будто трепеталъ надъ безбрежнымъ моремъ, распростершись подобно нетопырю и не имѣлъ твердаго мѣста, гдѣ бы стать. Тогда ощутилъ онъ голосъ внутри себя: „алдында тут! алдында тут!“, то есть *впереди хватай! впереди хватай!* Онъ произнесъ эти слова, а выѣтъ съ симъ простерши руку охватилъ передъ собою; ему попался камень, высунувшійся изъ воды. Онъ сѣлъ на этотъ камень, продолжая произносить *алдында тут! алдында тут!*, и думалъ: что творить и какъ творить? Вдругъ изъ воды выходитъ *Аг-Эне* (Бѣлая Мать) и говоритъ: «что придетъ тебѣ на мысль творить, скажи только: сдѣлалъ, свершилось такъ и будетъ; а не говори: что я дѣлалъ, то и свершилось». Сказавъ это, Аг-Эне скрылась и болѣе никогда никому не являлась. Поэтому-то — Ульгенъ, создавъ людей, далъ имъ повелѣніе: о томъ что есть не говори нѣтъ; если же скажешь нѣтъ того что есть, то и не будетъ.

„Потомъ Ульгенъ ощутилъ въ себѣ мысль или какъ бы вспомнилъ и произнесъ: „Э! сотвори землю, сотвори землю!“ И земля сотворилась. Ульгенъ, продолжая произносить *алдында тут, алдында тут*, взглянувъ вверхъ, ощутилъ въ себѣ мысль, такъ же какъ будто припоминая, и произнесъ: „э! сотвори небо!“ и при словѣ его, небо сотворилось. Ульгенъ все продолжалъ говорить *алдында тут, алдында тут!* и твердилъ эти слова до окончанія созданія всѣхъ тварей. И слова эти

впечатлѣлись въ человѣкъ. Поэтому-то человѣкъ не ходитъ задомъ, не беретъ назади и все дѣлаетъ предъ собой, а не позади себя!

„Такимъ же образомъ Ульгенъ создалъ въ морѣ три великія рыбы и утвердилъ на нихъ землю. Двѣ изъ нихъ поставлены по краямъ, а одна въ срединѣ подъ землею. Эта средняя стоитъ головой къ сѣверу: когда она склоняетъ голову книзу, тогда на сѣверѣ дѣлаются топи; если же она сильно приклонитъ голову, то утопитъ всю землю (какъ и было при всемірномъ потопѣ). Подъ жабры рыбы захваченъ крюкъ съ арканомъ, котораго конецъ притянутъ на небо и тамъ обвить около трехъ столбовъ такъ, чтобы можно было подтягивать или опускать голову рыбы. Этимъ управляетъ богатырь Ульгена, Мангды-шаре. Когда онъ спуститъ конецъ аркана съ одного столба, то земля склоняется къ сѣверу и дѣлаются топи.

„Во всё продолженіе творенія міра, Ульгенъ пребывалъ на золотой горѣ, на которой сіяетъ солнце (Алтын-Ту) и луна (Ай-Кунь-Тійгенъ). Эта гора съ неба навѣсилась надъ землею и до земли не достаетъ только на человѣческое колѣно... Самое твореніе міра продолжалось шесть дней; седьмой день Ульгенъ спалъ, въ восьмой всталъ...“

Слѣдуетъ замѣтить, что Алтайскіе Калмыки и Ойроты въ седьмой день утромъ совершаютъ моленіе: мужчины и женщины, умывъ лицо и руки, а матери не кормя дѣтей грудью — встаютъ лицомъ къ востоку; мужчины на колѣняхъ и держа обѣ руки назади, наклоняются до земли и приговариваютъ „Пуодомина Бурханымъ!“ а женщины, ставъ только на лѣвое колѣно и держась правою рукою за правую косу, поклоняются тоже до земли одинъ разъ, произнося: „Теадымина Кутаимъ!“ Предъ моленіемъ кладутъ аржанецъ (*Shleum. Linn.* травянистое растеніе изъ семейства злаковъ *Gramineae*,

доставляющее хорошій кормъ скоту) въ мѣдную кадильницу, утвержденную на четырехножникъ вышиною въ поясъ. Впрочемъ, въ нынѣшнее время, когда среди инородцевъ Алтайскихъ исчезаетъ грамотность занесенная къ нимъ съ буддизмомъ изъ Тибета и самый буддизмъ ослабѣлъ и затемнился шаманствомъ — это поклоненіе начали совершать только разъ въ годъ, въ общемъ сборѣ стойбища, всегда послѣ перваго весенняго грома и на какой-нибудь высокой горѣ; при этомъ брызгаютъ на всѣ четыре стороны молокомъ. Весной же происходитъ у здѣшнихъ инородцевъ и такъ называемый *праздникъ березы*. Надо прежде всего пояснить, что у Кузнецкихъ Татаръ (Телеутовъ, Ойротовъ, Тюрскаго племени) и Алтайскихъ Калмыковъ береза (кайнь) въ особенномъ и священномъ почтеніи. По ихъ преданіямъ, Алтай былъ населенъ во времена доисторическія *Чудью*, не имѣвшею ни хановъ, ни зайсанговъ. Въ тѣ времена не было на Алтаѣ ни одной березы. Какъ скоро же береза появилась, то Чудь заключила, что ей не сдобровать. Выкопали ямы, утвердили въ нихъ столбы съ потолкомъ изъ камней и земли, забрались въ эти ямы, подрубили столбы и сами себя задавили! Само собою разумѣется, это преданіе произошло отъ множества кургановъ разбросанныхъ здѣсь, въ особенности между рѣками Чары-Су и Абою и при устьѣ рѣки Кеньги. Сіи курганы и Русскіе называютъ *Чудскими могилами* въ Тобольской губерніи, начиная съ Туринскаго округа и въ особенности въ южныхъ округахъ: Курганскомъ и Ишимскомъ. Иногда раскопки даютъ разныя грубо-сдѣланныя золотыя и серебряныя вещицы, а въ Алтайскихъ горахъ находили шахты съ мѣдными инструментами. Выковка желѣза была тогда еще стало быть неизвѣстна.

Телеуты Кузнецкаго округа называются здѣсь *Бллыми Калмыками* вѣроятно потому, что они бѣлые

Малы
м 66

калмыковъ двоedanцовъ, Татаръ (здѣшняго Тюрскаго племени) и Ойротовъ. Они прежде зависѣли отъ Дзюгарцовъ и Калмыковъ, но въ 1605 году признали русское подданство и шертовали (присяжная клятва, шерть) Царю Борису Годунову. Для удержанія ихъ въ повиновенія былъ основанъ въ 1604 году Томскъ воеводой Писемскимъ. Съ 1658 по 1665 нѣкоторые Телеутскія колѣна прикочевали къ нынѣшнему Кузнецку. Дзюгарскій Ханъ Баситу, обучавшійся Буддйскому богословію у Далай-Ламы въ Хласѣ (въ Тибетѣ) покорилъ своей власти и Телеутовъ, ввелъ у нихъ Буддизмъ и грамотность. Нынѣшніе потомки этихъ Телеутовъ живутъ въ Кузнецкомъ и Бйскомъ округахъ, говорятъ Тюркскимъ нарѣчіемъ съ примѣсю Монгольскихъ словъ; они мирнаго и послушнаго нрава, управляются зайсангами (Яйзангъ), утверждаемыми правительствомъ и изъ послѣдователей Будды обратились частью къ шаманизму, а нѣкоторые племена къ магометанству, хотя такъ же понимаютъ коранъ, какъ и невѣжественные сосѣди ихъ, киргизы. Всѣ Телеуты одѣваются по татарски. Язычники носятъ длинные волосы, магометане брѣютъ голову и носятъ тибитейки (кябѣцъ). Есть и христіане, обращенные въ православіе Алтайскою духовною миссіей, которые живутъ особыми деревнями. Прежде Телеуты были исключительно звѣроловы и скотоводы, но теперь, отъ столкновенія съ русскими, многіе взялись и за хлѣбопашество. Живущіе около Кузнецка и въ сосѣдствѣ Чатскихъ татаръ, промышляютъ тоже извозомъ въ зимнее время. Отправляясь съ лошадьми своими на главный сибирскій трактъ, возятъ купеческія клади до Красноярска и даже до Тары. Они сухощавы, лицо у нихъ плоское и скулистое, глаза и волосы черные, ростъ средній, говорятъ скоро и вообще имѣютъ большое сходство съ Монголами и Забайкальскими Бурятами. Дѣлятся на колѣна (аймакъ), изъ ко-

ихъ каждое имѣетъ своего старшину (башлыкъ). Аймаки платятъ подать ясакомъ, который у нихъ и у калмыковъ называется *алманъ*, сободемъ, лисицей и бѣлкой, какъ инородцы сѣверной части Тобольской губерніи и также по числу наличныхъ работниковъ. Сборъ производится башлыками. Солнечный годъ (интъ) дѣлится у нихъ на зимній и лѣтній. Лѣтній (іасъ) начинается съ вскрытія льдовъ и съ первой вешней травы; а зимній (кюсъ) съ перваго снѣга. Въ каждомъ періодѣ считается 6 лунныхъ теченій (ай), тринадцатое же теряется между неопредѣленными новыми годами. Ихъ первый мѣсяцъ приходится въ апрѣлѣ и называется *курузъ-ай*, мѣсяцъ ободранной бѣлки; второй *таргъ-ай*, пахатный мѣсяцъ. Язычники-шаманисты имѣютъ въ каждомъ колѣнѣ шамана (каму). Богъ вездѣсущій и всемогущій именуется *Кугай*, а духъ зла ему противудѣйствующій и старающійся вредить людямъ *Шайтанъ*. Каму, какъ у Остяковъ и Самоѣдовъ, употребляютъ при своемъ служеніи бубны, обтянутые морасею кожей съ начертанными на ней символическими знаками. Сіи каму вмѣстѣ и врачи, да и не послѣдніе. Частію по Тибетскимъ преданіямъ Ламайской медицины, частію изъ опыта, передаваемого изъ рода въ родъ о цѣлебныхъ свойствахъ травъ и минераловъ, лѣчение ихъ нерѣдко поразительно удачно, и вотъ одни изъ важнѣйшихъ причинъ, почему ихъ вліяніе на народъ вредитъ успѣху Алтайской духовной миссіи.

Телеутскій праздникъ березы или весны совпадаетъ обыкновенно съ началомъ мая, когда трава уже зеленѣетъ, деревья покрылись листвою. При торжествѣ большая часть орудій употребляемыхъ камами березовая. Избранная жертва (обыкновенно сытый конь) называемый въ жертвенномъ смыслѣ *пура*, подгоняется къ жертвеннику каму, держащимъ березовый прутикъ. Самое жертвоприношеніе происходитъ въ березнякѣ.

Шерте. Бердъ — наговариваетъ.

Жертвенникъ устраивается подъ навѣсомъ изъ 4-хъ березовыхъ кольевъ. Когда Кама свершилъ заклинанія духовъ, жертва закалывается, мясо варится въ котлахъ двумя особо-избранными поварами (казанчи), выкладывается на блюда изъ сплетенныхъ березовыхъ прутьевъ (шире) и его ѣдятъ не иначе какъ березовыми вилками (дюшъ). Заключительное дѣйствіе этого жертвоприношенія—общая попойка кумысомъ, начинающаяся послѣ троекратнаго брызганія вверхъ особенными берестяными ложками, которыхъ должно быть непременно 12-ть, по числу Телеутскихъ новолуній. За симъ идутъ пѣсни, легенды бандуристовъ, музыка, борьба, конскій бѣгъ и праздникъ длится до слѣдующаго утра.

Телеуты и Калмыки шаманисты признають Шайтана (кюрюмеса) за источникъ всякаго зла, физическаго и нравственнаго. Намъ самимъ случилось въ бесѣдахъ нашихъ съ ними, слышать ихъ объ этомъ разсужденія. „Неужели Богъ посылаетъ смерть?“ наивно спрашивали они насъ. „Нѣтъ! Вѣдь онъ добрый, человѣка не умертвить! Это Шайтанъ человѣка съѣдаетъ!“ Ослѣпшій инородецъ говоритъ: „Шайтанъ у меня глаза выѣлъ.“ Попалъ ли Телеутъ въ бѣду, онъ кричитъ: „Ишь, ловко Шайтанъ надо мной сработалъ!“ Посему инородцы менѣе чествуютъ все терпящаго по благодати своей Ульгена нежели *Эрлика* злаго духа; не потому однако чтобы ожидали помощи отъ сего послѣдняго, а по половицѣ: „злой собакъ бросай два куска!“ Шаманство каму производится у Телеутовъ и Калмыковъ слѣдующимъ образомъ: въ первый вечеръ по захожденіи солнца, начинается дѣйствіе предуготовительное, состоящее въ замученіи коня самымъ отвратительнымъ образомъ. Потомъ слѣдуетъ призываніе великаго множества духовъ подчиненныхъ Ульгеню: Корьгидай, Хан-Каршита, Кыгы Хана, Мергенъ-Хана и другихъ. Въ заключеніе

призывался и злой Эрликъ съ своими духами тьмы. Когда всѣ духи добрые и злые закланы, то предполагается будто камъ (шаманъ) летитъ на небо, ослѣдлавъ каса (гуся) и подражая ржанію коня, за симъ потомъ будто онъ спускается на землю съ высоты и начинаетъ ловить руками невидимаго коня (пурұ). Въ этомъ помогаютъ ему предстоящіе со смѣхомъ и гиканьемъ, и когда невидимый конь пойманъ, камъ передаетъ его съ наставленіями конюху (пура сасгъ). Шаманство кончается ѣдой идоложертвеннаго мяса и попойкой. На слѣдующій вечеръ начинается второе дѣйствіе призываніемъ новыхъ духовъ и между прочимъ пената юрты *Баштутхана*, хозяина бубна *Тюнгуръ-Ээзи* и хозяина огня *От-Ээзи*. Кадъ подчуеъ эти невидимыя силы, предлагая имъ мясо и араку, и самъ ѣстъ и пьетъ все вмѣстѣ съ предстоящими. Потомъ изъ предосторожности чтобы духъ (хозяинъ) юрты Баштутханъ не только понималъ что самъ будетъ ему говорить, но и не проронилъ бы ни одного слова, шаманствующій впускаетъ къ нему въ ухо демона *Тюм*, а самъ ослѣдлавъ демона *Буре*, летитъ на немъ сперва на первое небо, потомъ на второе, а за симъ и на третіе. Но Буре хоть и демонъ, однако выбивается изъ силъ и посему отпускается на подножный кормъ и замѣняется демономъ *Кисемъ*. Поднимаясь съ третьяго неба, Камъ догоняетъ Баштутхана, ведущаго душу жертвеннаго *байтаса* на свиданіе съ другимъ его демономъ *Каракошемъ*. Но каму разговаривать съ ними некогда: онъ долженъ еще съѣздить на 9 круговъ небесныхъ. На четвертомъ небѣ, онъ охотится за кукушкой. На пятомъ встрѣчается съ властнымъ духомъ *Яючи*, который „творить младенцевъ“, и, набравшись отъ него силы, начинаетъ уже пророчествовать. Предсказанія его касаются разумѣется лишь всего незатѣйливаго быта инородцевъ. Предстоящіе, въ доказательство что они хо-

рошо понимаютъ слова своего кама, хорошія пророчества ловятъ въ шапки, а худыя вытряхиваютъ! Далѣе, камъ взбирается на шестое небо, жилище луны, и на седьмое, жилище солнца. Наконецъ, при воображаемомъ громѣ и молніи, производимыми ревомъ, крикомъ, бряцаньемъ въ бубенъ, размахиваньямъ горящихъ головень, въ чемъ пособляютъ каму всѣ предстоящіе, онъ быстро проходитъ 8, 9, 10 и 11-ое небеса, жилища разныхъ духовъ, чудовищъ и тѣней, и достигаетъ 12-го неба, престола Ульгена. Тутъ узнаетъ онъ, пріятна ли жертва или нѣтъ, какія будутъ измѣненія погоды, будетъ ли обилень сборъ кедровыхъ орѣховъ, хорошъ ли будетъ звѣриный промыселъ осенью, — а главное не требуется ли еще отъ кого умилоостивляющей жертвы? Само собою разумѣется, что Ульгенъ не выдаетъ въ этомъ случаѣ своего кама. Жертва всегда требуется либо конь, либо сытая корова, а въ случаѣ бѣдности того, на кого падаетъ указаніе божества хоть баранъ. Камъ—жирный лѣнтяй, ничего не работающій. Быть вѣчно сыту и пьяну единственная забота..... *Камланье* (шаманство) иногда оканчивается симъ вторымъ дѣйствіемъ; но большею частью, настоящее и самое существенное окончаніе откладывается до третьяго вечера. Тогда, послѣ благодарственной молитвы Ульгеню за милостивое принятіе жертвы, начинается круговая попойка. Опоражниваются огромныя березовыя жбаны иногда вышиною въ ростъ человѣка съ кумысомъ (кобыльимъ молокомъ), аракой (водкой изъ перегнаннаго молока) и наконецъ съ самосадкой (хлѣбнымъ виномъ, обычай котораго заимствованъ уже у русскихъ крестьянъ). Гремить бубенъ и скрипитъ пронзительно *орба*, раздаются пѣсни, поднимается *пляска* подражаніемъ разнымъ звѣрямъ, а у Калмыковъ и съ сладострастными тѣлодвиженіями женщинъ.....

Замѣтимъ, что при „камланьи“ Ульгеню, женщины

присутствовать не могутъ, но при заклинаніяхъ Эрлику (духу зла) допускаются. Камланье, кромѣ необходимости просить божество о дарованіи хорошей погоды, обильнаго звѣроловства и другихъ даровъ и умилоостивленія его обильными жертвами производится еще и послѣ смерти инородца. Когда Телеутъ или Калмыкъ умретъ, то оставшіяся въ живыхъ члены семействъ— для очищенія себя и юрты (если не рѣшаются бросить, ее, что и дѣлаютъ нѣкоторые богачи) и для умилоостивленія шайтана, чтобы онъ не добрался и до нихъ, считаютъ необходимымъ произвести камланье. Но шаманы увѣряютъ, что Эрлигъ (духъ зла) ничего не соглашается принять въ жертву кромѣ коня. Само собою разумѣется что богатые за коня не стоятъ; но бѣдняки, у которыхъ нерѣдко всего одна лошадь, могутъ (по увѣренію кама) обращаться съ мольбой къ подручнику Эрлика *Кагыр-Хану*, который согласенъ принять и барана! Шкура этой скудной жертвы уже не вывѣшивается какъ конская надъ жертвенникомъ, а только одна голова либо втыкается на дерево близъ могилы покойника, либо кладется въ самую могилу. Богачу же кладутъ конскую кожу и голову. По положенію сихъ послѣднихъ жертвоприношеній (байдаръ) сейчасъ можно отличить, кому принесена жертва: Ульгеню или Эрлику. Жертва перваго—свѣтлой масти и головой обращена къ востоку, а втораго темной и голова лежитъ на западъ.

Космогонія камовъ заимствована изъ буддизма, а преданія Телеутовъ Калмыковъ, явно показываютъ ихъ прямое происхожденіе изъ Индіи и частью изъ Египта; таковы преданія о духѣ добра и зла, сотворенія міра, первомъ человѣкѣ, паденіи Эрлика (сатаны) въ преисподнюю, даже смѣшеніе здѣшнихъ легендъ съ Греческимъ мифомъ Прометея. Съ живѣйшимъ любопытствомъ спрашивали мы одного престарѣлаго кама, хорошо

говорявшаго по русски и пользовавшагося большимъ уваженіемъ своихъ родичей. „Сотворивши мушину и женщину, говоритъ онъ, Ульгень призадумался и долго колебался вложить въ нихъ душу живу. Однажды когда онъ онъ впалъ въ глубокий сонъ, хитрый Эрликъ, его противникъ извѣчный, подкрался къ мушинѣ и женщинѣ, дунулъ на нихъ, они ожили и начали плодиться да населять землю. Крайне раздосадованъ былъ проснувшійся Ульгень, увидавъ, что люди живутъ и родятся, въ особенности что женщина ожила. Не будь женщины, рассуждалъ онъ про себя, и этого зла бы не было. И вотъ кликнулъ онъ своего подручнаго Шигы-Мине (явное заимствование изъ Буддизма) и послалъ его къ Эрлику съ такимъ повеленіемъ: приди и самъ возьми твою женщину и весь народъ отъ нея народившійся и уйди съ нею прочь отсюда, а не уйдешь, сброшу тебя съ неба въ нѣдра земли между двумя морями, гдѣ не свѣтитъ солнце и не доходитъ свѣтъ луны. На это Эрликъ отвѣчалъ: развѣ я сотворилъ человѣка? Я только пробовалъ, что будетъ изъ него, если я дуну въ него; дунулъ, и онъ ожилъ, а сотворилъ его не я, потому и не беру его. Ульгень, получивши такой отвѣтъ, собралъ всѣхъ людей, народившихся отъ жены, и прогналъ ихъ съ Эрликомъ въ преисподнюю (гдѣ они и обратились въ шайтановъ, дьяволовъ) а самъ создалъ мушину и женщину вновь, снабдивъ ихъ и духомъ жизни. Отъ этой второй пары пошелъ родъ человѣчскій, населяющій теперь землю.

„Но Эрликъ не счелъ себя побѣжденнымъ. Возвратившись тайкомъ, подземнымъ путемъ изъ преисподней на землю къ новымъ людямъ, — онъ хотѣлъ схватить рукой *оп-куруй* (движеніе какъ ловятъ мухъ, и вотъ почему камы, при ихъ шаманскихъ обрядахъ, дѣлаютъ видъ, что ловятъ рукой въ воздухъ что-то невидимое), т. е. схватить душу живущихъ людей и

унести. Но Ульгень, предвидя это, прежде него пришелъ къ людямъ въ *арууонъ-сюдюнъ* (первобытный міръ) и громко вскрикнулъ: *кый!* и этимъ однозвучнымъ и единственнымъ кличемъ назвалъ всѣхъ по имени, такъ что всѣ услышали и въ одинъ голосъ откликнулись ему: *а!* Ульгень же протянулъ руку и за одинъ махъ схватилъ въ свою горсть души всѣхъ людей, сдѣлавъ самъ *оп-куруй*, и унесъ ихъ на *Алтынъ-Ту*. (По вѣрованію Алтайскихъ племени, человѣкъ долгое время можетъ оставаться живымъ безъ души, которая посредствомъ выкупа властна воротиться опять въ человѣка). Эрликъ, пришедши съ намерѣніемъ взять души людей, видя, что всѣ онъ уже въ рукахъ Ульгенья и посему не могъ завладѣть ничѣмъ. Ульгень, возвратившись на *Алтынъ-Ту* въ сопровожденіи своего подручника *Майдере*, проклялъ Эрлика, сказавъ: пусть слуги Эрлика не умножаются и не уменьшаются до скончанія вѣковъ! А Эрликъ, возвратясь ни съ чѣмъ и видя что его народъ не прибываетъ, въ конецъ озлобился на то, опять прокрался на землю и на каждое дерево и плодовомъ растеніи прибавилъ на половину своихъ же плодовъ, произнеся при семъ слѣдующее: кто мои ягоды будетъ ѣсть, тотъ меня будетъ ѣсть и я буду входить въ того человѣка! Кромѣ того, Эрликъ произрастилъ одно дерево съ плодами и сказалъ: сколько людей ни ѣли бы плодовъ съ моего дерева, всѣ будутъ мои! Черезъ три года, Ульгень послалъ съ верховнаго жилища своего на *Алтынъ-ту* подручника своего *Майдере* посмотрѣть людей и какъ они живутъ на землѣ. *Майдере*, сошедши на землю, увидалъ что всѣ деревья повреждены Эрликомъ и что имъ насаждено новое дерево. *Майдере* кликнулъ своихъ писарей и велѣлъ имъ согнать со всѣхъ деревьевъ насаженныхъ въ видѣ плодовъ слугъ Эрликовыхъ и вырвавъ съ корнемъ посаженное имъ дерево, прогналъ ихъ всѣхъ опять въ мрачную бездну.

Передъ этимъ Майдере приказалъ змѣю, чтобы онъ караулилъ его чернилицу; прогнавъ же Эрлика со слугами, онъ нашелъ, что змѣй лежитъ точно на отверстіи чернилицы, но чернилъ въ ней не оказалось, она была пуста! Тогда Майдере крикнулъ на змѣя: кому ты отдалъ чернила? Змѣй отвѣчалъ: Жена *Таргы-Намы* пришла и взяла, сказавши, что ты приказалъ взять. Майдере призвалъ жену и спросилъ: ты ли взяла чернила? Она созналась: мужъ мой научилъ меня сказать это, и я взяла. А *Таргы-Намы* клялся, нѣтъ! жена мнѣ сама принесла! И такимъ образомъ сваливали вину одинъ на другаго. Это произошло оттого, что жена съѣла ягоду съ дерева *уюнгашиг* (ягода-жены), произращенного Эрликомъ. Съ ягодой вошелъ въ нее *курю-месс* (злой духъ). Тогда Майдере проклялъ змѣю слѣдующимъ заклятіемъ: ты будь для всѣхъ людей отвратительна и страшна, такъ чтобы глаза не глядѣли на тебя! Пусть воронъ клюетъ твою голову! Пусть собака отрываетъ и съѣдаетъ хвостъ твой! Пусть коршунъ тебя подхватываетъ и съѣдаетъ! Если встрѣтишься съ человѣкомъ, пусть онъ бьетъ тебя по головѣ! Пусть тѣло твое лежитъ извиваясь и отъ солнца иссыхаетъ!“ А человѣка проклялъ онъ такъ: „пустъ всѣ дѣла твои будутъ для тебя трудными! Пусть внутренности твои будутъ чахоточны! Пусть дѣти, отъ тебя происходящія, будутъ воры и плуты, лжецы и злоумышленники! Пусть живутъ на землѣ подначальственно и терпятъ угнетенія! Пусть Богъ не взираетъ на тебя милостиво! Пусть всѣ члены твои узнаютъ болѣзни и глаза твои пусть имѣютъ свои болѣзни! Пусть пища не будетъ тебѣ въ сытость, а одежда въ красоту!“ Наконецъ жену проклялъ онъ такъ: „пустъ при рожденіи дѣтей схватятъ тебя три сильныя болѣзни! Пусть въ печени твоей приключается чахотка! Пусть въ легкомъ и сердцѣ твоёмъ поселятся боль съ кашлемъ! Пусть если внутрен-

ность твоя прорвется, то умри, а разорвется то роди! Пусть дѣтороженіе будетъ для тебя сильнѣе всѣхъ болей!“ Изрекши эти проклятія, Майдере выгналъ всѣхъ людей изъ аруунъ-сюдюнѣ (первобытнаго райскаго міра) въ другую землю. А въ аруунъ-сюдюнѣ поселилъ своихъ подручниковъ (блаженныхъ, чистыхъ духовъ), самъ же ушелъ къ Ульгеню на Алтынъ-Ту.

„Когда люди были такимъ образомъ изгнаны изъ рая въ трудовую землю, Ульгень сжалился надъ ними и сошелъ къ нимъ, чтобы показать всѣ травы и плоды годные къ употребленію, приговаривая: „пробуй и ѣшь, что тебѣ понравится!“ *Таргы-Нама*, отвѣдавъ всякія растенія, травы и плоды, нашелъ, что всѣ они питательны. Но тутъ, въ этой новой землѣ уже не было вѣчнаго лѣта! Тутъ пока стояло лѣто и человѣкъ питался свѣжими плодами да растеніями, былъ онъ свѣжъ и здоровъ; а когда пришла осень и трава стала засыхать, то и человѣкъ началъ сохнуть, такъ что первую зиму провелъ едва живой! На другой годъ, человѣкъ наученный горькимъ опытомъ — сталъ готовить въ прокъ къ зимѣ плоды и зелень. Тогда къ запасамъ его, сбѣжались разные животныя. Человѣкъ, видѣвши, что запасу этого ему не хватитъ, началъ отгонять животныхъ и бить ихъ палкой. Обиженные звѣри и скоты, созвавши птицъ и рыбъ, принесли жалобу на человѣка Ульгеню. Ульгень, чтобы разсудить этотъ споръ, собралъ всѣхъ къ *Таргы-Намѣ* и выслушавъ взаимныя жалобы, рѣшилъ такъ: рыбамъ и птицамъ ѣсть что имъ угодно, животнымъ ѣсть траву, а ты человѣкъ, ѣшь сѣмянной хлѣбъ и мясо животныхъ! Посему, что потребно для животныхъ того ты не ѣшь; а хочешь мяса, убивай звѣря и скотину, снимай съ нихъ кожи и одѣвайся, а мясо вари и ѣшь!“ Съ тѣхъ поръ, все живущее и дышащее на землѣ отдалилось отъ человѣка и стало враждовать противъ него....

„Покуда человекъ питался плодами и ягодами, онъ не нуждался въ огонь и не зналъ даже его. Послѣ опредѣленія ему другой пищи, Ульгень разсудилъ, что нуженъ на землѣ и огонь. Посему протянулъ онъ вверхъ обѣ руки и досталъ съ неба два камня: бѣлый и черный. Потомъ взявъ листь сухой травы Сыс-Камургай (Мордовникъ, *Echinops Sphaerocephalus*, Linn., изъ листьевъ котораго алтайскіе калмыки готовятъ до сихъ поръ трутѣ), измялъ его, положилъ на одинъ камень, ударилъ другимъ, искры вылетѣли, трава загорѣлась и сталъ огонь. Разведши такимъ образомъ первый огонь на землѣ, Ульгень, указавъ на него людямъ, произнесъ: „огонь этотъ есть огонь, сообщившійся камню отъ силы моего отца.“

„Вскорѣ люди и животныя такъ размножились, что сдѣлалось тѣсно имъ на землѣ; къ тому же они еще (люди) не знали смерти и если бы плодились, то съѣли бы все живущее и дышущее и нечѣмъ бы имъ было самимъ питаться. Сжалился надъ ними (людьми) Ульгень и хотя не хотѣлось ему насылать имъ смерть, однако разсудилъ, что безъ нея нельзя. Все земное должно умирать и возрождаться. Это *опредѣленіе судебъ* (Яргы) о концѣ жизни всего земнаго, и его измѣнить нельзя. Вотъ и послалъ Ульгень своего подручника Ярчегеня къ людямъ на землю собрать ихъ всѣхъ и объявить имъ Яргы. Яра-Чегень, спустившись на землю, вошелъ въ одно жилище, гдѣ было много дѣвокъ. Когда онъ вошелъ, всѣ дѣвки захохотали, потому что онъ уродъ. Тогда Яра-Чегень разсердившись закричалъ: „меня послалъ Ульгень, чтобы всѣмъ назначить предѣлъ жизни, а вы смѣетесь! За то—вотъ вамъ проклятіе: пусть всегда будетъ на чужбинѣ умъ твой! Коса твоя пусть будетъ раздвоенною! У отца и у матери не старѣйся! Пусть ты будешь какъ обломокъ ребра, жеребушка стараго коня!“ Съ этого время дѣвичій умъ и сердце

измѣнились..... А Яра-Чегень собралъ всѣхъ тварей и каждой породѣ назначилъ свой вѣкъ. Рыбамъ же опредѣлилъ жить всѣхъ долѣе, а именно по 800 лѣтъ и чтобы изъ каждой рыбы выходило по 800 рыбъ, за то что онѣ на судѣ у Ульгения между людьми и прочими тварями оказались невинными, то есть не ѣли его запасовъ. Но распредѣливъ всякому роду, живущему на землѣ, предѣлъ его жизни, Яра-Чегень разсудилъ, что надо показать людямъ, какъ умираютъ. Вотъ онъ вынулъ свою саблю и ударилъ ею человека по шеѣ. Голова скатилась съ плечъ, но человекъ не узналъ смерти, продолжалъ ходить на ногахъ. Яра-Чегень отсѣкъ ему обѣ ноги по колѣни, но человекъ поймалъ руками землю и началъ ползати. Тогда Яра-Чегень отсѣкъ ему обѣ руки, и человекъ умеръ (ульды). До этого опыта, какъ умирать, у людей не было на землѣ раздоровъ и дракъ; а съ той поры они узнали злобу, вражду, убійства и войну!“

Въ сихъ наивныхъ, но часто исполненныхъ глубокой философіи легендахъ—есть все: таинственныя откровенія жрецовъ египетской Изиды, библейскія преданія, мифы греческія, даже высокія нравственныя истины Евангельскія—отъ бога-кузнеца Вулкана и до телеутскаго Эрлика, „выковывающегоъ духовъ зла“ на наковалнѣ, отъ Прометея, укравшаго священный огонь жизни и до доктора Фауста умъ человеческій вѣчно вращался въ одномъ и томъ же циклѣ идей, предсущихъ такъ сказать, его возникновенію на землѣ. Вездѣ борьба двухъ началъ: добраго съ злымъ, ибо не изъ сихъ ли началъ составляется все теченіе земной жизни? Вотъ что говорилъ намъ далѣе престарѣлый камъ о борьбѣ этой.

„Когда Эрликъ, продолжалъ камъ, былъ свергнутъ въ преисподнюю, гдѣ не свѣтитъ ни солнце, ни луна и не удалось ему „уловить вселенную“ оп-куруй, то онъ,

прежде нежели обратиться къ Ульгеню (вездѣсущему и всемогущему), началъ просить его подручника Майдере, говоря: „позволь мнѣ въ моей области создать свое небо и свою землю.“ Майдере отвѣчалъ: область твоя, мы тебѣ ее отдали во власть; дѣлай тамъ что хочешь! Вотъ Эрликъ, возвратясь, устроилъ себѣ небо и землю; но такъ какъ народъ его (духи) не могъ размножаться, какъ люди, то новый міръ Эрлика былъ пустъ. Тогда пришелъ онъ къ Ульгеню и сказалъ: „я сотворилъ себѣ новое небо и устроилъ землю; позволь же мнѣ наполнить ихъ жителями (*албаты*, міръ, народъ)?“ Ульгень, зная что у слугъ Эрлика отнята возможность размножаться, отвѣчалъ: поди, наполни! Эрликъ поклонился и продолжалъ смиренно: „пусть же будетъ благословеніе твое на мнѣ!“ Сказавши эти слова, онъ ушелъ.

„Возвратившись въ свою область, онъ тотчасъ сдѣлалъ себѣ молотъ, наковальню, мѣхъ, клещи и всѣ кузнечные снаряды; развелъ огонь, раскалил желѣзо и сталъ бить его молотомъ. Чтѣ ни ударить — тотчасъ выскочить *курюмесъ* (дьяволъ) и наковалъ онъ такое множество духовъ, слугъ себѣ, что Ульгень испугался. Послалъ онъ съ неба своего богатыря Мангды-шире подглядѣть, что творить Эрликъ. Оказалось, что Эрликъ, кромѣ духовъ-слугъ, сотворилъ еще трехъ животныхъ: медвѣдя, барсука и землеройку. Мангдышире хотѣлъ воспрепятствовать ему творить такихъ вредныхъ животныхъ; но Эрликъ напустилъ на него своихъ двухъ богатырей, которые метнули огнемъ, опалили у коня его хвостъ и гриву, а у самаго волосы и рѣсницы. Хотя Мангды-Шире и пускалъ въ нихъ стрѣлы, но не могъ побѣдить. Онъ пришелъ къ Ульгеню и сказалъ ему: „Эрликъ сотворилъ медвѣдя, этотъ звѣрь силенъ и блудливъ; барсука, этотъ луга роетъ, землеройку, эта портитъ дороги. Онъ дѣлаетъ все только вредное

и если ты дашь ему волю, то еще хуже напакоститъ!“ Ульгень сказалъ: возьми отъ меня *силы* и ступай! Мангды-шире стало такъ легко, что онъ стремглавъ полетѣлъ съ неба. Богатыри Эрлика встрѣтили его войной, но онъ смѣло поразилъ ихъ жезломъ (копьемъ) и повергъ въ преисподнюю. Тогда Эрликъ вышелъ самъ противъ него. Мангды-Шире пронзилъ Эрлика въ правое плечо жезломъ, прошедшимъ насквозь въ лѣвое бедро, низвергнулъ въ бездну, а міръ его разрушилъ. Духи-слуги Эрлика и тутъ нашли уловку. Иной юркнулъ въ воду и сталъ *су-ээзи* (водянымъ), иной влѣзъ въ камень и сдѣлался *таш-ээзи* (хозяиномъ камня), либо забрался въ нѣдра горы *ту-ээзи* (горный духъ, гномъ), въ дерево *агаш-ээзи* (лѣшій), подъ чувасъ въ юртѣ (домовой), вошелъ въ скотину, въ звѣря, въ птицу, въ рыбу, однимъ словомъ во все живущее и существующее. Кто куда попалъ, тому и *хозяинъ* сталъ. Эрликъ однако не уговорился. Пришелъ онъ опять къ Ульгеню и началъ говорить такъ: ты разрушилъ мое царство, дай мнѣ по крайней мѣрѣ хоть на твоей землѣ одну равнину (кообы). Ульгень отвѣчалъ: нѣтъ тебѣ ни луговинки! Эрликъ сталъ приступать, настаивать, молить. Дай хоть десятину. — Нѣтъ. — Хоть сажень (кулаш)? — Нѣтъ. — Хоть четверть (карыш). — И того не дамъ! — Ну, сказалъ хитрый Эрликъ, дай хоть столько мѣста, чтобъ я могъ поставить конецъ палки. Ульгень подумалъ: это не бѣда; чтѣ онъ изъ маленькой дырки можетъ сдѣлать, да и согласился: поставь! говоритъ. Эрликъ взялъ палку, забилъ ее всю въ землю, потомъ выдернулъ; а вмѣстѣ съ палкой вышли: кабанъ, ухватившійся за палку зубами, драконъ, державшійся за хвостъ кабана, лягушка, прицѣпившаяся къ хвосту дракона и цѣлое сдѣлание разныхъ нечистыхъ гадовъ! И изрекъ Эрликъ: „будьте вы всѣ врагами человѣку!“ Тогда Ульгень разгнѣвался и окончательно низвергнулъ

Эрлика въ бездну (адъ). Но Эрликъ прокричалъ: „ты меня свергнулъ съ неба въ бездну, но слуги мои кроются въ 43 убѣжищахъ: утесахъ, горахъ, водахъ, въ огнѣ и въ людяхъ, въ звѣрѣ и въ скотѣ, въ лѣсахъ и въ желѣзѣ, въ полѣ и въ лугахъ. Хотя ты меня низринулъ, но они останутся здѣсь среди всего тобой созданнаго! Я буду посылать 43 рода *ѣткере* (злыхъ духовъ, производящихъ напасти), и они до скончанія вѣка будутъ дѣлать вредъ людямъ, тѣснить ихъ на смерть! Каждый ѣткеръ будетъ доводить человѣка до смерти и души людскія таскать ко мнѣ!“—И вотъ такъ и вышло! Яра-Чегень распредѣлилъ, кому, когда и какъ умереть; но ѣткере, дѣлая всевозможный вредъ людямъ, на каждомъ мѣстѣ и всегда стараются ускорить ихъ смерть, а ангелъ смерти, подручникъ Эрлика, извлекаетъ души изъ умирающихъ....

„А когда, человѣка еще не было, Ульгень усмотрѣлъ на морѣ плавающую какъ льдина массу земли и на ней приросшій слой глины. Онъ оторвалъ кусокъ этой глины и сказалъ: что это такое бездушное? Пусть это будетъ человѣкъ! И стало такъ. Ульгень назвалъ эту первую разумную тварь свою *Эрликъ* (мужественный). Изъ остальнаго куска глины Ульгень создалъ большую рыбу *пельк*. Эрликъ былъ сначала товарищемъ и меньшимъ братомъ Ульгения, но черезъ нѣсколько времени гордость ослѣпила его, захотѣлъ онъ съ нимъ сравняться, и подумалъ: „ахъ! еслибъ мнѣ создать такія твари и еще лучшія!“ Сталъ онъ послѣ этого все больше и больше отдаляться сердцемъ отъ Ульгения, охлаждать къ нему и наконецъ сдѣлался врагомъ ему и всѣмъ его тварямъ. Проникши въ мысль Эрлика, Ульгень создалъ себѣ другаго товарища, богатыря *Мангды-шире* (быстрота престола), чтобъ онъ всегда былъ съ нимъ и противоборствовалъ Эрлику. Для созданія же Мангды-шире, Ульгень извлекъ изъ камня сокъ, изъ котораго сдѣлалъ

металъ *кулер* (сплавъ чугуна съ серебромъ), и устроилъ ему остовъ крѣпчайшій камня. Потомъ, кромѣ Эрлика и Мангды-шире, сотворилъ онъ множество другихъ слугъ себѣ поселенныхъ имъ въ другихъ мірахъ: по Ойротскимъ священнымъ книгамъ, кромѣ нашего солнечно-луннаго міра есть еще 99 міровъ; у каждаго своя земля, свое небо и свой адъ; надъ каждымъ поставлены управлять слуги Ульгения и на каждой землѣ созданы люди; нашъ міръ — самый меньшій, низшій *Кара Тенгере* (черное небо); управляетъ имъ Майдеренаше небо имѣетъ 33 круга, или слоя, одинъ выше другаго; наша земля *Кара-Юра* (черная земля); адъ нашъ *Тянтпи-Кара-Тысз*, управляетъ имъ *Керей-Хай* (лютый). Когда дѣло дошло до нашего міра, то Ульгень на нашей землѣ сотворилъ вдругъ 7 мушинъ и столько же деревьевъ. Кости человѣка создалъ изъ камыша, а тѣло изъ глины. Устроивъ составъ человѣка, Ульгень дунулъ ему въ уши и въ носъ. Тогда человѣкъ сталъ живъ и разуменъ; дунулъ въ уши — вошла душа; дунулъ въ носъ — вошелъ умъ. Сотворивъ 7 человѣкъ и не отходя отъ мѣста творенія, Ульгень обратился къ востоку, гдѣ стоитъ „Алтынъ-Тау“ (золотая гора) и создалъ еще одного мушину *Майдере* и одно дерево, да и поставилъ на Алтынъ-Тау лицомъ на западъ. Вдунувъ душу и умъ, сказалъ онъ этому восьмому человѣку. „Что я сотворю—доброе ли, худое ли, ты надо всѣмъ властвуй; кому умереть съ голоду—ты знай, кому въ сытости жить—знай тоже, кому больнымъ быть или здоровымъ—знай!“ Ушелъ и 7 лѣтъ объ нихъ не заботился. На 8-ой годъ пришелъ посмотреть, что и какъ вышло? Видитъ — какъ было 8 мушинъ такъ и остались они; а на каждомъ изъ 8 деревьевъ выросло по 7 вѣтвей (каждый годъ по одной). Ульгень сказалъ: „почему дерево множится, а человѣкъ нѣтъ?“ Восьмой человѣкъ, поставленный на Алтынъ-Тау, отвѣчалъ: отчего выро-

сти и множиться когда женщины нѣтъ? (здѣсь игра словъ, ибо „жизни“ значитъ: скважина и женщина). Ульгень на это замѣтилъ: „При сотвореніи твоёмъ я тебѣ говорилъ: ты знай, ты знай, ты знай! Поди же къ семи; я за тобой приду черезъ 3 дня.“ Когда восьмой пришелъ къ семи, то вспомнивъ слова Ульгения: ты знай, ты знай, началъ, подражая Ульгению, творить женщину изъ камыша и глины. Но работа шла неуспѣшно: глина разсыпалась, камышъ ломался. Тогда онъ сорвалъ траву *арын-элен*, измялъ ее въ рукахъ и, держа въ ладоняхъ, дунулъ на нее. Отъ этаго дуновенія родилась змѣя, которою онъ и обвинилъ творимую имъ женщину, чтобъ она не разваливалась. На третій день, когда женщина была уже сотворена, но еще бездушна, Майдере отправился къ Ульгению, а собакъ поручилъ караулить свое твореніе. Этимъ воспользовался хитрый Эрликъ. Онъ пришелъ къ женщинѣ, дунулъ ей въ нозъ изъ желѣзной трубы, а въ оба уха дулъ играя на желѣзной свирѣли о 9-ти клапанахъ, и такимъ образомъ вложилъ въ нее душу и умъ. И вышло изъ этого вотъ что: женщина оказалась подобной змѣѣ, съ душой всегда на 7 ладовъ, а съ умомъ всегда на девять разногласныхъ языковъ, да въ добавокъ тѣло у нея осталось отъ змѣинаго поту (когда змѣя ее обвила) сираднымъ! Майдере же, пришедши къ Ульгению, сказалъ: „ты знай, ты знай, ты знай, я сотворилъ женщину, но души еще въ ней нѣтъ. Велишь ли вложить душу?“ Ульгень отвѣчалъ: Иди скорѣй! Майдере воротился, увидалъ женщину одушевленной и закричалъ на собаку: „зачѣмъ ты допустила Эрлика обмануть себя? Собака, такъ собака и есть!“ Собака оправдывалась: „Эрликъ обѣщалъ мнѣ шубу, которая лѣтомъ отъ воды не будетъ ссыхаться, а зимой не будетъ мерзнуть; обувъ съ подковами, которая никогда не износится.....“ Майдере проклялъ ее, говоря: „Питайся же ты отнынѣ оглодками,

караулъ жилище человѣка, пусть онъ тебя бьетъ!.. Такъ и случилось. А прежде собака жила вмѣстѣ съ человѣкомъ въ юртѣ, не имѣла шерсти и когтей, говорила и могла передавать свои мысли и чувства.

„Позвалъ Майдере 7 мушницъ и сказалъ имъ: „кто изъ васъ возьметъ эту женщину?“ Всѣ молчали. Майдере, взявъ одного за руку, подвелъ къ женщинѣ; но этотъ сказалъ: духъ отъ нея иной, несносный! и убѣжалъ. Убѣжали за нимъ и еще пять. Тогда пришелъ Ульгень, выхватилъ у седьмого изъ обоихъ боковъ двѣ ребровыхъ кости и добавилъ женщину.“

Въ этой космогоніи есть всё, что встрѣчается въ ученіяхъ крайняго востока: борьба небесныхъ силъ съ духомъ тьмы и его воинствомъ, непрестанныя козни дьявола, пересозданіе женщины изъ реберъ мушницы. Самый отзывъ мушницы напоминаетъ Апулея. „Когда женщина встаетъ отъ сна, говоритъ древній юмористъ, она походитъ на обезьяну. Отъ нея всегда дурно пахнетъ.....“ Взглянемъ теперь на свѣтопреставленіе, по космогоніи алтайскихъ инородцевъ. „Чѣмъ далѣе тянется вѣкъ, тѣмъ грѣшнѣе становится міръ и тѣмъ болѣе умножается зло. По мѣрѣ же умноженія грѣховности, Ульгень болѣе и болѣе отвращается отъ человѣка, смердящаго грѣхомъ, дѣлается холоднѣе къ людямъ и затыкаетъ уши, чтобы не слышать молитвъ ихъ! А Эрликъ изъ преисподней поднимается все выше и выше и приближается къ *Кара-Шу*, стоящему подъ верхнимъ слоемъ земли, ближе къ людямъ. Такимъ образомъ, предъ кончиной міра, Эрликъ приблизится къ самой землѣ, а *Кара-Шу* выйдетъ уже на поверхность. Тогда народъ забудетъ Ульгения. *Кара-Шу*, вышедши на землю къ *теп-кере* (ангелъ-хранитель думъ, котораго обязанность караулить ихъ до скончанія міра и не давать во власть Эрлику), начнетъ съ нимъ зло спорить о людяхъ, а на помощь *Кара-Шу* выйдетъ Керей, чтобы непременно за-

владѣть людьми. Ульгень же, сжалившійся въ послѣдній разъ надъ ними, пошлетъ съ неба богатыря Мангды-шире. Карашу съ тепкере будутъ продолжать споръ о душахъ людскихъ, а Мангды-шире сразится съ Керемъ и начнетъ рвать его тѣло на куски. Эрликъ, услыхавъ вопль Керей, самъ выйдетъ на поверхность земли и убьетъ Мангды-шире. Тогда Ульгень пошлетъ на землю богатыря Майдере, сказавъ: „иди и не сражайся. а только уговаривай людей, члобы не склонялись къ Эрлику, хотя онъ и будетъ склонять ихъ къ себѣ да мучить. И не пылай гнѣвомъ, не убивай Эрлика, лучше пусть онъ убьетъ тебя. Я приду и воскрешу тебя!„ Когда Майдере сойдетъ съ неба, Эрликъ будетъ уже принуждать людей, чтобы предались ему и лстиво скажетъ имъ: „кто поклонится мнѣ, того я сдѣлаю свободнымъ, а кто не покорится—тому уготовлю вѣчныя муки!“ А Майдере скажетъ: „не вѣрьте! Онъ умертвить можетъ тѣло, а не душу!“ Эрликъ разъярившись бросится на Майдере и поразитъ его. Кровь праведнаго духа, обагривъ всю землю, обратится въ пламя и взойдетъ на небо. Тогда сойдетъ съ неба самъ Ульгень, ударитъ въ ладони и воскликнетъ: „возстаньте мертвые!* Отъ клича и дыханія Ульгена всѣ мертвые возстанутъ. Земля, огонь, вода, звѣри и рыбы возвратятъ тѣла людей, кто изъ нихъ что истребилъ. А изъ устъ Ульгена изойдетъ пламя и воспламенитъ всю землю. Но земля не вся истребится, а только нечистый слой, на которомъ жили люди и ходилъ кюрюмесь (дьяволъ). Ядро земное останется и изъ него Ульгень создастъ новую землю съ водами и лѣсами, звѣрями и птицами; населитъ людьми. А вмѣстѣ съ *черною землею* сгоритъ самъ Эрликъ, его силы и преданные ему люди. Вѣрные же Ульгеню останутся съ нимъ и будутъ вѣчно жить въ его жилищахъ въ раю, на *Алтын-Тау* (золотой горѣ).»

Заключимъ эти космогоническія изображенія, крайне любопытныя по сближенію ихъ съ вѣрованіями и ученіями другихъ народовъ въ глубокой древности, поэтической картиною «кончины міра», изложенною въ видѣ рапсодіи, которая поется въ Алтайскихъ горахъ камами подъ звуки орбы: «Когда послѣдній вѣкъ настанетъ, и черная земля будетъ опалена огнемъ, когда милостивый отецъ-Богъ заткнетъ свои уши, тогда возмнутся народы, пресѣкнутся наслѣдство и родство; лютый вѣтеръ возмутится и вся природа нарушитъ свои законы, общества распадутся, злобные глаза человѣка нальются кровью, а источники кровью же потекутъ; застонетъ развращенная земля и поколеблятся горы, обрушатся стремнины и загремѣтъ небо; взволнуется море и разверзнутся нѣдра земныя; со дна морскаго изойдутъ 9 человѣкъ на желѣзныхъ коняхъ, а впереди у коней копыта будутъ съ саблями, сзади же у хвоста мечъ обоюдоострый; найдутъ на лѣса, деревья скосятъ; настигнутъ людей, живыхъ пожнутъ; народамъ не будетъ міра, а солнцу и лунѣ не будетъ свѣта; дерево исторгнется изъ корня, а отецъ будетъ разлученъ съ дѣтми; трава будетъ вырвана и сѣмена ея истребятся; мать будетъ разлучена съ дѣтми и останется безъ мужа; на землѣ же вырастетъ вмѣсто луговой травы питательницы животныхъ, смертоносная трава «Конкулъ»: изъ сей травы выродится желтая саранча; падетъ на скотъ—его изсосетъ, а падетъ на людей, то и ихъ высосетъ; въ то время *Шандимы* (добрый геній хранитель человѣка и животныхъ) воскликнетъ: «Мангды-шире, окажи помощь!» Но Мангды-Шире будетъ молчать. Шандимы опять воскликнетъ: «Мангды-Шире! Лютый змѣй все пожираетъ! Богъ забылъ людей! Берега осыпались и вода исчезла, стада пали, птица гнѣздо оставила, звѣрь оставилъ свое логовище, народы остались безъ вождей, матери остались безъ дѣтей! окажи помощь!»

Но Мангды-Шире будетъ молчать.... И придутъ тогда на землю Карашъ и Керей, станутъ воевать съ Мангды-Шире и Майдере, польется кровь и отъ этой крови загорится земля.... И вотъ кончина вѣка!»

Инородцы кузнецкаго округа, да и вообще всей мѣстности южныхъ округовъ Томской губерніи (Кузнецкаго, Бійскаго и Барнаульскаго), мѣстности благодатной и несравненно щедрѣ надѣленной природою нежели южные же округа Тамбовской—ведутъ двойную жизнь: Калмыки двоеданы кочуютъ непрерывно съ своими стадами зимой въ ущельяхъ Алтайскихъ горъ, и мѣстахъ лѣсистыхъ, для защиты скота отъ вьюгъ и бурановъ, а лѣтомъ у предгорій, на плоскостяхъ обильныхъ кормомъ. Телеуты имѣютъ зимовники въ родѣ бревенчатыхъ остатскихъ юртъ; наконецъ мрасскіе татары живутъ уже деревнями. Но у всѣхъ осѣдлыхъ, полусѣдлыхъ и кочевыхъ — любимое питье: *чегән* и *кумыс*. Чегәнъ готовится изъ коровьяго молока, а кумысъ изъ кобыльяго, такимъ образомъ: сперва сливаютъ молоко въ кожаный мѣшокъ (аркытъ), гдѣ оно въ теченіи нѣсколькихъ дней тщательно и часто взбалтывается деревянною колотушкой съ отверстіями на нижнемъ концѣ, и приходитъ въ броженіе. Для закваски, въ новый аркытъ кладется копченая жила, чаще лошадиная, а старый и уже обдержанный аркытъ самъ себѣ служить закваской. Инородцы употребляютъ чегәнъ и кумысъ въ огромномъ количествѣ; мало-мало достаточные изъ нихъ пьютъ еще и кирпичный чай (который, какъ и за Байкаломъ, входитъ здѣсь въ употребленіе и у крестьянъ; напитокъ очень питательный изъ горячаго чаю, молока и поджареной пшеничной муки называемый затураномъ), а бѣдники—прошлогоднія листья Бадана (*Saxifraga crassifolia*), растенія собственнаго каменистымъ горамъ и даже цвѣтъ бѣлоглавника (*Spiraea ulmaria*); но предпочитается на народ-

ныхъ праздникахъ, при чествованіи гостя и вообще во всѣхъ случаяхъ, гдѣ инородецъ хочетъ погулять (а лѣтомъ это случается часто, ибо калмыкъ и телеутъ, оставляя лѣтомъ хозяйство на попеченіе женщинъ, разѣзжается по роднымъ и знакомымъ изъ стойбища въ стойбище, ѣстъ бараній курдюкъ и жирную баранину, конину, запивая все это чегәнемъ и кумысомъ), выгонка изъ кумыса крѣпкаго питья *аракы*, которое тоже въ употребленіи и у забайкальскихъ бурятъ (не говоря уже о киргизахъ). Аракы готовится слѣдующимъ образомъ: котелъ съ готовымъ уже кумысомъ ставится на огонь, плотно закрывается двумя половинками круглой выпуклой деревянной крышки, которой края со всѣхъ сторонъ замазаны глиною съ примѣсью для крѣпости конскаго кала: на одной изъ половинокъ два отверстія, въ которыя вложены деревянные дугообразныя трубы. Одинъ конецъ этихъ трубъ хорошо вмазывается въ отверстіе крышки, а другой пропускается въ чугунный кувшинъ, закрытый кускомъ изъ войлока и стоящій въ корытѣ съ холодною водою. Пары кумыса, проходя сквозь трубы въ кувшины и здѣсь осаждаясь, превращаются въ вино *аракы*, а изъ выжимокъ испарившагося кумыса, готовится питательный сыръ (куртъ), безъ котораго калмыкъ и киргизъ не пускается никогда въ дорогу. Крестьяне, живущіе здѣсь вездѣ въ сосѣдствѣ съ инородцами, особливо съ мрасскими татарами, научились у нихъ гнать по татарскому способу вино изъ хлѣба, *самосадку*. Но самосадка (которая въ общемъ употребленіи и между крестьянами лѣсистыхъ округовъ Тобольской губерніи, особенно въ Тюмени и въ Пелымѣ, и за гонкой которой, не взирая на всѣ мѣры администраціи, усмотрѣть нельзя въ этихъ дремучихъ тайгахъ и зыбунахъ, лабиринты коихъ извѣстны лишь мѣстнымъ жителямъ) не имѣетъ ни вкуса, ни чистоты аракы, притомъ и запахъ у нея отвра-

тительный. Хорошая арака безвѣтна, имѣетъ остро-кислый вкусъ и опьяняетъ исподволь.

Дорога въ Кузнецкъ очень живописна, и иначе быть не можетъ, потому что тутъ уже идутъ отроги громаднаго и столь поэтическаго Алтая. Къ тому же извѣстная дремучая кузнецкая *чернь* (тайга, очень удачно такъ названная, ибо индѣ и при яркомъ солнцѣ темно отъ необычайной густоты хвойныхъ лѣсовъ, которые здѣсь, какъ и въ пелымскомъ краѣ, стоятъ рѣшительно стѣной не пропускаемой для взора) полна картинныхъ видовъ. Великаны кедръ, въ нѣсколько охватовъ толщины, душистая пихта, сосна и ель, наконецъ лиственница, вѣковѣчное для построекъ дерево и, въ особенности драгоцѣнная для пчеловодства липа наполняютъ эти дремучіе урманы, пересѣкаемые по всѣмъ направленіямъ свѣтло кристальными горными рѣчками и ручьями, стремительно бѣгущими по камнямъ, озерами, обильными мелкою рыбой и часто соединяющимися длинными протоками съ рѣками, составляя то, что въ Сибири называется *старицами*, — названіе очень мѣткое, ибо сіи старицы сущіе заливы, всегда спокойные, какъ зеркало отражающіе въ своихъ спокойныхъ видахъ титаническую растительность тайги. Жаль только что и здѣсь, какъ въ Пелымѣ и во всѣхъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Сибири, русскій человѣкъ (самый плохой колонизаторъ въ мірѣ) приходитъ все портить тѣми тремя столпами, на которыхъ зиждется и доселѣ наша русская жизнь: авось, живетъ и кое какъ! Надгладу же здѣсь никакого за его хозяйничаньемъ нѣтъ; оттого и здѣсь великолѣпные кедровые и липовые лѣса истребляются безжалостно и безъ всякаго разсчета. На это стоитъ обратить вниманіе. Извѣстно, что кедръ вдвойнѣ полезенъ: по прямизнѣ и мягкости; онъ отлично приспособляется не только къ всякаго рода капитальнымъ постройкамъ, но и къ самымъ нѣжнымъ столяр-

нымъ работамъ и даетъ вкусные орѣхи, которые въ ѣдѣ и въ маслѣ, и даже въ выжимкахъ (которые русскіе и инородцы тоже ѣдятъ въ примѣси къ кирпичному чаю) составляютъ предметъ значительной внутренней и заграничной торговли. Сверхъ сего, не менѣе важный въ дремучихъ сибирскихъ тайгахъ промыселъ бѣлки совершенно зависитъ отъ обильнаго урожая орѣховъ. Шишка съ орѣхомъ завязывается на кедрѣхъ осенью и подобно хлѣбнымъ растеніямъ называется *озимью*, ибо орѣхъ не только для инородца, но и для крестьянина вездѣ въ лѣсистыхъ пространствахъ сибирскихъ — истинный „хлѣбъ насущный“. Урожай орѣховъ оплачиваетъ подати и повинности, возвышаетъ благосостояніе мѣстныхъ жителей, даже отзывается благоприятно на внутренней торговлѣ. Стало бытъ почительной администраціи, если она добрая хозяйка края, слѣдуетъ заботиться объ охраненіи кедровыхъ лѣсовъ и преслѣдовать злоупотребленіе неразумнаго и безрасчетнаго ихъ истребленія. Когда жъ озими кедровой много, то и бѣлки въ слѣдующемъ году появляются во множествѣ, „накатывается“ на кедровые лѣса, какъ выражаются инородцы. А уловъ бѣлки тоже не маловажная статья мѣстнаго сибирскаго хозяйства. Между тѣмъ русскіе крестьяне и мѣщане (и не только въ алтайскихъ тайгахъ, но и вездѣ въ Сибири) болѣею частью, при добываніи орѣховъ (которое обыкновенно производится въ концѣ лѣта), вмѣсто того, что бы взлѣзть на кедръ и обить съ него палкой шишки, какъ это всегда дѣлаютъ инородцы, срубаютъ кедръ подъ корень, избѣгая труда лѣзть на высокое дерево, обернуть шишки, потомъ срубаютъ другой и третій и такъ далѣе! Срубленные кедровые стволы такъ тутъ и остаются, гниютъ. Бѣдные, безгласные передъ русскими инородцы тщетно умоляютъ не срубать кедровъ и не лишать ихъ такимъ варварскимъ своеволіемъ

ежегодной пищи и деньги!—А кому жаловаться? Ино-родцы народъ робкій, законовъ незнающій, города отъ ихъ стойбищъ далеко; да и какую пользу принесетъ жалоба? Мѣстные чиновники любятъ разбирать жалобы съ „прилагательнымъ“ и „существительнымъ“, политической экономіи и государственнаго хозяйства не знаютъ, притомъ же они сами русскіе люди, и „живутъ со дня на день!“

Еще болѣе слѣдовало бы обратить строгое вниманіе на столь же варварское истребленіе липы. Кедровыхъ лѣсовъ еще хватитъ пожалуй на долго — они въ лѣсистыхъ районахъ Сибири повсемѣстны; но липа растетъ полосами и не вездѣ. Въ Тобольской губерніи находится она въ обилии лишь въ Тарскомъ округѣ, по рѣкѣ Васюгану и его притокамъ; въ Томской же, преимущественно по рѣкѣ Кандомѣ, между Тешью, Мигашемъ, на площади около 300 квадратныхъ верстъ. Эти драгоценныя липовыя лѣса, просто великолѣпіе! Толщина деревьевъ доходитъ до нѣсколькихъ охватовъ! Употребленіе липы многообразно. Какъ дерево собственно, она идетъ на рѣзбу церковныхъ и другихъ орнаментовъ подъ позолоту; цвѣтъ липовый составляетъ въ народной медицинѣ хорошее потогонное и умиряющее боли средство; самый медъ, собранный пчелами во время цвѣтенія липы и извѣстный подъ названіемъ *липча* (липового меда), превосходитъ ароматомъ, вкусомъ, чистотою, добротою и особой цѣлебной силой во многихъ болѣзняхъ всѣ другіе меда, собираемые пчелами въ иную пору и съ другихъ растений. Липовый медъ продается и здѣсь (какъ и въ Россіи) втрое дороже простаго. Извѣстно, что правительство запретило уже принимать въ казну муку и крупу въ рогожныхъ куляхъ, а вѣрно имѣть для сего мѣшки холщевые: этимъ поубавлено истребленіе липы, изъ мочалъ которой добывается рогожа. Вишніе покровы липы

доставляютъ лубъ (лубокъ); изъ луба же посредствомъ вымочки получается мочало. Лыко есть вишніе покровы молоденькихъ лицъ. Лубъ и лыко можно добывать только весною, когда дерево въ соку. Въ Россіи лапти, плетущіяся изъ лыка и составляющія обувь почти всѣхъ крестьянъ, цыновки или рогожа, предметъ первой необходимости въ крестьянскомъ хозяйствѣ, истребляютъ много липовыхъ лѣсовъ; но за то въ болѣе части внутреннихъ губерній по мягкости климата, сравнительно съ Сибирью, липа дерево обычное, хотя и тамъ (въ мѣстностяхъ, гдѣ сильно развито пчеловодство) пора бы обратить вниманіе на истребленіе липовыхъ лѣсовъ, какъ давно пора уничтожить вредный для государственнаго хозяйства обычай—истреблять миллионы березокъ на Троицынъ день, что представляетъ ежегодно огромный денежный капиталъ рѣшительно пропадающій даромъ. Хотя во всей Сибири о лаптяхъ и понятія не имѣютъ, и вся обувь мужская и женская кожаная, но для добычи луба все таки истребляется множество липы. Промышленники луба отправляются обыкновенно весной въ липовыя лѣса и безжалостно срубаютъ въковыя въ нѣсколько охватовъ липы, сдираютъ съ нихъ лубъ, а самое дерево оставляютъ гнить! Два челоуѣка добываютъ такимъ образомъ въ недѣлю до 100 паръ луба (пароу называются 2 боковины и третья постилка на дно въ обшивки, иначе по здѣшнему произношенію *пошевни*). Съ одной лѣсины получается обыкновенно только одна лубина, рѣдко двѣ, а еще рѣже три. Цѣна лубинъ самая ничтожная: отъ 8 до 14 коп. сер. И такъ, на каждыя 100 челоуѣкъ приходится до 5,000 лубинъ, по высшей цѣнѣ всего лишь на 700 р. с., а между тѣмъ изъ за этой пустой суммы истребляется 3,500 въковыхъ деревьевъ, столь драгоценныхъ для пчеловодства. Слѣдовало бы строжайше запретить срубить кедръ и липы, подвергая виновныхъ де-

нежному штрафу. Въдъ запрещено же въ Россіи рубить дубъ въ казенныхъ дачахъ, даже здѣсь, въ горномъ вѣдомствѣ алтайскихъ заводовъ, тоже запрещено рубить сосну; почему жъ не распространить это запрещеніе на кедръ и липу, столь необходимые для пропитанія народнаго, тѣмъ болѣе, что лубокъ для саней можно замѣнить драицами (тоненькими дощечками) другого дерева. Въ нынѣшнее время пчеловодство сильно распространено отъ Усть-Каменогорска (въ Семипалатинской области) до Менусы и Каинска (въ Енисейской губерніи). Въ пасѣкахъ сплошь да рядомъ увидите по нѣскольку сотъ ульевъ, а есть у богатыхъ крестьянъ и прилинейскихъ козаковъ такіе пасѣки въ которыхъ насчитываютъ и тысячи ульевъ! До 1798 года въ Сибири пчеловодство было совершенно неизвѣстно. Въ этомъ году тогдашній Шефъ Селенгинскаго мушкатерскаго полка, полковникъ Аршеневскій, богатый человекъ и большой любитель сельскаго хозяйства, выписалъ изъ Россіи 2 улья, которые и были ему доставлены въ Усть-Каменогорскую крѣпость (полковой штабъ). Въ 65 лѣтъ, съ его легкой руки, пчелы акклиматизировались въ Томской и Енисейской губерніяхъ, приурочились нынѣ въ Тобольской (по рѣкамъ Васьюгану и Тартасу), и сибирское пчеловодство уже ворочаетъ милліонами цѣлковыхъ! А между тѣмъ на всѣхъ языкахъ здѣшнихъ инородцевъ нѣтъ названія пчелы; они ввели въ свои нарѣчія русское слово, исказивъ его въ *печела*. Теперь въ здѣшнихъ великолѣпныхъ липовыхъ лѣсахъ и даже въ тайгахъ всей южной полосы до Минусы водятся во множествѣ дикія пчелы или, точнѣе сказать, одичавшія, т. е. улетѣвшіе изъ пасѣкъ рои въ послѣдствіи размножившіеся по лѣсамъ. Здѣсь съ успѣхомъ могло бы быть введено бортовое пчеловодство какъ у башкиръ, въ Кіевской губерніи и въ другихъ мѣстностяхъ Россіи. Весною здѣсь цвѣту на ли-

пахъ такъ много, что онѣ кажутся почти совершенно бѣлыми, какъ бы осыпанными снѣгомъ и въ это время доставляютъ пчеламъ самую богатую пищу. Въ Кузнецкомъ округѣ, взявши среднія данныя, изъ 100 пчелиныхъ ульевъ добывается 40 пудовъ меду, а въ лучшихъ пасѣкахъ каждая колодка производитъ по 30 фунтовъ.

Окружный городъ Кузнецкъ построенъ въ 636 верстахъ отъ Томска, подъ 53° 46' сѣв. шир. и 104° 53' восточн. долгот., значить уже въ мѣстности значительно теплой, на правомъ берегу Томи противъ устья впадающей здѣсь въ нее Кандомы. Онъ основанъ въ 1617 году, въ 1622 г. сожженъ Джунгарами и лишь въ 1745 году русскіе окончательно утвердились въ здѣшнемъ краѣ, подвергаясь до того непрерывнымъ нападеніямъ инородцевъ. Онъ былъ поочередно уѣзднымъ городомъ Сибирской губерніи, Колыванской, Тобольскаго Намѣстничества, а наконецъ, съ 1822 года, (по Сибирскому Учрежденію Сперанскаго) окончательно вошелъ въ составъ нынѣшней Тобольской губерніи. Это маленькій городокъ, въ которомъ теперь только 479 домовъ (изъ нихъ 3 каменные), 3 церкви (каменные) и 1687 жителей по 10-й ревизіи (мущ. 962 женщ. 752). Городскіе доходы самые ничтожныя, не превышающіе 1000 р. сер. Мѣщане ходятъ по паспортамъ, какъ и большая часть мѣщанъ сибирскихъ: на прииски, въ прикащикахъ, въ личномъ услуженіи (до 418 мущ.). Нѣкоторые занимаются вываркой мыла и выдѣлкой воску, котораго приблизительно сбываютъ ежегодно до 2,000 пудовъ. Купцовъ (всѣ нынѣшней 2-ой гильдіи) насчитывается 29 капиталовъ, прикащиковъ 46. Торговля производится исключительно развозная, по округу, краснымъ товаромъ и мелочью на простую руку. На берегу рѣки Томи, близъ впаденія въ нее рѣчки Бѣльсы, находится центральное пребываніе «Алтайской

духовной Миссіи,» въ крестовоздвиженскомъ мужескомъ монастырѣ, основанномъ въ 1819 году архимандритомъ Магаріемъ. Но члены этой миссіи живутъ не всѣ вмѣстѣ, а въ разныхъ пунктахъ здѣшняго края для большаго удобства Евангельской проповѣди. Въ 1856 году заведено еще одно такое отдѣленіе въ Кузнецкомъ округѣ, въ улусѣ кузедѣвскомъ, ближайшемъ къ такъ называемымъ „Черновымъ Татарамъ“, т. е. живущимъ среди кузнецкой черни (тайги). Тутъ есть и походная церковь во имя св. Іоанна Крестителя. Но надо сознаться, что обращеніе идолопоклонниковъ въ христіанство идетъ туго. До сихъ поръ обращено не болѣе 2000 человекъ. Здѣсь повторяется тоже самое явленіе, какъ и въ духовной миссіи Кондѣйскаго Троицкаго монастыря, въ Березовскомъ округѣ тобольской губерніи предназначеннаго для обращенія остяковъ и самоѣдовъ, или въ Посольскомъ монастырѣ, за Байкаломъ, для бурятъ. Всѣ сии новообращенные только по имени христіане. За Байкаломъ ламы, а здѣсь и въ Березовѣ шаманы, врачи не только душевные, но и тѣлесные, сохранили преобладающее вліяніе на инородцевъ, которые плохо поддаются Евангельскому ученію. (*) Въ Сибири — есть доселѣ нѣсколько миссій: въ Березовѣ, здѣсь, въ Якутскѣ, есть даже духовная миссія въ Пекинѣ; но христіанство распространяется медленно или, точнѣе сказать, не-

*) По извѣстіямъ, сообщеннымъ еп. Веніаминомъ въ *Современной Литониси* (1865 г. № 18), забайкальская духовная миссія въ 1864 году имѣла 10 становъ, въ этомъ году просвѣщено св. крещеніемъ 479 человекъ, а всего съ 1862 по 1865-й годъ 1,004 человека. Христіанство распространяется преимущественно между оленными тунгусами (орочаками) и бурятами. Между прочими принявъ св. крещеніе главный шаманъ кударинскихъ бурятъ; при кударинской степной думѣ обучалось 6 мальчиковъ, а въ баунтовскомъ станѣ два орочанскіе мальчика. Вообще миссіонерское дѣло идетъ въ послѣднее время успѣшнѣе. Секр. Общ.

видимо среди инородческихъ племенъ даже Сибири (о Китаѣ уже и не говоримъ).

Во всѣхъ благодатныхъ мѣстностяхъ сибирскаго юга, начиная курганскимъ округомъ (на границѣ Оренбургской губерніи) и до предгорій Забайкальскихъ кругоморскихъ хребтовъ (въ Иркутской губерніи), довольство и благосостояніе жителей одинаково выражается сытостью, хорошими постройками, сильно развитымъ хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ. Въ нынѣшнее время напримѣръ, здѣсь, въ Кузнецкомъ округѣ, ржи съ десятины, засѣваемой обыкновенно 8-ю пудами, снято было до 1000 сноповъ, давшихъ около 150 пудовъ зерна, значитъ почти самъ-20. Пшеницы съ десятины, обсеменной 15-ю пудами, нажиналось до 1200 сноповъ, тоже давшихъ приблизительно до 160 пудовъ зерна. Сборъ кедровыхъ орѣховъ былъ очень обилентъ, а бѣлку ловили даже руками. Хорошее лѣто благопріятствовало въ особенности пчеловодству: 100 ульевъ дали до 40 пудовъ меда, а въ иныхъ пасѣкахъ изъ улья бралось до 35 фунтовъ. Рыбы въ Кондомѣ было обильно, такъ что иногда у заѣздовъ добывали ея въ ночь до 30 воевъ и болѣе. Вообще—здѣсь жизнь еще привольнѣе, нежели въ южныхъ округахъ Тобольской губерніи, которые называютъ «сибирской житницей.» Здѣсь великолѣпные строевые лѣса, большія проточныя воды, горы и дремучіе лѣса защищаютъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ, а пуще всего отъ губельныхъ снѣжныхъ бурановъ; здѣсь возможно въ большихъ размѣрахъ пчеловодство и табаководство, чего доселѣ на югѣ Тобольской губерніи нѣтъ. Наконецъ, здѣсь всюду неистощимыя богатства рудныя, „истинная металлическая кладовая“ всего государства, и когда нынѣшнія монополіи и ограниченія будутъ сняты съ руднаго промысла, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ быстро разовьется и дастъ такой толчекъ прогрессивному благосостоянію Сибири, котораго еще и не подозреваютъ.....

Бійскій округъ граничитъ къ сѣверу съ Кузнецкимъ, а къ западу съ Барнаульскимъ округами своей губернии; къ югу съ Семипалатинской областью, а къ востоку съ западнымъ Китаемъ. На пространствѣ (разумѣется и здѣсь тоже вычисленномъ приблизительно) 167,650 квадратныхъ верстѣ онъ населенъ 164,443 ж. о. п. (по 10-й народной переписи) и включая въ это число свой окружной городъ Бійскъ (3818 ж.). Мужчинъ насчитывается въ немъ 80,775, а женщинъ 79,910. И здѣсь (какъ въ округахъ Кузнецкомъ и Барнаульскомъ) почти всё сельское населеніе (исключая инородцевъ осѣдлыхъ и кочующихъ) состояло изъ горно-заводскихъ крестьянъ (до примѣненія и къ нимъ „Положеній“ 19 февраля 1861 года). Подъ пахатными полями здѣсь вычисляется 893 кв. верст; подъ лугами и выгонами 67,570 кв. верст., подъ лѣсами 29,145 кв. вв. верст., изъ остальнаго пространства: часть еще вовсе не вычислена, а часть можно отнести къ водамъ и степнымъ мѣстамъ (къ югу, близъ границы Семипалатинской области). При 10-й ревизіи считалось въ округѣ 16,169 дворовъ; административно же 12 русскихъ и 4 инородческихъ волостей. Здѣшній округъ, за исключеніемъ южной мѣстности къ границѣ Семипалатинской области и къ правому берегу Оби (къ границѣ Барнаульскаго округа), покрытъ отрогами *Русскаго* или *Малаго* Алтая. Этотъ хребетъ, одинъ изъ высочайшихъ въ центральной Азіи, составленъ изъ огромныхъ массъ гранита, лежащихъ всегда между сланцами и выходящихъ наружу только на склонахъ горъ. Здѣсь находится тоже: гнейсъ, аспидъ и нѣкоторыя породы глинистой, известковой и кремнистой земли. Въ Алтаѣ находится равнымъ образомъ прекрасный порфиръ разныхъ породъ: красный, кварцовый, полосатый, а около Телецкаго озера добывается превосходная яшма. Главные отроги отделены одинъ отъ другаго глубокими падьями (ущельями)

и долинами, покрытыми могучей растительностью. Вершины горъ состоятъ большею частью изъ голыхъ массъ гранита, покрытыхъ вѣчными снѣгами и мѣстно называются *бѣлками* и *гольцами*. Наблюдая характеристику Алтая, свойство его горъ, грунта и растительности, ясно видно, что граница его рѣзко отличается отъ кузнецкой *черни*, прорѣзываясь прямо по направленію къ Телецкому озеру (Норъ-Зайсанъ). Здѣсь трава преимущественно кипецъ, которую охотно естъ скотъ (Калмыки зовутъ ее *изю-эленъ* — горячая трава). Въ обилии тоже растутъ въ этихъ горахъ: баданъ (*Saxifraga crassifolia*); мораллъ, живописно - цвѣтущій кустарникъ, оживляющій эти мертвыя глыбы гранита и свойственный исключительно только алтайской мѣстности, особой породы кедръ съ орѣхами розоваго цвѣта, кизильникъ. (*Mespilus Amelanchies*), тоже свойственный лишь каменистымъ горамъ, барбарисъ, особые разновидности южевника, *Anabasis* и множество другихъ горныхъ растений. По даннымъ геодезической экспедиціи (снаряженной на суммы Кабинета Его Величества и съ 1858 года производящей астрономическія, геодезическія и топографическія изслѣдованія въ районѣ Алтайскаго горнаго вѣдомства), Алтайскія горы разбиваются на 6 основныхъ группъ, которыя начиная съ востока идутъ подъ названіями: Коргонскихъ бѣлковъ, Ульбинскихъ, Тургузанскихъ, Холзунскихъ, Башалацкихъ и Айгалуцкихъ. Изъ этихъ центральныхъ группъ расходятся въ въ обѣ стороны отроги второстепенныхъ, самыя богатѣйшіе серебромъ, золотомъ, свинцомъ, мѣдью, желѣзомъ и далеко еще не изслѣдованные вполнѣ. Тутъ, при отсутствіи монополіи и привилегій, при полномъ свободномъ трудѣ, станетъ богатствъ на сотни лѣтъ и на благосостоянія многихъ поколѣній. Важнѣйшіе по сокровищницѣ скрывающихся въ ихъ нѣдрахъ металловъ, суть: Коксунскій хребетъ, Салаирскія горы, въ особенно-

сти богатая разсыпнымъ золотомъ, Колыванскія, идущія на сѣверозападъ между бассейнами верхняго Иртыша и Оби, Телецкія или Кузнецкія, составляющія восточную оконечность Алтая, замирающую около Томска и нисходящую къ Барабинскимъ степнымъ мѣстностямъ; Тарбагатайскія, между озерами Норъ-Зайсангомъ и Балжишинскимъ. Вся эта сѣтъ горъ служитъ водораздѣломъ двухъ разныхъ системъ: одной, сливающейся съ сѣвера въ Ледовитый Океанъ, а другой, съ юга, въ рѣки Кириной степи, Туркестана и Джунгарии. Высшая точка всего Алтая есть гора *Билуха*, иначе называемая *Катунскими столбами*, покрытая вѣчнымъ снѣгомъ до самой подошвы (феноменъ единственный въ мірѣ), особенно къ сторонѣ рѣки Чуя, гдѣ изъ глубокой ледяной пропасти стремительно выбѣгаетъ рѣка Чаганъ съ водой голубаго цвѣта и ледяной въ самые лѣтніе жары. Катунскіе столбы (какъ и гора *Бабыръ-Ханъ*, въ 60 верстахъ отъ Бійска, на лѣвомъ берегу рѣки Катунь) замѣчательны еще и въ метеорологическомъ отношеніи: оба эти гигантскіе пика заблаговременно предвѣщаютъ измѣненіе погоды: Катунь — необыкновеннымъ воемъ, исходящимъ изъ ея пропасти, а Бабыръ-Ханъ — покрывая льдистую шапку свою непроницаемымъ туманомъ. По преданіямъ здѣшнихъ инородцевъ, Катунь (*Хатунь*, жена) получила свое названіе отъ жены одного Джунгарскаго Хана, которая послѣ смерти своего мужа незахотѣла пережить его, нарядилась въ свои лучшія платья, сѣла на коня, взвѣхала на каменный утѣсъ и завязавши коню своему глаза, ударила его нагайкой и, ринулась съ нимъ въ бездну! Катунь возвышается на 12,000 футовъ надъ уровнемъ океана и находится въ верховьяхъ рѣки Катунь, которая вмѣстѣ съ Біемъ составляетъ около города Бійска Обь. Гора *Ижит-ку* (Божья гора по телеутски, а по калмыцки *Агахъ-Тау* лысая гора) въ Халауникахъ бѣлкахъ, на лѣвомъ берегу рѣки Чуи, возвышается

на 10,200 футовъ. Пикъ *Алак-ту* (Такту), высочайшая точка Чуйскихъ бѣлковъ, имѣетъ до 9000 футовъ. Тѣсинскій бѣлокъ, высшая точка Холзуна, 7000 футовъ. Сѣверные скаты всѣхъ этихъ гигантовъ отлоги и нерѣдко закончены болотистыми ущельями, но восточные и южные обрывисто-круты. Съ обѣихъ сторонъ ребра ихъ покрыты великолѣпной растительностью: кедръ, сосна, ель, береза, ~~ясень~~, тополь составляютъ непроходимыя тайги съ сѣтью горныхъ рѣчекъ и ручьевъ, озерами и очаровательными падами, испещренными великолѣпною флорой. Шумные водопады низвергаются съ страшной высоты въ эти поэтическія ущелья, въ которыя индѣ не ступала нога человѣческая, можетъ быть, съ сотворенія міра.

Жители бійскаго округа занимаются преимущественно (кромѣ разумѣется звѣроловства и сбора кедровыхъ орѣховъ, какъ и въ сосѣднемъ, Кузнецкомъ) хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ и пчеловодствомъ. Между Чарышемъ и Иртышемъ тучный черноземъ дающій превосходные уржама. Поемныхъ луговъ по рѣкамъ Кій, Катуда, въ особенности около Иртыша, много. Рыболовство составляетъ тоже не маловажную отрасль здѣшняго общаго благосостоянія. Въ восточной и юговосточной части округа, рѣки Кія, Катунь, Пызаная, Чулышманъ съ Башпаусомъ, Чуя и, въ особенности, Телецкое озеро богаты хорошей рыбой. Телецкое озеро (Алтын-Норъ или Алтын-Куль, золотое озеро) простирается въ длину верстъ на 90, а въ ширину въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на 20 и болѣе. Русскими открыто оно въ 1622 году, отрядомъ боярскаго сына Петра Собанскаго. Видъ его представляетъ очаровательныя картины. Дикій южный берегъ вовсе необитаемъ. Здѣсь дельта Чулышмана образуетъ дуга, покрытые стадами калмыковъ и телеутовъ. Западный берегъ, еще болѣе дикій, круто возвышается часто отвѣсными утесами, изъ расщелинъ которыхъ низвергаются шумные

водопады, а ребра увѣнчаны дремучимъ лѣсомъ. Русскихъ селеній здѣсь нѣтъ, но при устьѣ рѣчки Кезебеки заведено нынѣ трудами Алтайской Духовной Миссіи маленькое селеніице крещенныхъ инородцевъ съ походной церковкой. Обьскіе бережане строятъ суда и барки, рубить и пилить лѣсъ, отпуская его на продажу, въ особенности на линію. Съ киргизами и китайцами идетъ оживленная мѣновая торговля. На хлѣбъ, кожи, юфть, чугуны, и желѣзо крестьяне и мелкіе торговцы вымѣниваютъ у нихъ: чай, канфу, китайку, бумажныя издѣлія, китайскій леденецъ, а иногда и серебро въ слиткахъ (Амбы). Много вымѣниваютъ русскіе и калмыки этого товара и на звѣриныя шкуры и лошадей. И здѣсь (какъ вообще на всей сибирской таможенной линіи) таможенно-кордонная стража совершенно безсильна, въ контрабандѣ въ широкихъ размѣрахъ всѣ участвуютъ..... Обороты этой мѣны трудно исчислить; однако, судя по многолюдству Бійскаго округа и по общей зажиточности его жителей, какъ бывшихъ горнозаводскихъ крестьянъ и при-линейскихъ казачковъ, такъ и самихъ инородцевъ и даже заграничныхъ жителей подвластныхъ Китаю, полагаютъ этотъ оборотъ въ 2,000,000 р. серебромъ.

Окружной городъ Бійскъ построенъ близъ соединенія рѣкъ Катуні и Бія, образующихъ начала Обской водной системы, одной изъ обширнѣйшихъ въ мірѣ; она объемлетъ пространства въ 26° сѣв. широты (отъ 47° до оконечности Обской губы) и 32° восточн. долготы (отъ 77° до 109°) или отъ вершинъ Туры (въ Верхотурскомъ уѣздѣ Пермской губерніи) до выгибовъ Чулыма (въ Ачинскомъ округѣ Енисейской). На этой громадной площади, кромѣ такихъ рѣкъ какъ сама Обь, Иртышъ, Сосва, Тавда, Тура, Тоболъ, Томь, Чулымъ и Кеть, которыя всѣ судоходны и связываютъ благодатныя мѣстности юга (хлѣбныя и ското-водныя) съ неменѣе богатымъ звѣремъ и рыбой сѣверомъ (въ особенности березовскій край), насчитываютъ до 15

второстепенныхъ рѣкъ тоже судоходныхъ: Конду, Ниду (связь Ирбита и ея ярмарки съ Тюменью), на которой уже ходятъ нынѣ пароходы, Пышму, Исеть, Міось, Уй, Вагай, Омь, Бухтарму, Чумышъ, Катунь, Бію, Вагъ и Тазъ; 50 третестепенныхъ рѣкъ съ теченіемъ отъ 150 до 370 верстъ и съ шириной отъ 40 до 400 саж., да 1 175 меньшихъ рѣкъ (не принимая сверхъ сего въ расчетъ обыкновенныхъ рѣчекъ). Наконецъ озеръ въ сѣверной и южной полосахъ Обской системы насчитываютъ до 8124. А между тѣмъ, при такой великолѣпной водной системѣ, покрывшей своею сѣтью громадную страну съ богатствами неистощимыми, край страшно медленно и туго развивается, даже пароходство представляетъ здѣсь жалкую цифру — 20 судовъ. Какіе жъ мы колонизаторы? Попади здѣшній край въ руки сѣверо-американцамъ, въ немъ бы было вѣрно въ 300 лѣтъ обладанія не 2 мильона, а 20 мильоновъ жителей, рѣки кишали бы пароходами, фабрики и заводы развились бы въ громадныхъ размѣрахъ; а Западная Сибирь, стоя такъ сказать уже у порога Европы (въ 20 дняхъ почтовой ѣзды отъ Томска до Петербурга) еще все не можетъ жить безъ Нижегородской и Ирбитской ярмарокъ, покупая на нихъ въ три дорога то, что у нея подъ рукой. Здѣсь зарываютъ непроизводительно десятки мильоновъ цѣлковыхъ на поиски золота (ибо 1500 пудовъ этого металла полученныхъ и получаемыхъ ежегодно, не представляютъ еще, само собою разумѣется, тѣхъ капиталовъ, которые зарыты безъ отыска хотя бы золотника промывки); бросились теперь на постройку винокуренныхъ заводовъ, а покупаютъ сукна и ситцы въ Россіи. Тряпья тма, а бумаги хорошей нѣтъ; сельди мильярды, не уступающей голландской, а разхватываютъ прокислую и вонючую дрянъ въ Ирбитѣ, да и то каспійскаго либо керченскаго, нигуда не годнаго соленья. Осетровъ дома тма, а выписываютъ икру астраханскую. Мы зарываемъ мильоны на разныя акціонерныя компаніи

безъ дивиденда, а часто, и просто съ полнымъ разореніемъ довѣрчивыхъ акціонеровъ; а ни одинъ голосъ не хочетъ возвыситься въ пользу Сибири, этой драгоценнѣйшей колоніи въ мірѣ; и никто не хочетъ указать на край, гдѣ каждый умно употребленный цѣлковый принесетъ три, да еще и съ доброй памятью потомства....

Бія течетъ изъ западной бухты Телецкого озера 210 верстъ, а Катунь выходитъ изъ Халзунскаго хребта, низвергаясь двумя водопадами, соединяющимися потомъ въ общее русло, и составляющими одинъ изъ очаровательнѣйшихъ пейзажей этой дикой и малодоступной пустыни. Теченье Катуни простирается на 600 верстъ. Обь, образуясь изъ ихъ соединенія (въ 6 верстахъ отъ города Бійска), быстро течетъ здѣсь по каменистому и отлогому дну; но отъ впаденія въ нее рѣки Кети теченіе становится медленнѣе. Воды всей Обской системы сливаются съ горныхъ хребтовъ и имѣютъ ложе однородное съ своими истоками. Такъ напримѣръ—Исетъ течетъ по трахиту, оба Рокта, Режъ и Нейва—по гранитной формации, Томъ и Терси—по каменноугольной, начиная съ береговъ Мрасы и до Ини. Здѣсь, выше и ниже Кузнецка, очень нерѣдки случаи подземнаго самовозгаранія, да и вообще (какъ это призналъ самъ Гумбольдтъ при посѣщеніи Алтая въ 1829 году) самый Алтай выдвинутъ несомнѣнно въ доисторическія времена вулканическими силами. Изъ глубины Киргизской степи даже до Кургана (на границѣ Оренбургской губерніи) линія землетрясеній идетъ непрерывно (на Или и близъ озеръ Иссыкъ-Кула и Ала-Кула есть огнедышащія сопки, а на островѣ сего послѣдняго потухшій нынѣ вулканъ Араль-Тюбе), соединяясь чрезъ Саянскій и круго-Байкальскій хребты съ Забайкальемъ, гдѣ, какъ извѣстно, было въ 1862 году большое землетрясеніе, отъ котораго осѣла земля на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ и море выступило изъ береговъ.

Въ городѣ Бійскѣ, основанномъ въ 1633 году для защиты возникающей русской колонизаціи отъ набѣговъ калмыковъ, обращенномъ въ 1803 году изъ острожка въ окружной городъ Томской губерніи, считается нынѣ до 650 деревянныхъ домовъ и 1 каменный, 2 церкви (обѣ каменные) и 3818 жителей (2061 м. п. 1757 ж.). Изъ нихъ мѣщанъ 828 муш., главный промыселъ которыхъ—посѣвъ табаку (табаководствомъ занимается притомъ и каждый домохозяинъ изъ другихъ сословій); купеческихъ капиталовъ до 15, разумѣется все нынѣшней 2 ой гильдіи. Предметы торговли: пушнина, медъ, а отчасти хлѣбъ и соль. Городскіе доходы не превышаютъ 2000 р. сер. Окрестности Бійска очень плодородны, а климатъ при краткой зимѣ прекрасный. Отсюда до Барнаула считается 160 верстъ. Села людныя, прекрасныя постройки, опрятная одежда, хорошо обработанная земля, породистый скотъ и сытыя лошади—все это не можетъ не радовать наблюдателя.

ГЛАВА XV.

БАРНАУЛЪ.—ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

При постепенномъ завоеваніи и заселеніи Сибири, когда русскіе укрѣпленные острожки уже выдвинулись къ нынѣшней границѣ Западнаго Китая и къ окраинѣ Киргизской степи, — найдены въ Алтайскихъ и Саянскихъ хребтахъ старинныя разработки здѣшнихъ рудъ, называемыя въ лѣтописяхъ *Чудскими*, название общее всему, что осталось отъ глубокой древности; курганамъ, копиямъ, рунамъ на утесахъ, каменнымъ бабамъ по пространству всего государства. Разработка была грубая, не представлявшая никакой правильности ни въ добычѣ металлоносныхъ породъ, ни въ выплавкѣ самаго металла, остававшагося въ шлакахъ, и была ни что иное, какъ верховая развѣдка и самая первобытная проплавка, какая еще и доселѣ въ употребленіи у невѣжественныхъ народовъ средне-азійскихъ. Хотя работы простирались иногда на 100 и болѣе сажень, но нигдѣ не шли въ глубину свыше 5; при томъ же найденныя въ чудскихъ копияхъ горные инструменты были литыя изъ мѣди, да и то въ небольшомъ количествѣ; большинство же состояло изъ отломковъ твердыхъ камней съ придѣланными къ нимъ рукоятками. Значитъ, рудокопы этой отдаленной древности еще не знали употребленія желѣза. Академикъ Бэръ, въ статьѣ о *первоначальномъ состояніи человека въ Европѣ*, отно-

ситъ употребленіе каменныхъ орудій къ названному имъ каменному вѣку, за которымъ слѣдуютъ потомъ бронзовый и желѣзный. Эта остроумная классификація развитія жизни человечества вполнѣ подтверждается и раскопками *Чудскихъ* кургановъ и древнихъ шахтъ сибирскихъ. И здѣсь желѣзныхъ орудій нѣтъ, мѣдныя въ маломъ количествѣ, а преобладаютъ каменные, то же въ болѣе или менѣе ошлифованныхъ обломкахъ, какъ и найденныя недавно во Франціи. Каменный вѣкъ относится конечно къ самой глубокой, до-исторической древности, когда еще письмо не было изобрѣтено. Впрочемъ, въ здѣшнихъ чудскихъ копияхъ замѣчены слѣды плавильныхъ горновъ и найдены металлическія огарки. Въ 1722 году, при очищеніи одной древней чудской копи, попали двѣ мѣдныя гири отъ 2 до 4 фунт. вѣсу съ оттисками рунъ, а въ 1726 году найдено нѣсколько сотъ пудовъ серебряной руды, закрытой землею на аршинъ толщины. Наконецъ, извѣстный путешественникъ Палласъ утверждаетъ, что въ Змѣиногорскихъ рудахъ (въ нынѣшнемъ Алтайскомъ горномъ районѣ) найденъ былъ остовъ древняго рудокопа и при немъ кожаный мѣшокъ съ богатѣйшими охрами.

Переселенія Агійскихъ народовъ, непрерывныя кровавыя борьбы ихъ были вѣроятно одною изъ важнѣйшихъ причинъ, что и здѣсь чудскія копи, при русскомъ завоеваніи и первоначальной колонизаціи, уже найдены совершенно заброшенными. Доисторическая *Чудь* исчезла съ лица земли еще до начала какой-либо письменности. Даже русскіе пришельцы, стрѣльцы, казаки, охочіе люди уже въ концѣ XVII столѣтія мало знали или вовсе не знали толку въ громадныхъ богатствахъ здѣшняго края. Лишь указами московскаго Правительства отъ 18 декабря 1696 года и 6 іюля 1698 года на имя томтскаго воеводы Ржевскаго (значитъ по геніальной инициативѣ Петра Великаго) посланъ въ Томскъ грекъ Александръ Леван-

діанъ съ товарищи „для руднаго дѣла“. Въ нынѣшнемъ Кузнецкомъ округѣ, на рѣчкѣ Коштагѣ, не вдалекѣ отъ рѣчекъ Баракдыша и Китати, найдена ими первая серебряная руда и выплавлено первое алтайское серебро (25 золотниковъ изъ 16 пуд. руды). Хотя былъ тутъ выстроены тогда же укрѣпленный острожекъ для прикрытія возникающаго завода отъ степныхъ хищниковъ, но когда работы были поведены въ гору по примѣтамъ еще богатѣйшей руды, то сперва воды залили шахту, а потомъ налетѣли киргизы и разгромили возникшее селеніе. Тщетно Александръ Левандіанъ требовалъ присылки людей, принасовъ и сооруженія укрѣпленій необходимыхъ для прикрытія работъ отъ набѣговъ степняковъ; разгаръ сѣверной войны отвлекалъ вниманіе государя, и хотя было имъ указано: „взять въ Tobolskъ 100 человекъ гуляющихъ съ платой имъ по 4 деньги въ день“, но Левандіанъ отозвался „убыточностью производства“, а братъ его Веніаминъ, жившій въ Москвѣ, призналъ даже и алтайскую серебряную руду „негодною“, то-есть ту самую руду, которая и при ограниченныхъ теперь еще размѣрахъ добычи и плавки дастъ по 1000 пуд. серебра ежегодно и свыше 100 пуд. золота, какъ отдѣленного отъ серебра, такъ и лигатурнаго съ казенныхъ золотоносныхъ росыпей.

Такъ можетъ быть горное производство Алтайское и на долго бы остановилось въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, если бы геніальному же прозрѣнію Петра Великаго и его глубокому знанію людей Россія не была обязана Никитой Антуфьевичемъ Демидовымъ, родоначальникомъ знаменитаго семейства Демидовыхъ, простымъ тульскимъ кузнецомъ, отданнымъ въ 1650 году учиться у голландца Акма и датчанина Марцеліуса „кузнечному дѣлу“ вмѣстѣ съ отцомъ своимъ Демидомъ Антуфиемъ. Одаренный рѣдкими способностями, съ любовью къ дѣлу, съ большимъ трудолюбіемъ, Никита

скоро понялъ всю суть искусства иноземнаго и, воротившись въ Тулу, самъ завелъ небольшую домашнюю оружейную фабрику. Здѣсь, въ 1699 году, проѣзжая черезъ Тулу въ Воронежъ, узналъ его Петръ Великій, разгадалъ и оцѣнилъ, началъ давать ему заказы алебардъ, ружей, и сказалъ: „Постарайся, Демидычъ, распространить фабрику свою, а я тебя не оставлю“. Никита устроилъ тогда на рѣчкѣ Тулицѣ чугунную плавильную домну и желѣзный заводъ. Въ 1699 году посланъ онъ былъ на Уралъ, гдѣ и построилъ желѣзный заводъ на рѣчкѣ Невѣ (извѣстный Невьянскій). Въ 1702 году, Петръ Великій подарилъ ему этотъ Невьянскій заводъ, и предприимчивый желѣзо-заводчикъ устроилъ на Уралѣ еще 10 такихъ же заводовъ, но уже на свои деньги. Богатство его росло; 12 сентября 1720 года возведенъ онъ въ потомственное дворянство и повелѣно именовать его *Демидовымъ*. Сынъ его Акинѣй Никитичъ (родившійся въ Тулѣ въ 1678 г., когда еще отецъ его былъ простымъ кузнецомъ) простеръ свою горнозаводскую тельность и на тогдашнюю Сибирь, еще безлюдную и почти вовсе неизвѣстную. Въ то время Демидовы уже владѣли, кромѣ Невьянскаго завода на Уралѣ, Ревдинскими и Суксунскими тамъ же. Приобрѣтши значительную опытность въ горномъ дѣлѣ, они, недовѣря отзывамъ грековъ Левандіановъ и привыкнувъ въ Уральскихъ мѣстностяхъ встрѣчать многія препятствія не только отъ природы, но и отъ инородцевъ (для огражденія возникавшихъ уральскихъ заводовъ, вѣрно было Демидовымъ строить укрѣпленные острожки), просили и получили разрѣшеніе Петра Великаго заняться поискомъ рудъ въ хребтѣ Алтайскомъ, и уже съ 1726 года начали эти поиски въ нынѣшней Колыванской мѣстности, гдѣ устроена ими и небольшая плавильня для проплавки мѣди. Эта мѣдь отправлялась водой на Невьянскій заводъ (гдѣ въ 1732 году выковано было

железа до 300,000 пудовъ). Черезъ 10 лѣтъ у предпримчиваго Демидова (въ 1739 году) было уже на Алтай еще 2 завода: Барнаульскій (нынѣшній русскій Фрейбергъ, извѣстный горный городъ Барнаулъ, центръ управленія всѣми Алтайскими заводами) при впадении рѣчки Барнаулки въ Обь, и Шульбинскій—при впадении рѣчки Шульбинки въ Иртышъ (этотъ заводъ въ послѣдствіи упраздненъ). Кромѣ добычи железа, около Колыванскаго завода открыто Демидовымъ до 17 рудниковъ мѣдныхъ (въ томъ числѣ Медвѣдской наУбѣ), до 13 съ свинцомъ и золотистымъ серебромъ (въ томъ числѣ Воскресенскій, изъ котораго выплавлено первое серебро въ Россіи). Тогда же найденъ и знаменитый Змѣиногорскій рудникъ. Вообще въ развѣдкахъ и приискахъ своихъ Демидовы руководились старинными Чудскими копиями, по западную сторону рѣки Чарыша, и почти всегда успѣшно. Выписавши саксонскихъ мастеровъ, Демидовы открыли въ 1744 году и постоянную уже плавку серебра, котораго и послали въ Петербургъ 27 фунтовъ 18 золотниковъ. Въ слѣдствіе сего командированъ былъ на Алтай, въ 1745 году, бригадиръ Беэръ съ гвардіи поручикомъ Булгаковымъ и военной командой. Онъ началъ свои ученыя развѣдки въ верхнемъ концѣ Змѣиногорскаго рудника, испытывалъ достоинство и другихъ рудъ, и повелѣ дѣло такъ успѣшно, что въ концѣ того же года представилъ въ Петербургъ уже 44 пуда и 12 фунтовъ чистаго серебра, изъ котораго отдѣлено 12 фунт. и 32 золотн. золота. Въ 1747 году Алтайскіе заводы со всѣми строеніями, людьми, землями, рудниками и машинами отобраны у Демидовыхъ въ казну, съ уплатой имъ денежнаго вознагражденія по оцѣнкѣ. Плавка съ 1752 года, по 1768 годъ производилась уже на 6 плавильныхъ печахъ, а заводскихъ людей съ принятыми отъ Демидовыхъ и съ причисленными впослѣдствіи состояло въ 1757 году

уже 10,935 душъ муж. пола. Въ 1761 году изъ окрестныхъ крестьянъ причислено, по докладу Президента Бергъ-Коллегіи, для производства горныхъ работъ еще 12,223 человека, въ слѣдующемъ году еще 23,000, а въ 1768 году, при перечисленіи населенія Алтайскихъ заводовъ, ихъ было уже 59,246 д. м. п.

Съ 1749 по 1763 годъ ежегодно выплавлялось на Алтай золотистаго серебра отъ 200 до 400 пудовъ, а съ 1763 года цифра эта возвысилась до 500 и до 800 пудовъ. Вообще, съ 1748 по 1759 годъ проплавлено чистаго серебра 2,821 п. и отдѣлено отъ него золота 82 пуда. Чистой прибыли получено 3,313,548 тогдашнихъ рублей. На ежегодное содержаніе заводовъ Алтайскихъ отпускалось изъ Государственнаго Казначейства до 1761 года по 60,000 р. с., а съ 1761 г. цифра эта удвоена, и съ тѣхъ поръ всё стала повышаться (докладъ Президента Бергъ-Коллегіи). Въ 1766 году, по случаю уменьшенія лѣсовъ около Колывани, центральная плавка серебра перенесена въ Барнаулъ, гдѣ она въ 1770 году, возвысилась до 900 пудовъ серебра. Извѣстный путешественникъ Фалькъ насчитывалъ въ Барнаулѣ, въ 1771 году, уже 949 домовъ и 4,911 жителей (2346 м и 2565 ж.). Въ 1763 году, основанъ Павловскій заводъ серебряный же (и доселѣ одинъ изъ богатѣйшихъ по количеству проплавленнаго въ немъ серебра); въ 1764 году — Сузунскій мѣдиплавильный, и въ то же время учрежденъ при немъ монетный дворъ для чекану исключительно мѣдной монеты (25 рубл. изъ пуда, а не 16 р., какъ на существовавшемъ уже тогда Екатеринбургскомъ, основанномъ въ 1735 году, ибо сузунская мѣдь выше достоинствомъ уральской, какъ сереброзолотистая). Сибирская мѣдная монета, извѣстная въ народѣ подъ именемъ *соболя*, отъ герба на ней Царства Сибирскаго и изъятая изъ обращенія лишь въ 1850 году, до самаго послѣдняго времени пользовалась боль-

шой извѣстностью и имѣла здѣсь большой ходъ за границу. Она охотно (отъ Семипалатинска до Кяхты, по всему протяженію нашихъ границъ съ Сибирско-Киргизской степью и Китаемъ) принималась Китайцами, Бухарцами, Хивинцами, Ташкенцами съ выгодой въ промѣнѣ на средне азіійскіе товары, именно, по причинѣ содержащагося въ ней золотистаго серебра, которое азіатцы добывали переплавкой; да и въ посудѣ и всякаго рода подѣлкахъ была хороша, въ выливкѣ и въ ковкѣ.

Съ постепеннымъ устройствомъ заводовъ уменьшалось и число рудниковъ. Въ Змѣиногорскѣ добывается: серебро золотистое, золото серебристое, серебристый блескъ, мѣдныя, свинцовыя и цинковыя руды. Въ 1754 году заложена въ Змѣиногорскѣ главная штольня Іоанна Крестителя и въ 1758 г. проведена уже на 585 сажень длины съ глубиною 32 сажени, а въ 1764 г. еще углубились подъ этой штольнею на 8 сажень, подъ именемъ Благовѣщенской шахты. При многолѣтней выработкѣ прежнихъ рудниковъ, сдѣлалось настоятельною необходимостью углубиться въ горы, и шурфы постепенно проникли между рѣками Бухтармой и Нарыномъ, въ хребты Халзунскій, Бійскій и Кузнецкій (нынѣшній Салаирскій край). Между тѣмъ и горное управленіе въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи шло объ руку съ устройствомъ руднаго дѣла не только на Уралѣ, на Алтаѣ и въ Забайкальи, но и во внутреннихъ русскихъ губерніяхъ, въ Олонцѣ, Петрозаводскѣ, въ при-Московскихъ заводахъ. Въ 1804 году, вмѣсто Бергъ-Коллегіи учрежденъ Горный Департаментъ (нынѣ Департаментъ Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ при Министерствѣ Финансовъ), въ 1834 году Корпусъ Горныхъ Инженеровъ для спеціальнаго приготовленія ученыхъ горныхъ офицеровъ, получающихъ теоретическое образованіе въ институтѣ этого корпуса, преобразованномъ изъ бывшаго Горнаго Кадетскаго Корпуса, который самъ преобразованъ же, въ

1804 году, изъ бывшаго Горнаго училища, учрежденнаго въ 1773 году по проекту М. О. Соймонова (сына извѣстнаго моряка, Вице-Адмирала Соймонова, жертвы мщенія Бирона въ дѣлѣ Волинскаго).

Барнаульскій округъ граничитъ: съ сѣвера съ Каинскимъ и Томскимъ округами, а съ востока съ Кузнецкимъ и Бійскимъ округами своей губерніи; съ юга и запада— съ Семипалатинской областью. На пространствѣ (я здѣсь еще не вполнѣ вычисленномъ) 60,158 кв. верстѣ, онъ населенъ 161,221 жителями, — слѣдовательно населеніе здѣсь гуще нежели въ прочихъ округахъ Томской губерніи. Включая въ это число населеніе города Барнаула, простиравшееся (по отчету 1861 года) до 11,846 душъ (муж. 5901, а женщинъ 5945), число жителей состоитъ изъ 77,446 муш. и 87,775 женщинъ. Подъ полями считается здѣсь 384 кв. верст., подъ лѣсами 15,780, лугами и выгонами 43,500; остальное— воды и земли неудобныя. Поверхность округа гориста, и самыя высокія кряжи раскинуты между Обью, почтовымъ трактомъ изъ Томска въ Барнаулъ и границей Бійскаго округа. Главная рѣка здѣсь Обь, а значительнѣйшія въ нее впадающія— Барнаулка, Алей, Касмала, и Чумышъ. Изъ прѣсныхъ озеръ заслуживаютъ вниманіе: Урланово, Мостовое, Большое и Малое Островное, Топольное, Чулымское (соединяющееся съ огромнымъ озеромъ Чанами), все обильныя рыбой; горько-соленыхъ — два: Кулундинское и Кучукское. Хлѣбопашество и скотоводство здѣсь такъ же сильно развиты, какъ и въ другихъ южныхъ округахъ Томской губерніи. Лучшія мѣста для хлѣбопашества— юго-восточная часть округа. Прибрежные жители рѣкъ, Кулундинскаго озера и нѣкоторыхъ другихъ озеръ, лежащихъ въ западной части, кромѣ обширнаго хлѣбопашества имѣютъ большое скотоводство, табуны лошадей, множество овецъ. Все это сбывается на Алтайскіе заводы, на линію и даже въ Каинскій округъ.

Хлѣбъ же идетъ преимущественно на линію и во внѣшніе округи Семипалатинской области, на мѣну съ Киргизами. Уксунайская и Верхнечумышская волости сильно занимаются и пчеловодствомъ, которое, въ особенности въ прилинейской сторонѣ Устькаменогорска и Бухтармы, годъ отъ году развивается въ обширныхъ размѣрахъ. При Обьскія волости получаютъ большіе прибытки отъ рыболовства; равнымъ образомъ жгутъ уголь для Сузунскаго завода. Соль (какъ изъ Боровыхъ озеръ, во внутреннемъ округѣ Семипалатинской области, такъ и изъ степныхъ прилинейскихъ и мѣстныхъ) составляетъ тоже не малую статью дохода продажей ея на базарахъ и сельскихъ торжкахъ округа. Наконецъ нынѣ, по освобожденіи здѣшнихъ крестьянъ отъ заводскихъ работъ и зависимости отъ горныхъ нарядовъ (жженіе угля, возка его и руды, рубка и доставка дровъ, заводская рекрутчина), благосостояніе края еще болѣе усилится при обиліи вольныхъ работъ какъ по всѣмъ вышеозначеннымъ отраслямъ заводскаго хозяйства, равно и по производствамъ въ рудникахъ и на плавильныхъ серебряныхъ и мѣдныхъ заводахъ. Главные рудники, доставляющіе серебро и свинецъ, суть: Гольцевскій, Змѣиногорскій (самый богатый), Зыряновскій, Карамышевскій, Крюковскій, Николаевскій, Петровскій, Риддерскій, Семеновскій и Черепановскій. Добыча мѣди производится въ рудникахъ: Бутырскомъ, Золотоушинскомъ, Локтеевскомъ, Новолазаревскомъ и Таловскомъ. Желѣзомъ въ особенности богаты рудники: Быковскій, Сухаринскій и Томскій. Среброплавильныхъ заводовъ пять: Барнаульскій (въ самомъ горномъ городѣ Барнауль, центрѣ управленія Алтайскими заводами), Павловскій, Локтевскій, Змѣевскій и Гавриловскій. Мѣдиплавильный одинъ Сузунскій, съ монетнымъ дворомъ для чекана мѣдной монеты. Желѣзныхъ 2: Томскій и Гурьевскій. Золотыхъ разработывающихся промысловъ 5: Егорьевскій, Пе-

засскій, Царево-Николаевскій, Царево-Александровскій и Спасскій. Шлифовальная фабрика 1 (въ Барнауль) завѣдывающая и ломкою цвѣтныхъ камней.

Здѣшній горный округъ (по свѣдѣніямъ, доставленнымъ намъ бывшимъ главнымъ начальникомъ Алтайскихъ заводовъ, генераль-майоромъ Озерскимъ), по отчету за 1861 годъ, находился въ слѣдующемъ положеніи (которое не разнится отъ нынѣшняго въ отношеніи собственно заводскаго производства, кромѣ лишь того, что на основаніи „Положеній“ 19 февраля 1861 года, бывшіе горно-заводскіе крестьяне вышли изъ заводской зависимости, поступили въ общее гражданское вѣдомство и будутъ впредь наниматься по вольной цѣнѣ на заводскія работы): служащихъ въ Алтайскомъ горномъ округѣ офицеровъ корпуса горныхъ инженеровъ и чиновниковъ было 166 человекъ. Въ заводахъ, рудникахъ и казенныхъ золотыхъ приискахъ и промыслахъ имѣлось казенныхъ зданій: каменныхъ 49 и деревянныхъ 225 (и памятникъ, открытый въ 1825 году по случаю столѣтняго юбилея открытія Алтайскихъ рудныхъ работъ). Учебныхъ заведеній было: въ городѣ Барнауль центральное Окружное горное училище и заводское (то-есть частное, ибо въ окружное переходятъ изъ частныхъ заводскихъ и проходятъ уже почти гимназическій курсъ), въ заводахъ: Павловскомъ, Сузунскомъ, Томскомъ, Локтевскомъ, Гурьевскомъ и на Колыванской или савельной фабрикѣ; въ рудникахъ: Змѣиногорскомъ, Селасерскомъ, Николаевскомъ, Бѣлоусовскомъ, Риддерскомъ и Зыряновскомъ, на казенныхъ золотыхъ промыслахъ: Царевониколаевскомъ, Егорьевскомъ, Спасскомъ, Пезасскомъ и Царевоалександровскомъ — въ каждомъ по одному частному училищу (курсъ почти уѣзный); учащихся было 1072 человека. Въ Барнауль есть сверхъ того женское училище (таковыхъ, по отчету Томскаго Гражданскаго Губернатора

за 1861 же годъ, было въ губерніи 4: въ Томскѣ, Каинскѣ, Бійскѣ и Барнаулѣ съ 373 учащими, и сверхъ того открыта въ 1864 году женская гимназія въ Томскѣ на капиталъ, пожертвованный Коммерціи Совѣтникомъ Поповымъ). Что же касается Центрального Горнаго Окружного Училища въ Барнаулѣ, то по окончаніи въ немъ полнаго курса, воспитанники отправляются преимущественно въ Институтъ Корпуса Горныхъ Инженеровъ, который такимъ образомъ дѣлается для нихъ въ третьей инстанціи университетомъ (при спеціальности однако ихъ назначенія). Въ городѣ Барнаулѣ есть и типографія, бібліотека и музей (все это горнаго вѣдомства). Врачебная часть состоитъ изъ 1 инспектора, 11 медиковъ, 1 фармацевта и 1 же ветеринара (фармацевтъ управляетъ казенной аптекой).

Переходя за симъ къ металлическому производству, видимъ слѣдующее: въ 1861 году, на Алтайскихъ казенныхъ золотыхъ промыслахъ получено шиховаго золота 30 пуд. 1 фунт. 9 золотн. и 36 доль. Серебра бликоваго въ заводахъ выплавлено: въ Барнаульскомъ 275 пуд. 4 фунт. 85 зол., въ Павловскомъ 223 пуд. 8 ф. 55 зол., въ Локтевскомъ 305 пуд. 23 фунт. 26 зол., Змѣевскомъ—218 п. 4 ф. 30 з. и Гавриловскомъ—25 п. 36 ф., а всего—1047 пуд. 33 фунт. 4 золотн.; въ немъ по пробамъ заключалось чистаго серебра 946 пуд. 33 фунт. 67 з. 26 дол. и отдѣленнаго отъ него чистаго золота—34 пуд. 14 фунт. 39 зол. 8 доль. Мѣди проплавлено на Сузунскомъ заводѣ 23,682 пуд. 31 фунт. и 24 золотн. Чугуна, желѣза и стали проплавлено и выработано: въ Томскомъ заводѣ чугуна 24,891 пуд., желѣза 24,127 пуд. 25 фунт., стали 650 пуд., издѣлій желѣзныхъ сдѣлано 3,256 пуд. 19½ фунт., а чугуновыхъ—9125 пуд. 2 фунт., на Гурьевскомъ чугуна 58,828 пуд., желѣза 7000 пуд., издѣлій желѣзныхъ 2467 пуд. 38 фунт., а чугуновыхъ—13,908 пуд. 30 фунтовъ. Частная золотопромышленность, подвѣдомст-

венная Алтайскому Горному Правленію, представляла въ 1861 же году слѣдующія данныя: разработано было частными золотопромышленниками золотосодержащихъ пріисковъ: въ Маріинскомъ (бывшая Кійская слобода, нынѣ городъ Маріинскъ) округѣ 76, а въ сбѣихъ областяхъ Сибирско-Киргизской степи (Семипалатинской и Сибирскихъ Киргизовъ) 8, всего 84 пріиска. Какъ съ сихъ пріисковъ, такъ и со всѣхъ находящихся въ Восточной Сибири—доставлено для сплавки въ Барнауль, сплавлено и отправлено въ Петербургъ частнаго золота 1034 пуд. 39 фунт. 48 золотн. на сумму по передѣльнымъ цѣнамъ 13,317,749 р. и 20 к. сереб., да выплавлено серебра на Александровскомъ заводѣ почетныхъ гражданъ Поповыхъ (въ Киргизской степи) 3 пуд. 14 фунт. 32 зол. на сумму 4,463 р. 15 коп. сер. Всего же отправлено золота и серебра (казеннаго и частнаго) въ Петербургъ на сумму до 15,098,806 руб. 16¾ коп. серебромъ. Въ количествѣ означеннаго выше сего частнаго золота (1034 пуд. 39 фунт. и 48 золотн.) заключается: полученнаго съ пріисковъ Маріинскаго округа—30 пуд. 76 з. 24 д., Киргизско-Сибирской степи—5 пуд. 26 фунт. 6 зол., Восточной Сибири—999 п. 12 фун. 61 зол. 72 доли.

Мы уже говорили не разъ (и въ томъ то критика нашего „Описанія Сибири“ и кругомъ виновата, когда она хочетъ подводить здѣшній громадный и почти пустынный край подъ статистическіе пріемы внутреннихъ русскихъ губерній), что здѣсь во всякаго рода исчисленійхъ, измѣренійхъ и статистическихъ данныхъ,—абсолютная точность невозможна. Посмотримъ, что говоритъ объ этомъ доставленный намъ по распоряженію господина генералъ-губернатора Западной Сибири „Отчетъ Алтайскаго Горнаго Правленія“ за 1861 же годъ: „По свѣдѣніямъ Барнаульской Главной Чертежной показывается въ Алтайскомъ Горномъ Округѣ:

измѣренной земли 19,983,804 десятины, измѣренной приблизительно средствами 1,443,090 десят., неизмѣренной 11,888,580 дес.; всего земли 33,315,474 дес. Изъ числа измѣренной состоитъ подъ городами, занятой строениемъ, съ пашнями, покосами, выгонами, лѣсомъ, неудобной и подъ водами—33,549 дес. Въ округѣ, подъ селеніями крестьянъ (бывшихъ заводскихъ) съ ихъ выгонами и строевымъ лѣсомъ—2,804,577 дес., подъ пашнями—3,889,538 дес., подъ покосами—333,907 дес., подъ водами и неудобной земли—10,702,233 десятины“. Но (оговаривается далѣе „Отчетъ“) „свѣденія сія нельзя принять за точныя, потому что межеваніе производилось въ давнее время людьми неопытными въ межевомъ дѣлѣ и безъ строгаго соблюденія межевыхъ правилъ. Въ слѣдствіе сего, по докладу министерства удѣловъ, состоялось особое Высочайшее Повелѣніе о произведеніи топографической съемки всего Алтайскаго округа, что нынѣ и производится особо командированными чинами межевого корпуса“. А если къ этому простодушному сознанію такой ученой части, какова горная и межевая (въ особенности горные и межевые инженеры, получающіе нынѣ европейски-спеціальное образованіе), присоединить злосчастные статистическіе комитеты наши въ губернскихъ городахъ, и часто поистиннѣ чудовищные статистическіе отчеты нашихъ градскихъ и земскихъ иолицій (рубящихъ цыфры съ плеча и безъ разбора, а, по большей части, и подъ хмѣлькомъ!), то какимъ образомъ обвинять въ неточности кабинетнаго ученаго, по неводѣ опирающагося на такъ называемыя „официальныя данныя“? Не провѣрять же шагъ за шагомъ селъ и городовъ, лѣсовъ и пашенъ, промысловъ и занятій жителей, степени населенія и всего прочаго, что нынѣ требуется наукой? На это и по одной Бельгіи—жизни человеческой не хватитъ!

Въ Алтайскомъ горномъ округѣ было въ 1861 году:

православныхъ церквей каменныхъ 15, а деревянныхъ 101, походная (Алтайской Духовной Миссіи) 1, едино-вѣрческихъ деревянныхъ 9. Выстроено вновь 8 деревянныхъ. Жителей считалось 385,957 д. о. п. (192,008 муш. и 193,949 женщ.). Изъ сего числа принадлежащихъ къ медицинскому вѣдомству—175 муш. и 127 ж. (повивальныхъ бабокъ 2), военному—1191 муш. и 675 женщ. (сибирскій линейный батальонъ № 10, въ коемъ считалось 18 офицеровъ и 970 нижнихъ чиновъ), къ горному—24,600 муш. и 19,315 ж. (въ томъ числѣ заводскихъ горныхъ работниковъ и урочныхъ служителей 14,399 муш.), отставныхъ горныхъ чиновъ—15,455 муш. и 12,886 женщ. Сверхъ сего считалось приписныхъ къ заводамъ крестьянъ 150,587 муш. и 160,946 женщинъ. Родилось 7599 мальчиковъ и 7359 дѣвочекъ. Умершихъ было 5007 муш. и 4703 женщ. Прожили: отъ 60 до 100 лѣтъ 554 муш. и 492 женщ. Свыше 100 лѣтъ—4 муш. и 10 женщинъ. Браковъ совершено 3238. Изъ числа 385,957 д. о. п. было: православныхъ 187,298 муш. и 188,894 женщ., а раскольниковъ—4548 муш. и 4879 ж. (значить расколъ, столь сильный еще 35 лѣтъ тому назадъ, когда иногда приводилось усмирять бунты въ раскольниковыхъ волостяхъ силой оружія, уже исчезаетъ). Изъ числа родившихся незаконнорожденныхъ было 219 мальчиковъ и 168 дѣвочекъ,—выводъ очень утѣшительный для нравственности здѣшняго края, если принять въ соображеніе, сколько бываетъ на службѣ въ заводахъ и рудникахъ людей безбрачныхъ. Равнымъ образомъ слѣдуетъ замѣтить, что ссыльныхъ (какъ каторжныхъ, такъ и поселенцевъ) вовсе въ горномъ вѣдомствѣ Алтайскихъ заводовъ нѣтъ. Ихъ закономъ воспрещено приписывать къ волостямъ бывшихъ заводскихъ крестьянъ, а въ работы сюда не назначаютъ.

Не менѣе замѣчательна и хозяйственная часть Алтайскихъ заводовъ. Въ 1861 году считалось здѣсь 39 во-

лостей и 1325 селений, (сверхъ сего—31 селение при заводахъ и рудникахъ). Казенныхъ заводовъ и фабрикъ: золотопромывательныхъ 13, сереброплавильныхъ 5, мѣдный 1, желѣзныхъ 2, стеклянныхъ 1, кожевенныхъ 5, салотопенныхъ 5, шлифовальная фабрика 1, канатныхъ 2, кирпичныхъ заводовъ 14, лѣсопильныхъ 2, толчейныхъ 2. Рудниковъ было: серебряныхъ 13, мѣдныхъ 2 и желѣзныхъ 3; частныхъ заводовъ и фабрикъ 53 (въ томъ числѣ 1 сахарный заводъ и 10 мыловаренныхъ); казенныхъ золотыхъ приисковъ 6, мельницъ: конныхъ 21, вѣтряныхъ 798 и водяныхъ 2862; пристаней 2 съ 79 судами и карбазами, почтовыхъ станцій 179 съ 1002 почтовыми лошадьми; сельскихъ торжковъ 8. Ярмарокъ 2: одна изъ нихъ, въ городѣ Барнаулѣ (Введенская, съ 21 ноября по 6 декабря), съ привозомъ на 48,697 р. 44 к. сер. и продажей 23,252 р. 9 к. сереб., собственно для обихода городскихъ жителей, почти поголовно служащихъ или отставныхъ горныхъ. Другая въ Сузунскомъ заводѣ (Никольская, съ 6 по 20 декабря), на которой привозу было уже на 333,574 руб. сереб., а продано 141,773 р. 38 к. сер. гласныхъ (безгласныхъ же втрое болѣе по привозу и продажѣ). Тутъ закупъ пушнины, сала, масла, кожъ, какъ и на ярмаркахъ южныхъ округовъ Тобольской губерніи. Домовъ въ селеніяхъ считалось казенныхъ: казенныхъ 14 и частныхъ 13; деревянныхъ: казенныхъ 113, общественныхъ 192; частныхъ 65,597; часовень 135; богадѣленъ 2 (обѣ каменные); госпиталей 16 (1 каменный); лабораторій 10; обсерваторіи 1 (въ Барнаулѣ); хлѣбныхъ магазиновъ: казенныхъ 35, общественныхъ 493. Хлѣба посеяно было: озимаго 84,473, а яроваго 388,183 четверти; родилось же перваго—324,901, а втораго—1,480,682. (Урожай 1861 года былъ плохой, самъ—3, но въ прошломъ 1863 году, послѣ двухлѣтнихъ сряду хорошихъ урожаяевъ, цѣны на хлѣбъ упали, и нынѣ на югѣ Томской губер-

ніи не свѣше 10—15 к. сер. за пудъ ржаной муки). Занашка состояла изъ 321,135 десятинъ. Картофелю получено 96,241 пудъ, льну 87,846 пуд., конопля 69,855 пуд., свекловицы 35,000 (на сахарный заводъ), табаку высокихъ сортовъ получено 579 пуд. (простой же, Малороссійскій „тютюномъ“ называемый разводится повсемѣстно въ огородахъ и есть исключительная статья доходу домохозяекъ, въ распоряженіе котораго домохозяинъ никогда не мѣшается). Скотоводство представляло слѣдующія цифры: лошадей 392,136; рогатаго скота 250,370 головъ; овецъ 324,082 штуки; свиней 108,331 и козъ 5912. Но и здѣсь, какъ на сосѣдней Барабѣ (въ Канскомъ округѣ) и вообще на всемъ югѣ Сибири (отъ кургана въ Тобольской губерніи до Минусы въ Енисейской), скотоводству жутко иногда достается отъ сибирской язвы и скотской чумы. Такъ въ Алтайскомъ лишь горномъ округѣ пало въ 1861 году огромное количество—72,083 головъ разнаго скота, лошадей и рогатаго! Но что дѣлать съ упорствомъ, невѣжествомъ да корыстолюбіемъ крестьянъ при очень нерѣдко злоупотребленіяхъ и взяточничествѣ чиновниковъ? Въ мѣстахъ заключенія (8 гауптвахтахъ и 3 исправительныхъ тюремъ) содержалось 478 человѣкъ. Судилось 357 мужчинъ (женщинъ ни одной). Изъ числа подсудимыхъ громадное большинство (328) составляли горные служители. Самое обычное во всѣхъ нашихъ горныхъ заводахъ казеннаго вѣдомства преступленіе—это, разумѣется, побѣгъ. Бѣжало на Алтаѣ 200 человѣкъ. Бѣгутъ они и на Уралѣ, и на Нерчинскихъ заводахъ (о ссыльных не говори). Нынѣ, освобожденные отъ принудительной работы—будутъ вѣроятно бѣгать менѣе, или, точнѣе сказать, побѣги прекратятся сами собою. Прежняя же казенная горно-заводская жизнь была не легка.....

Процессъ горно-заводскихъ работъ на Алтаѣ тотъ же самый, какъ и въ заводахъ Нерчинскихъ, съ тою

лишь разницей, что здѣсь драматическаго эффекта Нерчинской каторги нѣтъ (въ шахтахъ не работаютъ ссыльные, да и ссыльныхъ въ Алтайскомъ горномъ районѣ вовсе нѣтъ). Шахты бываютъ не одинаковой глубины; въ Змѣиногорскомъ рудникѣ, напримѣръ, шахта Іоанна Крестителя имѣетъ до 40 сажень глубины. Спускъ въ подземныя галлерей (штольни), укрѣпляемыя контрфорсами деревянными и стойками, производится посредствомъ двойнаго ворота, приводимаго въ движеніе надъ отверстиемъ (колодцемъ) конной машиной. Симъ средствомъ опускаются и поднимаются рабочіе и добытая руда. Работа производится посмѣнно, по 6 часовъ въ смѣнѣ. Руду добываютъ посредствомъ „бура“, то-есть высверливаютъ щель, заряжаютъ ее порохомъ и дѣлаютъ небольшіе взрывы. Вытащенная на поверхность земли руда въ осколкахъ, разбирается потомъ въ нарочно устроенныхъ для сего сараяхъ на мелкіе кусочки, перевозится въ мѣрныхъ деревянныхъ ящикахъ изъ рудниковъ на заводы и засыпается въ „галиды“, высокія, на подобіе башень, каменные печи, вмѣстѣ съ древеснымъ углемъ и плавится посредствомъ воздуходувныхъ машинъ, приводимыхъ въ движеніе наливными колесами. Проплавленная руда обращается въ огненную жидкость, серебро отдѣляется отъ свинца и выпускается въ жидко-расплавленномъ видѣ. Потомъ отдѣляется отъ серебра золото, и чистое серебро поступаетъ на Петербургскій монетный дворъ — частью для чекана монеты и частью для храненія въ запасной кладовой Петербургской крѣпости въ видѣ слитковъ.

Барнаулъ, русскій Фрейбергъ, горный городъ и центръ главнаго управленія Алтайскими заводами, основанъ демидовскими мастерами въ 1730 году при впаденіи рѣчки Барнаулки въ Обь, въ 1771 году сдѣланъ горнымъ городомъ, а съ 1780 года сосредоточено въ немъ и управленіе здѣшнимъ горнымъ дѣломъ. Онъ

находится подъ 53° 20' сѣвер. шир. и 101° 29' восточн. долготы, въ 4122 верстахъ отъ Петербурга и въ 387 отъ Томска. Нынѣ въ немъ 11.846 ж. о. п. (5901 муж. и 5945 женщ.), изъ которыхъ окладныхъ мѣщанъ 1328. Половина изъ нихъ (721) занимается мелочной торговлей, наймомъ въ прикащики и на частные прииски, остальные почти исключительно разводятъ табакъ, изъ котораго готовятъ папиросы, сигары, имѣющія сбытъ на заводахъ.

Въ Барнаулѣ теперь 6 церквей, до 17 разныхъ заводовъ и фабрикъ (въ томъ числѣ сереброплавильный и шлифовальная фабрика, изготовляющая отличныя издѣлія изъ яшмы, порфира и другихъ цѣнныхъ породъ здѣшняго камня), 69 каменныхъ и 1989 деревянныхъ домовъ, центральное окружное горное училище и заводское, женская школа, ботаническій садъ, музей и библіотека; зоологическій кабинетъ и собраніе моделей; коллекція сибирскихъ древностей, оружія и одѣяній здѣшнихъ инородцевъ. Здѣсь находится Алтайское горное правленіе и горный начальникъ Алтайскихъ заводовъ (съ 1 января 1864 года званіе Томскаго Гражданскаго Губернатора отдѣлено отъ званія Главнаго Начальника; заводскіе мастеровые получили свободу отъ обязательныхъ работъ, равно какъ и горно-заводскіе крестьяне, и весь этотъ край поступилъ въ общее гражданское вѣдомство, само собою разумѣется, не измѣняя технической части горнаго производства, которое однако будетъ производится отнынѣ на основаніяхъ вольнаго и наемнаго труда). Есть въ Барнаулѣ и театръ, на которомъ играетъ по временамъ Томская труппа. Можно сказать безъ преувеличенія, что изъ всѣхъ уѣздныхъ городовъ сибирскихъ (не исключая Тюмени и Омска) Барнаулъ — городъ самый симпатичный и просвѣщенный по составу его высшаго общества. Офицеры корпуса горныхъ инженеровъ и вообще клас-

ные горные чиновники въ массѣ люди образованные, бывалые, социальные, сочувствующие прогрессу и ходу идей. Это вездѣ такъ—въ Екатеринбургѣ, въ Нерчинскомъ заводѣ, вездѣ, гдѣ есть горный кружокъ служащихъ.... Въ этомъ они далеко опередили чиновническое гражданское общество.....

Но — извѣстно дѣло, казна плохая хозяйка! Никакое казенное управленіе никогда не способствовало развитію производства, хотя нельзя сознать, что горные заводы теперь далеко уже не тѣ, какими они были хоть 25 лѣтъ тому назадъ. Время и здѣсь взяло свое. Усовершенствованія и прогрессъ и здѣсь неоспоримы, очевидны даже; однако все же не то, что за границей; все же не то, что въ частныхъ рукахъ и при частной предпримчивости. Само правительство приходитъ къ убѣжденію въ этой истинѣ, закрывая постепенно свои фабрики и заводы: винокуренные, соляные, суконные, передавая ихъ частнымъ лицамъ. Громадная сокровищница Алтая въ рукахъ предпримчивой частной компаніи, конечно, дала бы не 1000 пудовъ серебра и не 100 пудовъ золота въ годъ, а въ десятеро болѣе. Бюрократическія и коллегіальныя формы, тѣмы инстанцій и нескончаемое бумажное производство — тормозятъ и здѣсь заводское дѣло, и когда добьешься денегъ на опыты, усовершенствованія, новости науки и техники, переходя изъ заводской конторы въ горное правленіе, изъ горнаго правленія въ руки главнаго начальника, отъ него въ горный департаментъ, отъ горнаго департамента въ ученый комитетъ, совѣтъ корпуса горныхъ инженеровъ и наконецъ къ министерству финансовъ? Этотъ лабиринтъ процедуръ охлаждаетъ рвеніе, „бумажить“ спѣшное дѣло, останавливаетъ то, что настоятельно необходимо. Примѣры передъ глазами. Ни Алтайскіе, ни даже Уральскіе заводы почти не окупаютъ издержекъ, а Нерчинскіе едва держатся. Желѣзное про-

изводство, эта жизнь нашего времени, безъ котораго немислимы никакой прогрессъ—еще почти въ младенчествѣ на казенныхъ заводахъ; золота, сравнительно съ массой рукъ и принимая въ соображеніе, что казенныя земли заповѣдны для частной предпримчивости (ибо тѣ, на которыя теперь хоть и допустили частныя лица, лоскутъ не болѣе и то лоскутъ изъ худшихъ!), добывается казною очень мало; наконецъ — серебра уже очень мало, судя по богатству Алтайскаго и Нерчинскаго края (да и Уралъ—золотая кладовая, еще плохо извѣстная и того хуже разрабатываемая). А великолѣпное Нерчинское олово, не уступающее Англійскому, ашрловая гора въ Нерчинскомъ же краю, а цвѣтные камни, а каменный уголь и графитъ?... Все это ждетъ хозяйственныхъ рукъ, хозяйственнаго глаза, но..... не казенныхъ.

Въ половинѣ іюля мы уже были въ Семипалатинскѣ. Заключая это *описаніе Томской губерніи* приходится и здѣсь сказать то же самое, что мы говорили въ заключеніи нашего *описанія Тобольской губерніи*. И здѣсь еще *свету* мало, а *тьмы* много. И здѣсь еще прогрессъ тугъ, а развитіе идей медленно. И здѣсь еще—на селѣ и въ городѣ нужна хорошая администрація, очень не лишняя вещь не только просвѣщеніе, но и разумная грамотность. Много еще производу въ деревнѣ, а мало еще порядку въ городахъ. Умъ еще не беретъ перевѣса надъ миліонами. Заводско-горная дѣятельность, въ такой почти исключительно горной губерніи, еще очень маловажна и не прибыльна.... Вообще на эту Западную Сибирь „русскую“, то-есть на губерніи Тобольскую и Томскую (ибо Сибирско-Киргизская степь, покуда еще дѣло заграничное, и при томъ край еще совершенно дикій), мало доселѣ обращалось вниманія.....

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ

изъ «Отчета» Томскаго Гражданскаго Губернатора,
за 1861 годъ.

(доставлено Главнымъ Управленіемъ Западной Сибири.)

1. Томская губернія, занимаетъ пространство въ 733,027. кв. верстъ или 76,356,977 десятинъ. Изъ этого числа принадлежитъ алтайскимъ горнымъ заводамъ 32,543,091 десятина.

2. Число жителей простирается до 714,746 душъ об. пол. Въ теченіи 1861 года родилось 41,596 д. о. п., умерло 18,332. Государственныхъ крестьянъ 165,472 д. о. п., приписныхъ къ Алтайскимъ горнымъ заводамъ 310,752 души *).

3. Въ 1861 году, засѣяно было хлѣба 774,776 четвертей (въ томъ числѣ крестьянами государственными 404,480 четвертей.)

4. Осѣдлыхъ инородцевъ въ губерніи 23,892 д. о. п., кочевыхъ инородцевъ 40,652 души.

*) Съ 1863 г. сіи крестьяне освобождены отъ горно-заводской зависимости и вошли въ составъ государственныхъ крестьянъ губерніи, на общихъ правилахъ.

5. Ссылныхъ: 21,824 мужчины и 9336 женщинъ. Пришедшихъ по собственной волѣ засылными женъ и дѣтей 2072 д. о. п. Экономическій капиталъсылныхъ состоитъ изъ 270,761 р. 71 коп. сер., податной же недоимки засылными 115,625 р. 97³/₄ к. сер.

6. Раскольниковъ считалось въ 1861 г. 12,651 д. об. пола.

7. Доходы города Томска простирались до 58,998 р. 48¹/₄ к. сер., а расходы до 55,966 р. 27¹/₄ к. с. По 7 остальнымъ городамъ, какъ-то: Каинску, Маріинску, Кузнецку, Бійску, Барнаулу, Колывани и Нарыму, всѣхъ городскихъ доходовъ было: 35,286 р. 34¹/₄ к. сер., а расходовъ 35, 625 р. 63³/₄ к. сер.

8. Почтовыхъ станцій въ губерніи 137, на нихъ содержится лошадей 1318, расходы земства по сему предмету простираются до 244,905 р. 88¹/₂ к. сер.

9. Съ Алтайскихъ горныхъ заводовъ (кабинета Его Величества) отправлено въ 1861 году въ Санктпетербургъ лигатурнаго золота 31 пуд. 35 ф. 63 зол. и 22 долл. Золотистаго серебра 1052 пуд. 25 ф. 32 з. 36 дол. Въ немъ содержалось чистаго серебра 949 п. 28 ф. 31 з. 60 д., а золота 34 пуд. 37 ф. 65 з. 52 д. Вообще въ 1861 г. добыто кромѣ сего заводами: шлиховаго (съ присковъ) золота 30 п. 1 ф. 9 з. 36 дол., мѣди 23,682 пуд., чугуна 83,719 п., желѣза выковано 31,127 п., а стали 650 п. Наконецъ издѣлій желѣзныхъ произведено 5724 п., а чугунныхъ 23,033 пуда.

10. На 76 частныхъ прискахъ, вѣденія Маріинскаго горнаго Ревизора (по Маріинской системѣ), добыто шлиховаго золота 31 п. 1 ф. 59 з. 30 дол.

11. Ярмарокъ въ губерніи 17 и 2 торжка. Въ 1861 г. привезено было на сіи ярмарки товаровъ на 1,104,757 р. 12¹/₂ к., а продано на 358,195 р. 90 к. сер. Купеческихъ капиталовъ было: по 1 гильдіи 6, по 2 гильдіи 48, а по 3 гильдіи 418, на сумму 1,381,200 р. сер.

и 12. Учебныхъ заведеній находилось въ губерніи 42 съ 2676 учащимся. Въ томъ числѣ въ губернской гимназіи, въ Томскѣ, 166, въ духовной Семинаріи (въ Томскѣ же) 130, въ 4 женскихъ училищахъ: въ Томскѣ, Каинскѣ, Бійскѣ и Барнаулѣ 373 дѣвочки.

II.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ.

изъ «Отчета» Алтайскаго Горнаго Правленія
за 1861 годъ.

(доставлено Главнымъ Начальникомъ Алтайскихъ Заводовъ).

1. Служащихъ въ Алтайскихъ горныхъ заводахъ Офицеровъ Корпуса Горныхъ Инженеровъ и классныхъ чиновниковъ было всего 166 человекъ.

2. Въ Заводахъ, рудникахъ и на казенныхъ золотыхъ промыслахъ Алтайскаго горнаго Округа числится казенныхъ зданій: каменныхъ 49 и деревянныхъ 225. Въ числѣ каменныхъ, есть въ городѣ Барнаулѣ „Памятникъ штатному существованію Алтайскихъ заводовъ“.

3. Въ Алтайскомъ горномъ округѣ состоитъ учебныхъ заведеній: въ городѣ Барнаулѣ Окружное и Частное Училища; въ заводахъ: Павловскомъ, Сузунскомъ, Томскомъ, Локтевскомъ, Гурьевскомъ; въ Колыванской шлифовальной фабрикѣ; въ рудникахъ: Змѣиногорскомъ, Салаирскомъ, Николаевскомъ, Бѣлоусовскомъ, Риддерскомъ и Зыряновскомъ; на казенныхъ золотыхъ промыслахъ: Царевониколаевскомъ, Егорьевскомъ, Спасскомъ, Пезасскомъ и Царевоалександровскомъ — въ каждомъ по 1 Частному Училищу (частныхъ же учебныхъ заведеній, т. е. содержимыхъ частными лицами, въ рай-

онѣ округа нѣтъ). Въ вышеисчисленныхъ 19 казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ учащихся было 1072 мальчика.
Примѣчаніе: Нѣкоторые изъ чиновниковъ заводскаго вѣдомства отдають дѣтей своихъ сперва въ Окружное Училище (въ Барнауль), а потомъ отправляютъ большею частью въ Санктпетербургъ, преимущественно въ Институтъ Корпуса Горныхъ Инженеровъ.

4. Въ городѣ Барнаулѣ есть 1 казенная типографія, коей занятія состоятъ преимущественно въ печатаніи бланковъ по заводскому дѣлопроизводству, центральная казенная библіотека и Горный Музеумъ.

5. Врачей находится на службѣ 12, фармацевтъ 1, ветеринарный врачъ 1. Изъ числа медиковъ, одинъ исполняетъ должность Инспектора врачебной части въ заводскомъ округѣ. Аптека казенная 1. (Вольныхъ нѣтъ).

6. Въ теченіи 1861 г. получено на казенныхъ Алтайскихъ золотыхъ промыслахъ: шлиховаго золота 30 п. 1 ф. 3 з. 36 доль. Серебра бликоваго въ заводахъ: Барнаульскомъ 275 п. 4 ф. 85. зол. Павловскомъ 223 п. 8 ф. 55 зол. Доктевскомъ 305 п. 23 ф. 26 зол. Змѣевскомъ 218 п. 4 ф. 30 зол. и Гавриловскомъ 25 п. 36 ф. Всего же 1047 п. 33 ф. 4 золотн. Въ этомъ серебрѣ по пробамъ заключалось чистаго серебра 946 п. 33 ф. 67 з. и 26 доль; а золота 34 п. 14 ф. 39 з. 8 доль. Въ Сузунскомъ заводѣ проплавлено мѣди: 23,682 пуд. 31 ф. 24 зол. Добыто чугуна, желѣза и стали: въ Томскомъ заводѣ чугуна 24,891 п., желѣза 24,127 пуд. 25 ф. и стали 650 пуд., издѣлій желѣзныхъ получено 3256 п. 19¹/₉ ф. и чугунныхъ 9125 п. 2 ф., въ Гурьевскомъ заводѣ чугуна 58,828 пуд., желѣза 7000 п. 38 ф., издѣлій желѣзныхъ 2467 п., а чугунныхъ 13,908 пуд. 30 ф.

7. Частными золотопромышленниками въ 1861 г. разработано было золотосодержащихъ приисковъ въ подвѣдомственномъ Алтайскому Горному Правленію Мари-

инскомъ золотоносномъ округѣ 76, а въ киргизскихъ округахъ обоихъ областей 8, всего 84 прииска. Какъ съ этихъ приисковъ, такъ и съ подвѣдомственныхъ генералъ-губернатору Западной Сибири сплавлено въ Барнаульскомъ заводѣ и отправлено въ Санктпетербургъ 1034 пуд. 39 фунт. 48 золот. чистаго золота, на сумму по передѣльнымъ цѣнамъ 13,317,749 р. и 20 к. сер. и, кромѣ того, серебра, выплавленного на Александровскомъ заводѣ почетныхъ гражданъ Поповыхъ въ Киргизской степи, 3 пуд. 14 ф. 32 золот. на сумму 4463 р. и 15 к. сер. Всего же отправлено въ Санктпетербургъ металловъ на сумму 15,098,806 р. и 16³/₄ к. сер. Въ количествѣ означеннаго частнаго золота (1034 п. 39 ф. 48 з.) заключается съ приисковъ Маріинской системы 30 п. 76 з. 24 дол., а изъ Киргизской степи 5 п. 26 ф. 6 зол. Собственно же съ приисковъ Восточной Сибири — 999 п. 12 ф. 61 зол. и 72 доли.

III.

ВѢДОМОСТЬ

цѣнамъ, назначеннымъ Совѣтомъ Томскаго Общаго Губернскаго Управления и утвержденнымъ Главнымъ Управлениемъ Западной Сибири на дорожную рухлядь и звѣриныя шкуры, для приема оныхъ по Томской губернии отъ иностранцевъ въ подати и повинности на трехлѣтіе 1860, 1861 и 1862 годовъ.

(Изъ дѣлъ Томской Казенной Палаты).

Означеніе шкуръ:	Томскъ.	Каинскъ.	Маріинскъ.	Кузнецкъ.	Бійскъ.	Нарымъ.
<i>Соболь:</i> 1 сорта . . .	7—41	„ „	11—50	9—30	19—83 ¹ / ₄	2—90
2 сорта . . .	4—86 ¹ / ₂	„ „	9— „	6—11	12— 8 ¹ / ₄	2—25
<i>Лисица:</i> Краснобурая .	10—68	4—29	5—25	6—15	6—95	8—61 ¹ / ₄
Сиводумка . . .	8—91 ¹ / ₂	3—40	4—85	5—17 ¹ / ₂	3—93 ³ / ₄	5—80.
Бѣлодумка . . .	4—25	2—88	4—25	5—20	3—50	2—83 ¹ / ₂
Красная . . .	4—41 ¹ / ₂	3—38	4—25	4—50	3—77	4—90
<i>Бобръ:</i>	15— „	„ „	„ „	„ „	„ „	„ „

Второстепенныя шкуры.

Означеніе шкуръ:	Томскъ.	Каинскъ.	Маріинскъ.	Кузнецкъ.	Бійскъ.	Нарымъ.
<i>Выдра</i>	5—75	„ „	7—50	11—47 ¹ / ₂	10— „	5—90
<i>Росомаха</i>	2—91 ¹ / ₂	1—55	1—25	3—25	2—25	2—85
<i>Волкъ</i>	2—91 ¹ / ₂	3— 2	2—43	3—10	3— 1 ³ / ₄	3— 8
<i>Бѣлка</i>	„ 6 ³ / ₄	„ 7 ³ / ₄	„ 9	„ 10 ¹ / ₄	11— „	„ 7 ³ / ₄
<i>Горностай</i>	„ 21 ¹ / ₄	„ 32 ¹ / ₂	„ 30	„ 19 ¹ / ₂	„ 29	„ 17 ¹ / ₂
<i>Лось</i>	3—83 ¹ / ₄	2—75	4— „	„ „	„ „	2—60
<i>Корсукъ</i>	2—33 ¹ / ₄	„ 30	„ 7	„ „	„ „	„ „
<i>Медвѣдь</i>	5—83 ¹ / ₄	4—85	6— „	7— „	5—91	6—60
<i>Сожатый</i>	3—66 ¹ / ₂	3— „	3—50	„ „	2—12	3—60
<i>Морась</i>	2—33 ¹ / ₄	„ „	1—72	2—41 ¹ / ₄	2—41	„ „
<i>Рыси</i>	4—15	„ „	5— „	6—83	8— „	5—25

IV.

ВѢДОМОСТЬ

о скотоводствѣ въ Томской губернии въ 1861 году.

I. лошадей.

Въ городѣ Томскѣ	6,503	} 623,095
Въ прочихъ городахъ	10,346	
Въ 6 округахъ	606,146	

II. рогатаго скота:

Въ городѣ Томскѣ	2,326	} 588,499
Въ прочихъ городахъ	11,866	
Въ 6 округахъ	574,207	

III. овецъ.

Въ городѣ Томскѣ	351	} 577,759
Въ прочихъ городахъ	6,698	
Въ 6 округахъ	570,710	

IV. свиней.

Въ городѣ Томскѣ	187	} 158,310
Въ прочихъ городахъ	984	
Въ 6 округахъ	157,149	

и V козъ:

Въ городѣ Томскѣ	108	} 19,906
Въ прочихъ городахъ	403	
Въ 6 округахъ	19,395	

А всего головъ . . . 1,967,962

V.

ВѢДОМОСТЬ

О числѣ зданій въ городахъ Томской губернии
за 1861 годъ.

(изъ дѣлъ Губернскаго Статистическаго Комитета).

I. въ городѣ Томскѣ.		
	камени.	деревян.
<i>Жилыхъ домовъ:</i> Казенныхъ	14	4
Церковныхъ и монастырскихъ	1	4
Общественныхъ	3	4
Частныхъ	75	2,634
<i>Нежилыхъ:</i> Казенныхъ магазиновъ (прові- ан. сол. вин)	"	7
Церковныхъ	"	1
Общественныхъ	1	"
Частныхъ	2	8
Лавокъ: казенныхъ (порохъ и соль)	"	1
Церковныхъ	19	"
Общественныхъ	100	71
Частныхъ	42	221
Театровъ	"	1
Полицейскихъ будокъ	12	4
II. въ городахъ.		
Колывани	2	282
Нарымъ	3	327
Каинскъ	"	437
Маринскъ	1	518
Барнаулъ	63	1989
Кузнецкъ	3	479
и Бійскъ	1	650
Всего въ 8 городахъ	355	7642

VI.

ТАБЛИЦА.

ЧАСТНАГО ЗАВОДСКАГО ПРОИЗВОДСТВА ПО ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ
въ 1861 году.

(изъ дѣлъ Губернскаго Статистическаго Комитета).

Число заводовъ:	Количество издѣлій:	Сумма выручки:
1. Кожевенныхъ . . 20	16,452 кожн	40,759 руб. сер.
2. Мыловаренныхъ. 19	7,381 пудъ	" 14,833 " "
3. Свѣчныхъ . . . 5	4,836 "	17,390 " "
4. Салотопенныхъ . 1	1,840 "	5,379 " "
5. Канатныхъ . . . 2	2,000 "	8,000 " "
6. Стекланныхъ . . 1 (стеклоокон и посуда)	на 30,740	" "
7. Прядильныхъ . . 2 (пуд. матер. неизвѣстно)	200	" "
8. Маслобойныхъ . . 2	100 "	700 " "
9. Воскобойныхъ . . 1	150 "	300 " "
Авсего 53 завода, вырабатывающихъ на сумму. 118,301 " "		

VII.

ТАБЛИЦА

НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ ПО СОСЛОВІЯМЪ ВЪ ТОМСКОЙ ГУБЕРНІИ
ВЪ 1861 ГОДУ.

(изъ дѣлъ Губернскаго Статистическаго Комитета).

	муж.	женщ.
I. Дворянъ потомственныхъ:		
въ городахъ . . .	109	128
въ округахъ . . .	53	45
II. Дворянъ личныхъ:		
въ городахъ . . .	1282	966
въ округахъ . . .	668	724
III. Духовенства:		
а. Православнаго бѣлаго: въ городахъ . .	182	237
въ округахъ . . .	1,137	1,416
б. Монашескаго:		
въ городахъ . . .	7	"
въ округахъ . . .	6	"
с. Единовѣрскаго: въ городахъ	6	2
въ округахъ . . .	30	45
д. Римско-Католическаго: въ городахъ . .	2	"
въ округахъ . . .	"	"
е. Евангелическаго-Лютеранскаго: въ городахъ	3	2 (въ Барнауль).
въ округахъ . . .	"	"
ф. Еврейскаго: въ городахъ	1	1 (въ Каинскѣ).
въ округахъ . . .	"	"
г. Магометанскаго: въ городахъ	2	1 (въ Томскѣ).
въ округахъ . . .	72	84

IV. Городскихъ сословій:

а. Потомствен. Почетн.

Гражданъ: въ городахъ	34	35
въ округахъ . . .	6	6
Личныхъ: въ городахъ	25	25
въ округахъ . . .	"	"

б. Купцовъ всѣхъ гильдй:

въ городахъ . . .	988	904
въ округахъ . . .	161	178

с. Мещанъ: въ городахъ

въ городахъ	7,862	6,344
въ округахъ . . .	1,524	1,472

д. Цѣховыхъ: въ городахъ

въ городахъ	370	420 (въ Томск.).
въ округахъ . . .	"	"

V. Сельскихъ сословій:

а. Государственн. крестьянъ: въ городахъ

въ городахъ	1,912	1,571
въ округахъ . . .	78,975	78,079

б. Удѣльныхъ: въ городахъ

въ городахъ	25	15
въ округахъ . . .	9	8

с. Заводско - Алтайск. (нынѣ государст.) въ городахъ

въ городахъ	10	9
въ округахъ . . .	147,865	158,670

д. Временно - обязанныхъ: въ городахъ

въ городахъ	3	2
въ округахъ . . .	134	237

е. Бывшихъ дворовыхъ людей (нынѣ приписавшихся въ мѣщане или крестьяне) въ городахъ

въ городахъ	99	101
въ округахъ . . .	1	3

VI. Военныхъ сословій:

а. Регулярн. войскъ:

въ городахъ . . .	2,894	1,290
въ округахъ . . .	1,167	901

б. Иррегулярн. (Том-

скаго Коннаго Ка- зачьяго Полка) въ городахъ	284	208
въ округахъ . . .	5,194	5,304
с. Безсрочно — отпуск- ныхъ: въ городахъ.	193	87
въ округахъ . . .	506	378
d. Отставныхъ ния — нихъ чиновъ, сол- датскихъ женъ и до- черей: въ городахъ.	795	653
въ округахъ . . .	1,767	2,559
е. Бывшихъ солдатск. дтей и кантони- стовъ (до приписки въ податныя сосло- вія по достиженіи 20 лѣтъ) въ горо- дахъ	399	"
въ округахъ . . .	573	"
VII. Инородцевъ сибирскихъ: въ городахъ . . .	392	132
въ округахъ . . .	32,660	31,380
VIII. Иностранныхъ поддан- ныхъ: въ городахъ . .	19	9
въ округахъ . . .	18	8
и IX. Лицъ неприннадлежащихъ къ симъ VIII разрядамъ: въ городахъ . . .	7,530	7,014
въ округахъ . . .	62,714	47,475
(Въ томъ числѣ ссиль- ныхъ) каторжныхъ поселенцовъ исклю- чительно въ окр- гахъ	27,612	16,599
Итого: въ городахъ . . .	25,428	20,356
въ округахъ . . .	335,274	328,971
Общій итогъ по губерніи .	360,702	349,327
Всего	710,029	жит. об. пола

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе	1
ГЛАВА XI. Вступленіе.—Каинскъ	11
ГЛАВА XII. Нарымъ.—Томскъ	78 ✓
ГЛАВА XIII. Маринскъ.—Золотые Прииски	146
ГЛАВА XIV. Кузнецкъ.—Бійскъ	193 ✓
ГЛАВА XV. Барнауль.—Заключеніе	244 ✓
Приложенія:	
Таблицы и Вѣдомости	264